

ЯЗЫК КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТЬ

Выпуск 7

**Материалы
Всероссийской с международным участием
научной конференции молодых ученых
(Самара, 18 декабря 2020 г.)**

Электронное издание

ISBN 978-5-98229-460-9

© Коллектив авторов, 2021

Минимальные системные требования:

Компьютер:

процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше;
512 Мб ОЗУ; 5 Мб на жестком диске;
видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit);
привод CD-ROM

Операционная система:

Windows XP/7/8

Программное обеспечение:

Adobe Acrobat Reader версии 6 и старше.

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ

Выпуск 7

**М а т е р и а л ы
Всероссийской с международным участием
научной конференции молодых ученых
Самара, 18 декабря 2020 г.**

Текстовое электронное издание

ООО «Научно-технический центр»

Самара 2021

© Коллектив авторов, 2021

ISBN 978-5-98229-460-9

Самара
2021

УДК 8:37
ББК 80/84:74

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент *Е.В.Цветкова* (ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет им.Н.А.Некрасова») кандидат филологических наук, доцент *А.В.Грицкова* (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»)

Ответственный редактор –

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Т.Е. Баженова

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. Выпуск 7 :

материалы всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. (Самара, 18 декабря 2020 г.) / отв. ред. Т.Е. Баженова. – Электрон. текст. дан. [2,1 Мб]. – Самара : ООО «Научно-технический центр», 2021. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).

В издании представлены материалы научной конференции «Язык. Культура. Личность», которая состоялась на филологическом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета 18 декабря 2020 года.

Материалы сборника будут интересны студентам, магистрантам, аспирантам различных направлений гуманитарного образования, а также всем, кого интересуют проблемы связи между языком, культурой, сознанием, обществом и воспитанием личности.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

Компьютер: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше;

512 Мб ОЗУ; 5 Мб на жестком диске;

видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit);

привод CD-ROM

Операционная система: Windows XP/7/8

Программное обеспечение: Adobe Acrobat Reader версии 6 и старше.

© Коллектив авторов, 2021

От редакции

В сборник «Язык. Культура. Личность» включены материалы ежегодной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, прошедшей на филологическом факультете педагогического университета г.Самары в 2020 г. В этом году конференция была четырнадцатой по счету и проходила в дистанционном формате. Организатором конференции была кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания.

В формате онлайн-конференции работали секции «Актуальные проблемы русистики», «Языкознание и краеведение», «Методика преподавания русского языка и литературы и популяризация научных знаний», «Литературоведение и журналистика». В соответствии с направлениями работы конференции статьи в сборнике объединены в пять разделов.

В разделе «Актуальные вопросы русистики» представлены материалы докладов, посвященных различным аспектам изучения современного русского языка. В статьях Ю.О. Завадской, Т.Л. Колосовской и А.А. Чекиной рассматриваются особенности функционирования элементов устной речи в современном дискурсе (явление амплификации, различные виды повтора, устойчивые сочетания). Их исследования, а также научные работы Сунь Сяоли, Е.В. Болговой, А.С. Самоварновой выполнены на основе анализа корпусных материалов и демонстрируют современный подход к изучению языка. Интересный материал с точки зрения особенностей функционирования отдельных лексем и грамматических классов слов представлен в статьях К.Ю.Емельяновой – о явлении псевдоэквивалентности среди сложносокращенных слов, А.С. Прутовой – о динамике семантической структуры слова «страх» и Сунь Сяоли – о сочетаемости слова «самый». Изучению окказионального словообразования в современной поэтической речи посвящена статья Т.А. Сутуриной.

Раздел «Языковая личность в парадигме филологических и культурологических знаний» составили статьи участников конференции, интересующихся проблемами изучения культурных кодов в языке, литературе и фольклоре. Статьи А.А. Аникина, Ю.С. Чернышевой и М.Д. Масловой посвящены проблеме сохранения диалектных языковых особенностей в словарных материалах и фольклорных текстах; в статье И.Э. Иванова сделана попытка установить связь между изменениями в употреблении глагольных форм прошедшего времени и идеологическими установками одного из представителей раннего старообрядчества; Д.А. Какорина освещает факты заимствования слов из японской субкультуры аниме; А.В. Ломакин рассматривает стихи куйбышевских поэтов периода оттепели с точки зрения осмысления культурной и общественной значимости освоения космоса; статья Е.А.Обуховой содержит анализ мотивационных основ прозвищ с негативной коннотацией, вскрывающих природу социальных стереотипов.

В разделе «Художественный текст как феномен культуры» собраны статьи, посвященные изучению языка в его эстетической функции. Т.В. Болдырева, Н.А. Погромская, М.Д. Груничева, В.В. Губина, М.Е. Коробкина подвергают филологическому анализу идейное содержание, жанровые особенности и язык произведений русской и зарубежной литературы. В статьях Л.А. Рашидовой, А.Н. Степановой, М.В. Худышевой анализируются стилистические особенности поэтических текстов, а М.А. Титова рассматривает различные подходы к определению понятия идиостиля.

Раздел «Вопросы воспитания и языкового развития в педагогическом образовании» составили статьи методической направленности. В них предлагаются новые технологии, формы уроков и практический опыт начинающих педагогов (Е.Е. Жирихова, П.Ю. Никанорова, Е.Ю. Салкеева). Особое внимание уделяется проблеме развития языковых компетенций в условиях дистанционного и смешанного обучения (статьи С.А. Мязитовой, А.А. Михайловой, М.В. Худышевой, Н.А. Хоруженко и Л.И. Шаповаловой).

В завершающем сборник разделе «Функционирование языковых единиц в современном информационном пространстве» собраны статьи молодых журналистов, посвященные вопросам создания медиатекстов в региональных СМИ. В статье Э.Н. Серга представлены результаты анализа ряда публикаций экологической тематики; А.А. Ветрова обобщает опыт краеведческой публицистики; М.Д. Бычков рассматривает механизмы трансляции общечеловеческой ценностной проблематики в рамках тем, связанных с микро- и макроэкономикой. Статья Е.В. Мамоновой содержит анализ композиции медиатекстов в региональных СМИ.

Во всех разделах утверждается идея взаимосвязи языка и культуры, оказывающих большое влияние на становление духовно развитой личности.

УДК: 811.161.1

Е.В. Болгова (г. Мурманск, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. О.Н. Иванничева

ЗООНИМИЧНЫЕ ПРОЗВИЩА В СОВРЕМЕННОМ РЕЧЕВОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

*ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»*

В статье рассматриваются особенности функционирования зоонимичных прозвищ на материале тематической группы «хищные млекопитающие». Показано, что мотивационные признаки для прозвищ не всегда представлены стереотипными представлениями о животном, ими являются и обобщенные признаки (зверь, дикий, сильный). Исследование подтвердило мысль о большей пейоративности клички по сравнению с прозвищем, а также представление об употреблении клички по отношению к лицам определенного социального статуса.

Ключевые слова: зоонимы, прозвища, клички, современное речевое употребление.

The article examines the features of the functioning of zoonotic sobriquets on the material of the thematic group "predatory mammals". It is shown that motivational signs for sobriquets are not always represented by stereotypical ideas about the animal, they are also generalized signs (beast, wild, strong). The study confirmed the idea of a greater pejorativeness of a nickname in comparison with a sobriquet, as well as the idea of using a nickname in relation to persons of a certain social status.

Keywords: zoonyms, sobriquets, nicknames, modern speech usage.

Вводные замечания

Современное речевое употребление прозвищ характеризуется зыбкостью границ. Эта зыбкость касается, как минимум, двух аспектов: границы между именами собственными и нарицательными, границы между статусом номинаций «прозвище» и «кличка». Нерешенность проблемы объясняет актуальность ее исследования.

Цель статьи – проанализировать современное речевое употребление зоонимичных прозвищ с учетом их пограничного статуса. Материалом исследования являются зоонимичные прозвища тематической группы «хищные млекопитающие» в современном русском языке. Источником исследования являются примеры из Национального корпуса русского языка в объеме 100 употреблений зоонимов *бирюк, волк, выдра, гиена, лев, лис, лиса, медведь, пантера, россомаха, тигр, шакал*. Методами исследования явились метод сплошной выборки и контекстуального анализа.

Постановка вопроса

Исследование прозвищ в научной литературе осуществлялось в основном по пути изучения их классификации, мотивационных признаков, положенных в основу именования, и проблем лексикографического описания (см., например: [3; 15]). Особое внимание в работах уделяется диалектным, студенческим (молодежным) прозвищам, прозвищам выдающихся деятелей в сфере политики, культуры и спорта (см., например: [2; 5]). Достаточно подробно изучены тематические группы прозвищ и инвентарь их мотивировок (см., например: [12; 13]). Прозвища изучались в номинативном, коммуникативно-прагматическом, когнитивном и функциональном аспектах (см., например: [4; 10]). Изучается также лингвокультурологический аспект проблемы и прозвища как часть аксиологической картины мира (см., например: [9; 11]). Определяется разница в применении терминов *фамилия, родовое имя, прозвище, кличка, псевдоним, никнейм* (см., например, [1; 6]).

В теоретическом плане актуальным является вопрос принадлежности прозвищ к группе онимов или апеллятивов. Мнение о принадлежности прозвищ к именам нарицательным (апеллятивам) поддерживается утверждением, что они даются определенному классу людей, закрепляются за классом объектов и обладают характеризующей функцией, что свойственно именам нарицательным. Главным доводом сторонников этой позиции является наличие характеризующей функции прозвищ как основной [4, с. 36]. О промежуточном положении прозвищ между именами собственными и нарицательными говорится по отношению к коллективным прозвищам, которые

приближены к лексике с оценочным значением (см.: [4, с. 37]). Х. Вальтер и В.М. Мокиенко считают, что коллективные прозвища приближены к ономастическому статусу и в них выражается тесная связь общего и индивидуального [3, с. 16]. Представители иной точки зрения, которые признают прозвища именами собственными (онимами), полагают, что прозвища в отличие от апеллятивов ассоциативны, выполняют онимическую (номинативную) функцию, а индивидуализирующая и дифференцирующая функция у прозвищ как у неофициальных имен выражены гораздо ярче, чем у других официальных имен [4, с. 37]. Переход имен собственных в нарицательные среди прозвищ, представляющих собой трансформированные женские имена (Марфа, Матрена, Акулина, Дуня), в качестве презрительной характеристики человека (*оделась акулькой, вот дуняша пошла*) А.С. Щербак и О.В. Межуева объясняют ярко выраженной социальной характеристикой этих употребительных в деревенском быту имен [7, с. 153].

В литературе обсуждается вопрос о соотношении терминов *фамилия, родовое имя, прозвище, кличка, псевдоним, никнейм*. Определение объема понятия *прозвище* принципиально важно для лексикографической практики. Указывается, что прозвище – это неофициальное наименование лица, которое выступает в роли антропонима второго порядка и всецело зависит от социальной среды [14; 8]. Отмечается также стирание границ между именем и прозвищем в определенных социальных группах [14, с. 217]. В связи с лексикографическим описанием материала важной проблемой является точная лингвистическая дефиниция *прозвищ* и *кличек*. Во многих работах по жаргону эти термины употребляются как синонимы в силу их семантической близости, хотя отмечается большая негативная оценочность слова *кличка* [3, с. 6–9].

Таким образом, выявлены две проблемы в определении статуса прозвищ в современной науке: их место в грамматической и лексической системе языка. Важно посмотреть, как этот статус трансформируется в современной русскоязычной речевой практике. На переходный характер и зыбкость границ между разными группами неофициальных именований чело-

века указывалось неоднократно, но исследование зоонимичных прозвищ в этом плане проведено не было. В этом состоит новизна нашего исследования.

Результаты исследования

Исследование языкового материала тематической группы «хищные млекопитающие» показало, что для неофициального именованя человека в современной речевой практике используются слова *прозвище* и *кличка*, а также перифрастические сочетания: *как его (меня) называют/называли (солдаты и т.д.), так называемая, его прозвали, за глаза зовут*.

Мотивационные признаки, положенные в основу прозвища/клички в данной тематической группе в современной речевой практике, абстрагированы и представлены родовыми названиями животных (*зверь*), а также общими их характеристиками (*дикий, сильный*). Исключение составляют прозвища, образованные от фамилии или от имени (*Волк от Волков, Тигр от Тигров, Медведь от Михаил*). Встречаются примеры обратного словоупотребления, когда прозвище употребляется вместо имени героя: – Ну, как там Шакал Сергеич? Горит синим пламенем? [Г. Владимов. Три минуты молчания (1969)].

Немногочисленные примеры указывают на мотивировку создания прозвища. Обычно такое пояснение в языковом материале отсутствует, если только не представлено самим автором произведения, как в случае с рассказом И.С. Тургенева «Бирюк» из цикла «Записки охотника», где писатель сам объясняет появление прозвища: *Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый*.

Необходимо отметить, что материал «Большого словаря русских прозвищ» [3] не всегда совпадает с нашими данными современного речевого употребления. Так, авторы словаря указывают, что шутовское прозвище *Медведь* дается человеку с походкой, напоминающей медвежью; очень полному человеку высокого роста или студенту-старшекурснику [3, с. 360]; народное неодобрительное прозвище *Росомаха* – неаккуратной женщине за беспорядок в доме [3, с. 475]. А прозвище *Тигр* упоминается в словаре только в связи с Клемансо [3, с. 537] – политическим деятелем и премьер-министром Франции в начале XX века, который свое прозвище получил за жесткий

характер и непримиримость к политическим противникам. Наш материал показывает актуализацию признаков «сильный» (*Медведь*), «дикий/диковатый» (*Росомаха*) и «зверь» (*Тигр*). См. примеры:

Они звали Левку после уроков на задний двор – их было человек пять; Медведь, Сява, Манюня, ещё кто-то, – окружили Левку, о чём-то заспорили, и вдруг Медведь, главный силач класса, охватил Левку за шею, опрокинул его рывком навзничь, остальные с криками «огого!» набросились, Лёвка сопротивлялся, бил ногами, но его, конечно, смяли, скрутили, кто-то сел ему на грудь, и вдруг раздался громкий треск, будто лопнула автомобильная шина [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)].

Инспектор ненавидел его, говоря, что человек обладающий рыканием льва, должен иметь характер зверский: должно быть, судил по себе, ибо, обладая семипушечным басом, несравненно сильнее карасино, по натуре был настоящий зверь, за что и получил прозвище не рыба, как Карась, а звериное, ибо имя его – Медведь [Н.Г. Помяловский. Очерки бурсы (1862)].

Он очень близко принял это к сердцу и даже немного заболел, оттого просил переговорить с вами, чтобы вы забрали свое заявление обратно. Свою кличку Росомаха получила не зря. Во всем ее облике ощущалось нечто диковатое [Е. Сухов. Делу конец – сроку начало (2007)].

Зверь! Постепенно эта кличка перешла на «тигр». И «тигр» уже стал постоянным моим прозвищем [Ю. Башмет. Вокзал мечты (2003)].

Прослеживается связь между использованием того или иного прозвища в анализируемом материале и социальным статусом именуемого объекта. Так, прозвище *Тигр* связывается с профессией боксера и «крутого» человека: *Дариуш Михальчевский, прекрасный боксер по прозвищу Тигр, пришел к промоутеру Колю из Польши [В. Коротич. Гамбургский счет братьев Кличко // Совершенно секретно. 2003.02.06]; Если ты не принесешь нам деньги, Тигр тебя и твоих братков в лепешку раздавит. <...> Не дай Бог тебе узнать. Запомни только – Тигр обид не прощает. Не вздумай скрываться или что-то не так*

сделать – из-под земли достанем. <...> Ему не по чину было общаться с таким крутым человеком, как Тигр. <...> – Может быть, и так, – задумался Тигр, – но почему ты решил, что он согласится? [А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)].

Как уже указывалось выше, кличка имеет особую пейоративность, больше относится к сфере жаргонной лексики [3, с. 6]. В нашем исследовании различение прозвища и клички основывалось на текстовом сигнале – употребление слов *прозвище* и *кличка* в контекстном окружении. Исследуемый материал подтверждает представление об употреблении клички по отношению к лицам определенного социального статуса (*Медведь* – об арестованном, *Росомаха* – о проститутке, *Шакал* – о террористе и убийце). Но одновременно материал свидетельствует и о достоверности предположения о размывании границ между прозвищем и кличкой в современном речевом употреблении. Так, зоонимы *Тигр* и *Шакал* обозначают и прозвище, и кличку. См. примеры:

Дариуш Михальчевский, прекрасный боксер по прозвищу Тигр, пришел к промоутеру Колю из Польши [В. Коротич. Гамбургский счет братьев Кличко // Совершенно секретно. 2003.02.06];

– У Армена есть очень крутой дядя, Тигр его кличка, – наконец выдал он из себя, – он моему шефу дал добро на вас [А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)];

Он очень стильно описал убийцу-философа по прозвищу Шакал [Е. Козырева. Дамская охота (2001)];

В том же году известный террорист Ильич Рамирес Санчес, более известный по кличке Шакал, вместе со своими подельниками предпримет захват самолета израильской компании «Эль Ал» в парижском аэропорту Орли [Эту войну проиграть нельзя // Солдат удачи. 2004.01.14].

Заключение

Неопределенность статуса прозвищ определяется их пограничным положением: не установлены критерии, считать ли эти слова именами собственными или нарицательными, нет устоявшейся лингвистической дефиниции соотносимых с прозвищами понятий. Речевая практика показывает значимость прозвищ как неофициального имени в повседневной

коммуникации, так как эти единицы позволяют индивидуализировать процесс общения, создать образ человека, выявить дополнительную информацию о нем. Особенно значимы в этом плане зоонимические прозвища – прозвища, созданные метафорически, по выражению Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, по «животной» модели [3, с. 332].

Исследование материала тематической группы «хищные млекопитающие» как части пространства зоонимической лексики показал, что мотивационные признаки для прозвищ не всегда представлены стереотипными представлениями о животном, ими являются подчас обобщенные признаки (зверь, дикий, сильный). Прозвища, охваченные исследуемым материалом, обнаруживают взаимопересекаемость с кличками, употребляются в современной речевой практике как синонимы. Исследование подтвердило мысль о большей пейоративности клички по сравнению с прозвищем, а также представление об употреблении клички по отношению к лицам определенного социального статуса.

Литература

1. Аверкова О.В. Фамилия, фамильное прозвание, родовое имя, прозвищное наименование, прозвище, когномен, агномен, номен, эпиклеса – как не запутаться в антропонимических названиях? // Филологические науки в России и за рубежом: Материалы I Международной заочной научной конференции (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.) / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. СПб.: Реноме, 2012. С. 93–95.
2. Боброва М.В. Лексика животного мира в современных прозвищах коми-пермяков: названия рыб // Филология в XXI веке. 2019. №1(3). С. 96–101.
3. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2007. 704 с.
4. Гузнова А.В. Прозвища как микроантропонимы: дифференциальные признаки // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3(16). С. 36–39.
5. Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области): автореф. дисс. канд. филол. н. Смоленск, 2007. 25 с.
6. Кохан Н.А. К вопросу об определении и соотношении понятий «сетевое имя», «псевдоним», «прозвище», «user name», «login

name», «screen name», «nickname», «handle» // Казанская наука. 2016. №5. С. 60–62.

7. Межуева О.В., Щербак А.С. Региональные прозвища: вторичная номинация // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 10(90). С. 150–154.

8. Морозова М.Ю. Система ценностей этноса за счет оценочных коннотаций (на материале тамбовских прозвищ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №9(137). С. 165–169.

9. Природина У.П. Этнокультурное пространство антропонимов в языке (на материале шведских личных имен, фамилий, прозвищ): автореф. дисс. канд. филол. н. М., 2012. 28 с.

10. Робустова В.В. Антропонимическое прозвище в когнитивно-функциональном аспекте (на материале англоязычных художественных произведений XX–XXI вв.): автореф. дисс. канд. филол. н. М., 2009. 26 с.

11. Цепкова А.В. Национально-культурная специфика прозвищ (на материале современного англоязычного интернет-дискурса): автореф. дисс. канд. филол. н. Иркутск, 2011. 25 с.

12. Шостка Е.С. Современные прозвища, соотносимые с древнерусскими // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 6(74). С. 275–278.

13. Шпар Т.В. Зооморфные прозвища футболистов (на материале немецких СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 194–197.

14. Щербак А.С., Бурькин А.А. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 9 (77). С. 213–217.

УДК 81'373.611

К.Ю. Емельянова (г. Донецк, ДНР)
Научный руководитель д.ф.н., проф. В.И. Теркулов
МОДЕЛИ ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ СЛОВ

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В работе рассматриваются модели расхождения в ономаσιологических структурах словосочетаний и сложносокращённых слов. В основе анализа лежит понятие «псевдоэквивалентность». С помощью ономаσιологического анализа были установлены модели псевдоэквивалентности.

Ключевые слова: псевдоэквивалентность, псевдоэквивалент, ономаσιологическая модель, ономаσιологический базис, ономаσιологический признак.

The paper examines the discrepancies in the onomasiological structures of word combinations and compound words. The basic unit is the concept of "pseudo equivalence". With the help of the onomasiological analysis pseudo-equivalence models were established.

Keywords: pseudo equivalence, pseudo equivalent, onomasiological model, onomasiological basis, onomasiological feature.

Предлагаемый в работе анализ является продолжением ряда работ Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого национального университета. Цель Лаборатории – составление Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь), который содержит в себе все обнаруженные текстовые эквиваленты аббревиатур.

Объектом анализа при составлении Словаря являются гнездо эквивалентности – «совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [10, с. 17], и аббревиатурная группа, то есть «группа гнезд эквивалентности аббревиатурных слов, имеющих тождественный абброконструкт» [10, с. 15], например, аббревиатурные группы *авиа*, *авто*, *био*, *гидро*, *евро*. В традиционных словарях сокращений представлены лишь те эквивалентные для сложносокращённых слов словосочетания, которые «лежат на поверхности», при этом упускается из поля зрения большое количество других действительных текстовых эквивалентов, употребляемых носителями языка. Например, в словаре сокращений и аббревиатур [8] у сложносокращённого слова *авиаклуб* отмечается только одно эквивалентное словосочетание – *авиационный клуб*, в то время как в Словаре Лаборатории представлены следующие дублеты: *клуб авиации*, *авиационный клуб*, *авиационно-спортивный клуб*, *клуб авиамоделлистов*, *авиамоделльный клуб*, *клуб авиамоделирования*, *авиаспортивный клуб*, *клуб авиаторов*, *авиационный спортивный клуб*, *клуб авиалюбителей*, *авиатехнический клуб*. Данные единицы составляют гнездо эквивалентности аббревиатурного слова *авиаклуб*.

При анализе сокращённых единиц и их эквивалентов было обнаружено ранее не рассматривавшееся в науке явление, получившее название псевдоэквивалентность, то есть «"фиктивное" тождество аббревиатурных слов соответствующим эквивалентам, основывающееся на номинатемном несоответствии глосс» [4, с. 258]. Так, в процессе поиска текстовых эквивалентов для сложносокращённого слова *евроцит* ('деревянная плита, которая состоит из склеенных по специальной технологии реек, брусков или ламелей древесины определённой породы дерева' [13]) было обнаружено, что формальный дублет *европейский щит* не является действительным эквивалентным словосочетанием для данной аббревиатуры, так как имеет другое значение: «название типа щитов, применявшихся западноевропейскими рыцарями с XIII по XVI век, по другим данным с XIV по XV» [5]. Таким образом, *евроцит* и *европейский щит* – это псевдоэквиваленты, являющиеся глоссами разных номинатем. Для сложносокращённого слова *евроцит* был найден ещё один псевдоэквивалент – *щит Европы*. Здесь происходит метафорический перенос, основанный на сходстве функций: 1. *Щит* (прямое значение) 'защитное вооружение'; 2. *Щит* (переносное значение) 'человек, которого считают защитником территорий, или страна, которая защищает определённые территории' [3, с. 211–212]). Наличие у аббревиатурного слова нескольких псевдоэквивалентов позволяет говорить о формировании вокруг него **гнезда псевдоэквивалентности**.

При описании псевдоэквивалентов главным методом рассмотрения является ономасиологический (семантико-ономасиологический) анализ, который выявляет ономасиологическую модель дешифровального стимула, аббревиатуры и эквивалентного словосочетания.

По определению М. Докулила, **ономасиологическая модель** имеет бинарную структуру: она состоит из ономасиологического базиса и ономасиологического признака. **Ономасиологический базис** указывает на определённый понятийный класс, к которому относится слово, а **ономасиологический признак** – на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса [2]. Е.А. Селиванова считает, что

ономасиологическая модель состоит из: 1) общего смысла ономасиологического базиса (формантной структуры); 2) конкретного содержания двух или более ономасиологических признаков (отсылочной части); 3) их валентного потенциала и смысловой связи; 4) типа отношений между базисом и признаком [7, с. 20].

Нами были обнаружены следующие ономасиологические модели псевдоэквивалентности:

1) Пара *евроцит* – *европейский цит* (см. выше значения):
Евроцит – «квалификатив + материал»; *европейский цит* – «дестинатив + вооружение».

2) Пара *евроцит* – *цит Европы* (см. выше значения):
Евроцит – «квалификатив + объект»; *цит Европы* – «субъект + дестинатив».

3) Пара *гидробаланс* – *гидравлический баланс* (*гидробаланс* ‘соотношение жидкости, попавшей в организм, и жидкости выделенной организмом за определённый промежуток времени (3 часа, 5 часов, сутки, время тренировки, марафона и т.д.)’ [5]; *гидравлический баланс* ‘необходимое условие нормальной работы систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха’ [6]).

Гидробаланс – «коррелятив + состояние»; *гидравлический баланс* – «квалитатив + состояние».

4) Пары *бакфермент* – *бактериологический фермент* и *бакфермент* – *бактерицидный фермент* (*бакфермент* – это закваска для теста, а *бактериологический фермент* и *бактерицидный фермент* – добавки к молоку или сыру):

Бакфермент – «дестинатив + бенефициантив»; *бактериологический фермент* и *бактерицидный фермент* – «дестинатив + комитатив».

5) Пара *белокитаец* – «*Белый китаец*» (*белокитаец* – это китаец, воевавший в Белой армии; «*Белый китаец*» – это обозначение наркотического средства из Китая):

Белокитаец – «квалификатив + субъект»; «*Белый китаец*» – «квалитатив + локатив».

6) Пара *бумагорезка* – *бумажная резка* (*бумагорезка* – то же, что бумагорезательная машина, то есть приспособление для уничтожения документов разрезанием на мелкие кусочки; *бумажная резка* – способ создания изделий из бумаги):

Бумагорезка – «трангрессив + приспособление»; *бумажная резка* – «аллатив + фактитив».

7) Пара *водовозка* – *возка воды* (*водовозка* имеет несколько значений: 1) разг. лошадь, на которой возят воду; 2) разг. телега с бочкой или автомашина с цистерной для доставки воды [9]; *возка воды* – регулярно или многократно обеспечивать доставку воды на транспортном средстве):

Водовозка – «дестинатив + объект»; *возка воды* – «процесс + дистрибутив».

8) Пара *водоспуск* – *спуск воды* (*водоспуск* ‘напорное гидротехническое сооружение с отверстиями, служащее для опорожнения водохранилища, пруда, промыва донных наносов, а также для пропуска эксплуатационных расходов воды в нижний бьеф’ [14]; *спуск воды* – вытекание воды из какого-либо вместилища):

Водоспуск – «дестинатив + объект»; *спуск воды* – «процесс + дистрибутив».

9) Пара *канавокопатель* – *копатель канав* (*канавокопатель* (каналокопатель, траншеекопатель) ‘прицепная или самоходная землеройная машина непрерывного действия’ [1]; *копатель канав* ‘человек, который копает, роет канавы’):

Канавокопатель – «дестинатив + фактитив»; *копатель канав* – «субъект + фактитив».

10) Пара *рыбочистка* – *чистка рыбы* (*рыбочистка* ‘приспособление для удаления рыбьей чешуи’ [12]; *чистка рыбы* – снятие чешуи с рыбы):

Рыбочистка – «дестинатив + приспособление»; *чистка рыбы* – «процесс + трангрессив».

11) Пара *бумагоноситель* – *бумажный носитель* (*бумагоноситель* имеет несколько значений: 1) ‘элемент, входящий в структуру печатного устройства’ (здесь базисное слово – часть механизма), 2) ‘деловой портфель’ (то, в чём носят документы); *бумажный носитель* – материальный объект, напечатанный на бумаге и используемый для хранения информации (книги, энциклопедии, словари, справочники и т.д.):

Бумагоноситель – 1) «дестинатив + приспособление», 2) «дестинатив + объект»; *бумажный носитель* – «квалитатив + объект».

12) Пара *огнецвет* – *огненный цвет* (*огнецвет* ‘растение с цветами жёлто-синего цвета, то же, что Иван-да-Марья’ [11]; *огненный цвет* – цвет пламени):

Огнецвет – «квалитатив + объект»; *огненный цвет* – «посессив + признак».

Таким образом, нами выделяются следующие онома-сиологические модели псевдоэквивалентности: «квалитатив + материал», «дестинатив + вооружение», «квалитатив + объект», «субъект + дестинатив», «коррелятив + состояние», «квалитатив + состояние», «дестинатив + бенефициантив», «дестинатив + комитатив», «квалитатив + субъект», «квалитатив + локатив», «трангрессив + приспособление», «аллатив + фактитив», «дестинатив + объект», «процесс + дистрибутив», «дестинатив + объект», «процесс + дистрибутив», «дестинатив + фактитив», «субъект + фактитив», «дестинатив + приспособление», «процесс + трангрессив», «дестинатив + приспособление», «дестинатив + объект», «квалитатив + объект», «квалитатив + объект», «посессив + признак».

Литература

1. Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/> (Дата обращения: 28.01.2020).
2. Докулил М. Словообразование в чешском языке // Теория словопроизводства: резюме (на русском языке). Прага, 1962. 114 с.
3. Емельянова К.Ю. Типологические черты абброаффиксоидов как сокращённых конструкторов аббревиатур // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. науч. статей. В 2 т. Т. 2. Симферополь: АРИАЛ, 2018. С. 207–213.
4. Емельянова К.Ю. Универбализационная и псевдоунивербализационная фальсификации: первый опыт описания // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума (8–12 июня 2019 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко. В 2 т. Т. 1. Симферополь: АРИАЛ, 2019. С. 256–261.
5. Картаслов.ру // [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/> (Дата обращения: 28.01.2020).
6. Проектирование и монтаж систем ОБК // [Электронный ресурс]. URL: <https://saves.ucoz.com/> (Дата обращения: 28.01.2020).
7. Селіванова О.О. Субстантивні композиції в українській та російській мовах // Мовознавство. 1992. № 6. С. 19–22.

8. Словарь сокращений и аббревиатур // [Электронный ресурс]. URL: <https://sokrasheniya.academic.ru> (Дата обращения: 28.01.2020).
9. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova> (Дата обращения: 28.01.2020).
10. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. 2016. №3. С. 13–25.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка // [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov> (Дата обращения: 28.01.2020).
12. Энциклопедический словарь // [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es> (Дата обращения: 28.01.2020).
13. EkoModern // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekomodern.com.ua> (Дата обращения: 28.01.2020).
14. Fireman.club // [Электронный ресурс]. URL: <https://fireman.club/> (Дата обращения: 28.01.2020).

УДК 81'373.231

Ю. О. Завадская (г. Санкт-Петербург, Россия)
Научный руководитель
д.ф.н., проф. Н.В. Богданова-Бегларян

**ВСЁ ПОВТОРЯЕТСЯ ДВАЖДЫ,
А ИНОГДА И ТРИЖДЫ:
О ФУНКЦИЯХ ПОВТОРА
В РУССКОМ УСТНОМ МОНОЛОГЕ**

ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

В статье рассматривается функциональный спектр повтора как одного из неотъемлемых элементов устной речи. Под повтором подразумевается явление неоднократной реализации одних и тех же единиц в линейной структуре текста. Анализ корпусного материала показал, что в русском устном монологе повтор используется в двух основных функциях: стилистической и дискурсивной. В каждой функциональной группе выявлены конкретные разновидности: повтор-параллелизм, повтор-анафора и повтор именительного темы – в группе стилистических приемов; повтор-хезитация, повтор-коррекция, повтор при вставной конструкции и повтор-навигатор – в группе дискурсивных средств.

Ключевые слова: русская устная речь, повтор, дискурсивное средство, стилистический прием, монолог.

The article considers the functional spectrum of one integral element of oral speech – repetition, which means the phenomenon of oral speech, which consists in the repeated implementation of the same units of text. The analysis of the material showed that in the Russian oral monologue, repetition is used in two main functions: stylistic and discursive. In each functional group, several subtypes of repetitions are identified, which are described in detail in the article (for example, repetition-parallelism, repetition-anaphora, and repetition of the nominative theme within the group of stylistic repetitions).

Keywords: Russian oral speech, repetition, discursive means, stylistic device, monologue.

Лингвисты хорошо знают, что «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения» [13, с. 277], однако такая особенность устной спонтанной речи только увеличивает необходимость и значимость ее разноаспектного изучения. Ср.: «И не только к целым языкам, но и к отдельным языковым фактам лингвист как таковой может относиться в настоящее время только объективно-познавателью. Для него нет в процессе изучения <...> ни “правильного” и “неправильного” в языке, ни “красивого” и “некрасивого”, ни “удачного” и “неудачного” и т. д., и т. д. В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых» [9, с. 51]. Именно с таких позиций подходит к речевому материалу *коллоквиалистика*, под которой понимают теорию разговорной речи, а также раздел языкознания, объектом внимания которого является такая живая речь [3, с. 47; 12, с. 1].

Основная сложность, с которой сталкиваются исследователи устной речи, – это разные наборы инструментов, каждый из которых требует особого внимания. Так, при порождении устного спонтанного текста говорящий оказывается в ситуации «временного дефицита», когда он должен одновременно и вербализовать мысль, и продумывать следующее выражение, и оценивать правильность и уместность уже сказанного, ср.: «в реальных условиях коммуникации, в процессе

естественного спонтанного диалога (думается, что и спонтанного монолога тоже. – Ю. З.) продуцирование текста (высказывания) происходит, по существу, в “экстремальных условиях” – при дефиците времени и отсутствии возможности тщательно продумать стратегию» [7, с. 162]; «процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя единый речемыслительный процесс, осуществляемый механизмами речевого мышления» [6, с. 110].

Такие «правила игры» обуславливают возникновение в речи множества вспомогательных средств (пауз хезитации, повторов, прагматических маркеров) и/или таких неизбежных явлений, как обрывы, оговорки, вокализации. Настоящая статья посвящена такому неотъемлемому явлению устной речи, как *повтор*. По мнению Т.И. Горшуновой, «данное явление универсально и является типичным для любого языка» [2, с. 32], что подтверждает необходимость анализа функционального спектра повтора в русском устном монологе.

В качестве источника материала был выбран Звуковой корпус русского языка САТ («Сбалансированная аннотированная текстотека»), «содержащий монологи, записанные от носителей русского языка, принадлежащих разным профессиональным группам (медикам, юристам, “компьютерщикам” преподавателям – философам и филологам, разным группам студентов – филологам и нефилологам, а также ряду др.), и построенные в соответствии с коммуникативными сценариями, типичными для повседневного общения (чтение, пересказ, описание изображения, рассказ)» [1, с. 49]. В рамках настоящего исследования было проанализировано 150 расшифрованных текстов, полученных от женщин-медиков; в пользовательский подкорпус в итоге вошли 190 единиц (повторов) в контекстах.

Повтор не раз становился предметом лингвистических исследований, что породило и разные определения этого термина, ср.: «Повторы, или редупликации, состоят в полном или частичном повторении корня, основы или целого слова без изменения звукового состава или с частичным изменением его» [11, с. 153], «Повтор фразы может быть двойным или одинарным, грамматическая форма повторяемого слова или сочетания

в ответной реплике может изменяться по сравнению с исходной, а может оставаться без изменений. Это позволяет выделить две разновидности повтора: а) повтор без каких-либо грамматических изменений и без каких бы то ни было лексических добавлений со стороны говорящего, б) повтор с изменениями грамматической формы, что обусловлено тем, что одни и те же лексические единицы передаются разными лицами с разным отношением к выраженной этими языковыми единицами мысли» [10, с. 100]. Однако анализ специфики повтора с использованием нового, ранее не исследованного с этой точки зрения, материала, вынудил искать новое определение. В настоящей работе под повтором понимается явление устной речи, заключающееся в неоднократной реализации одних и тех же единиц текста. Таким образом, в материал исследования не входят ни фонетические, ни морфемные повторы. Во избежание неточного понимания предлагаемого термина обратимся к примеру:

1) *это был рыжий очень тощий кот с подпалинами на животе // у него было **разо**... / (э-э) **разорвано** одно ухо.*

В примере (1) говорящий обрывает реализацию краткого причастия, делает паузу, произносит неречевой звук (э-э) и восстанавливает (не повторяет, а договаривает) слово. Подобные случаи не рассматриваются в настоящем исследовании как повторы, поэтому не входят в пользовательский подкорпус.

Качественный анализ материала позволил выявить несколько особенностей функционирования повтора в русском устном монологическом дискурсе. Так, повтор может исполнять роль как стилистического приема (СП), так и дискурсивного, вспомогательного, средства (ДС). Ср.:

2) *он **взял с собой** лыжи тепло оделся **взял с собой** чемодан с различными необходимыми принадлежностями и приехал на этот курорт;*

3) *что ещё когда мы / там **про костёр** что-то было **про костёр** позже наверное ещё хочется про солнце.*

В контексте (2) явно реализован параллельный повтор, в терминах риторики и литературоведения – прием *параллелизма*, ср.: «Параллелизм – риторическая фигура, представляющая

собой расположение тождественных или сходных по грамматической и семантической структуре элементов речи в смежных частях текста, создающих единый поэтический образ. Параллельными элементами могут быть предложения, их части, словосочетания, слова» [8, с. 717]. Идентичные приемы, использованные говорящим – не обязательно осознанно – с целью стилизации собственного текста, объединены в группу повторов в стилистической функции – СП. Следующий пример (3) демонстрирует повтор уже другого характера: говорящий, пересказывая прочитанный текст, с одной стороны, пытается одновременно вспомнить, о чем там шла речь, с другой, – использует повтор предложно-падежной формы *про костёр*, чтобы структурировать дальнейшее высказывание (сначала *про солнце*, позже – *про костёр*), и сделать это максимально близко к тексту-стимулу. Подобные повторы, к которым говорящий прибегает как к вспомогательному средству в различных, непростых с точки зрения речепорождения, ситуациях, выполняют функцию дискурсивного средства – ДС.

Анализ корпусного материала показал, что повтор в роли ДС встречается чаще (60% случаев); СП распространен в меньшей степени (40%). Эти данные свидетельствуют о том, что основная функция повтора в русском устном монологе – дискурсивная.

Внутри каждой из групп повторов обнаруживаются разновидности, конкретные его проявления в тексте. Так, повтор в роли СП включает в себя следующие разновидности:

- повтор-параллелизм,
- повтор-анафора,
- повтор именительного темы.

Рассмотрим эти типы на примерах из материала исследования:

4) *если роса обильна / вечером / и блестит крупными кра... / каплями на листьях и на траве значит день будет солнечным и жарким // очень красивым // если роса необильная то может быть день будет / а... облачным;*

5) *день катается / два катается / всё замечательно // но вот / впереди / он не заметил / крутой спуск и обрыв;*

б) *ну вот // ну значит / приметы // приметы / это дым / когда он стелется когда он это поднимается и когда это самое.*

Пример (4) иллюстрирует анафорический повтор союза и существительного в начале реплик, между которыми обозначена долгая пауза (//). В письменном виде это можно представить как два отдельных предложения, разделенных точкой. Как известно, *анафора* – это «стилистическая фигура, состоящая в повторении языковых элементов: звуков, слова или группы слов в начале каждого параллельного ряда, то есть в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи (полустихий, стихов, строф, словосочетаний или предложений)» [15, с. 1891]. Исследователи отмечают, что «анафора, участвующая в передаче отношений противопоставления, используется вместе с антитезой. Собственно анафора подчеркивает единство объекта рассмотрения, тогда как противопоставление организуется во фрагментах, следующих за анафорическим началом» [14, с. 73], что подтверждается и в этом примере: *если роса обильна* в первом предложении VS *если роса необильна* во втором. Можно предположить, что к подобному использованию повтора человек прибегает с той целью, чтобы облегчить дальнейшее построение высказывания, ориентируясь на одну и ту же синтаксическую модель.

В контексте (5) представлен параллельный повтор: глагольная форма *катается* дважды употреблена информантом для того, чтобы отразить поведение героя, который проводит время на горнолыжном курорте.

Пример (6) демонстрирует обращение говорящего к пространственной в русском языке синтаксической конструкции – именной теме. Неслучайно в эту конструкцию говорящий включает именно слово *приметы*: этой теме посвящен только что прочитанный информантом текст К.Г. Паустовского. Можно заметить, что, прежде чем начать пересказ, говорящий использует два прагматических маркера (*ну вот, ну значит*). Это свидетельствует о том, что «на старте» у него возникают трудности, которые решаются с помощью именной темы. Контактный, on-line, повтор той же лексемы может, гипотетически, подтверждать идею о влиянии уровня

речевой компетенции говорящих на качество и количество использованных ими повторов.

Более богатый спектр функций представлен в группе повторов в роли ДС:

- повтор-хезитация,
- повтор при самокоррекции («выходе» говорящего из ситуации речевого сбоя),
- повтор при вставной конструкции,
- повтор-навигатор.

Обратимся к контекстам, включающим перечисленные типы:

7) *ой / *С я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они котика накормили / это самое;*

8) *в жизни / каждого человека существует очень много примет другое дело знаем мы их или нет люди живущие в городе как правило ими не пользуются // потому что (э-э) потому что // определить время нам удаётся с помощью часов.*

В примерах (7)-(8) обнаруживается *повтор-хезитация*, использованный говорящим как вербальное заполнение паузы, необходимой ему для раздумья, для планирования следующей порции высказывания. В контексте (7) представлен тройной повтор фрагмента *я чего-то*, вызванный, вероятно, самоиронией (говорящий смеется над собой, осознавая, что запомнил только конец текста). Кроме того, на возникновение довольно нестандартного повтора (тройные повторы встречаются в материале значительно реже, чем двойные) мог повлиять и смех (*С), требующий какого-то времени на возвращение говорящего к порождению текста. И эта вынужденная пауза заполняется повтором как ДС.

Более «классическое» использование повтора-хезитации представлено в примере (8). Говорящий строит довольно объемное высказывание и вынужден взять небольшую паузу в начале придаточного причины. Возможно, в момент произнесения неречевого звука (э-э) он или вспоминает текст-стимул, или действительно «отдыхает» после нескольких высказываний, произнесенных вполне безупречно. Стоит обратить внимание на то, что повтор союза *потому что* «обрамляет» неречевой звук, как бы «возвращая» информанта к тексту.

Следующий тип дискурсивного повтора – *повтор-коррекция* – представлен в контекстах (9)-(10):

9) *этот кот тащил всё что ему попало под руку // под лапу;*

10) *но вот оказия **впереди** *Н незадача / **впереди** оказалась гора // довольно крутой спуск / но здесь нет препятствий.*

Оговорка, совершенная говорящим в примере (9), исправляется им; предлог *под* при этом повторяется, указывая говорящему на необходимую форму существительного. Повтор наречия *впереди* также помогает говорящему «выйти» из ситуации речевого сбоя (неправильно употребленное *оказия* вместо подходящего *незадача*) и «вернуться» к речепорождению.

Самой сложной (с точки зрения количества вариантов) является группа, включающая повторы при вставной конструкции (ВК). ВК – это всегда некая дополнительная информация, которую говорящий считает нужным сообщить, разного рода добавочные замечания, попутные указания, поправки, разъяснения и т. п. Однако в устной речи встречаются вставные конструкции, отличные от ВК литературно-письменной речи: *хезитативные*, *металингвистические*, *экстралингвистические* и *дискурсивные* [5, с. 49]. Для настоящего исследования эта классификация становится основополагающей, так как во многих случаях использование ВК сопровождается повторами, о чем свидетельствуют примеры (11)–(14). Представляется возможным рассмотреть уже эти примеры с разных точек зрения: с опорой на упомянутую выше классификацию ВК в устной речи (содержательный подход); а также исходя из расположения повторов (формальный подход).

11) *беседует с мужчиной страдающим избытком веса // ну **ожирение** у него равномерное как здесь уже говорили как раз то которое вредное **ожирение** // так / абдоминальное;*

12) *деревья / они тоже немножко искажены это не стройные **сосны** корабельные скажем **сосны** / а это старые липы;*

13) *приметы передаются по радио // (э-э) господи // как / *С сложный текст // приметы передаются по радио;*

14) *однажды когда он схватил кусок ливерной колбасы / мальчишки пытались его поймать // но он / залез / мигает // но он залез на / берёзу и тогда они стали его трясти эту берёзу.*

В примерах (11)–(12) представлены классические ВК, свойственные и литературному языку (подчеркнуты). Такие ВК можно исключить из высказывания, не утратив его логики и сохранив грамматическую правильность – работает так называемый *прием устранения*. Следующий пример (13) иллюстрирует металингвистическую ВК (МВК): говорящий комментирует с ее помощью сложность текста, который пересказывает (*господи // как / *С сложный текст*). Стоит обратить внимание, что МВК, «в отличие от классических вставных конструкций, в наибольшей степени диагностируют низкий уровень речевой компетенции говорящего (на долю информантов этой группы приходится 54,7% всех МВК) и встречаются в текстах, построенных по наиболее трудным коммуникативным сценариям, – в пересказах несюжетного текста (33,7%) и в описаниях несюжетного изображения (29,1%)» [5, с. 63].

Анализируемый пример как раз и представляет собой фрагмент из пересказа несюжетного текста К. Г. Паустовского «Несколько слов о приметах».

Последний пример (14) включает экстралингвистическую ВК: говорящий произносит *мигает*, очевидно, обратив внимание на красный мигающий огонек диктофона. Подобные ВК, во-первых, абсолютно не связаны с порождаемым текстом, во-вторых, оказываются очень редкими, ср.: «в материале их выявлено всего две» [5, с. 59]. Таким образом, с содержательной точки зрения можно выделить следующие типы ВК, содержащие повтор в контексте: классические (11)–(12), металингвистические (13) и экстралингвистические (14).

При формальном анализе материала выделяется три типа повторов при ВК: *повтор-рамка* (находится на границах ВК) (13)–(14); *повтор-связка* (внутри ВК повторяется слово из основного высказывания) (12); *повтор внутри ВК* (11).

Стоит обратить внимание, что в примерах (13)–(14) повторяется полноценная двусоставная грамматическая основа: *приметы передаются, он залез*. Кроме того, говорящие восстанавливают как распространитель *по радио* (13), так и союз

но, указывающий на противительные отношения между частями высказывания (14). Эти факты подтверждают мысль, что повтор, обрамляя вставные конструкции, служит вспомогательным средством, «выводя» говорящего на прежний путь речепорождения.

Повтор-связка представлен в примере (12): слово *сосны* в первом случае находится на границе высказывания и ВК, во втором – внутри ВК (*корабельные скажем сосны*). Подобные повторы уже не поддаются *приему устранения*, что можно считать «свойством спонтанной речи в целом» [5, с. 52].

В примере (11) информант описывает заболевание персонажа глазами профессионала (напомним, что все информанты в данном случае – медики). Изначально использованное словосочетание *избыток веса* заменяется на терминологическое *абдоминальное ожирение*. Повтор в этом случае не выходит за границы ВК; можно предположить, что говорящий намеренно использует профессиональную лексику только внутри вставной конструкции, которая не относится к основному высказыванию и не входит в его состав. Стоит обратить внимание и на структуру ВК: отсутствие повторяющихся слов за ее пределами может говорить о том, что говорящий образует новую синтаксическую структуру, которую непросто вписать в основное высказывание, но можно выделить как отдельное предложение. Однако «признать такую конструкцию обычным “предложением” в ряду других при этом все же довольно затруднительно как раз в силу характера передаваемой ею информации, которая остается подчеркнуто дополнительной, лежащей в плоскости, в какой-то степени параллельной основной теме текста» [5, с. 46].

Описанные виды ВК и повторы в них или рядом с ними подтверждают, что структурное, как синтаксическое, так и грамматическое, оформление устной спонтанной речи существенно отличается от тех правил, которыми руководствуется речь письменная. Именно поэтому необходимость описания подобных явлений особо остро ощущается сегодня, когда внимание к естественной форме бытования языка усиливается.

Отдельного описания требует *повтор-навигатор*, представленный в контекстах (15)-(16):

15) *ну а про приметы ещё / приметы / если солнце / если бордо... / бордовый закат то на следующий день будет ветер;*

16) *на картине Шишкина / изображено / раннее утро в лиственном лесу солнце только-только поднимается / (э-э) над землёй **наверно** это где-то по времени часов **наверно** семь утра.*

Повтор такого типа используется теми информантами, которые, «с одной стороны, помогают себе вербально направлять движение монолога, с другой – “ведут” за собой слушателя, информируя его, о чем пойдет речь дальше» [5, с. 74]. Так, в примере (15) испытуемый повторяет существительное *приметы*, являющееся тематическим центром и прочитанного, и пересказываемого текста. Это позволяет одновременно обозначить тему будущего высказывания и для себя, и для слушателя, вспомнить о том, что говорилось в тексте-стимуле. Схожий по предназначению повтор обнаруживается и в примере (16). Говорящий повторяет вводное слово *наверно*, стремясь описать несюжетное изображение (признано одним из самых сложных речевых заданий). Его эксплицированные предположения, во-первых, способствуют продвижению высказывания, во-вторых, позволяют ощутить степень его неуверенности в собственных словах. Такие повторы можно рассматривать как разновидность дискурсивных ВК, которые служат для говорящего вспомогательным средством в момент речепорождения.

В заключение проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Повтор как явление устной монологической речи может выполнять в монологе две функции: выступать в роли стилистического приема или вспомогательного средства.

2. Повтор в функции вспомогательного средства употребляется в спонтанном монологе существенно чаще (60% случаев), из чего можно сделать вывод, что эта функция является основной для него.

3. Дискурсивный повтор может разными способами помогать продвижению высказывания, что характеризует его как важный элемент речепорождения.

К перспективам исследования можно отнести следующее: (1) поиск и анализ взаимосвязи между социальными характеристиками информанта и количеством и качеством используемых в его речи повторов; (2) более подробная классификация повторов при вставных конструкциях. В целом это позволит получить более полную характеристику повтора как явления устной спонтанной речи.

Литература

1. Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Шерстинова Т.Ю., Зайдес К.Д. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстовка» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019. С. 111–126.
2. Горшунова Т.И. Причины и формы проявления повтора в спонтанной речи // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5(17). С. 32–35.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 256 с.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
5. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 320 с.
6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 218 с.
7. Левицкий Ю.А. К вопросу о второй коммуникации // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Сб. статей / Отв. ред. Е.В. Ерофеева. Пермь: Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. С. 159–167.
8. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

9. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // А.М. Пешковский. Избранные труды / Подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И.А. Василенко и И.Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.
10. Плотникова А.В. Повтор как составляющая речевой коммуникации // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Международной научной конференции (г. Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 100–102.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
12. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Саратов. ун-т, 1985. 210 с.
13. Томпсон М. Философия науки / Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: Фаир-пресс, 2003. 304 с.
14. Цин Ян. Функции анафоры в газетно-публицистическом стиле // Человек в мире культуры. 2014. № 4. С. 69-75.
15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.: ПОЛРАДИС, 1993. 2561 с.

УДК 811.161.1

Т.Л. Колосовская (г. Санкт-Петербург, Россия)
Научный руководитель
д.ф.н. проф. Н.В. Богданова-Бегларян

КТО – КОГО? –
О КОМПОНЕНТАХ СИНТАКСИЧЕСКОЙ
ФРАЗЕМЫ <P – N₁ ОТДЫХАЕТ>
В РУССКОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет

В данной статье рассматривается один из компонентов синтаксической фраземы <P – N₁ отдыхает>. Важно отметить, что элемент P рассматриваемой конструкции в контексте может быть назван и описан, а может быть только описан. Это может быть лицо (*Лена, Терехов, Тимур, роскошная блондинка в черном*), иногда даже участвующее в разговоре, предмет (*лицо*), событие (*футбольный матч*) или даже абстрактное понятие (*постмодернизм*). Наблюдения основаны на примерах из Национального корпуса русского языка, а также записей разговорной речи жителей Крыма. Полученные выводы могут быть полезны в лексикографической и вузовской практике преподавания современного русского языка.

Ключевые слова: синтаксическая фразема, малый синтаксис, фразеологизм, конструкция, коллоквиалистика.

This article examines one of the components of the syntactic phraseme < P – N₁ is resting >. It is important to note that the element P of the considered construction in the context can be named and described, and can only be described. It can be a person (Lena, Terekhov, Timur, a luxury blonde in black), sometimes even participating in a conversation, an object (face), an event (football match), or even an abstract concept (postmodernism). The observations are based on examples from the National Corpus of the Russian Language, as well as recordings of the spoken language of Crimean residents. The findings can be useful in lexicographic and university practice of teaching the modern Russian language.

Keywords: syntactic phraseme, small syntax, phraseology, construction, colloquialistics.

XXI век отличается повышенным вниманием к разговорной речи носителей языка, потому что язык – это живая система, в которой постоянно происходят какие-то изменения: возникают новые значения или функции знакомых слов, новые единицы или их сочетания. Ср.: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее» [6, с. 89-90]; «Язык создается посредством изменения и “умирает” как таковой, когда он перестает изменяться» [10, с. 343]; «Изменения в языке – универсальное явление, признак развития (жизни!) данной языковой системы» [3, с. 5]. И причины всех языковых изменений коренятся именно в устной речи, в которой особенно активно проявляется творческое начало, креативность носителей языка, ср.: «Все диахроническое в языке является таковым через речь. В речи источник всех изменений; каждое из них первоначально, прежде чем войти в общее употребление, начинает применяться некоторым коллективом индивидов. <...> Факту эволюции [языка] всегда предшествует факт, или, вернее, множество сходных фактов в сфере речи» [14, с. 102]; «Новая норма всегда начинается с целого ряда индивидуальных фактов» [14, с. 136]; «Ничто не входит в язык, что не было бы раньше испытано в речи, и все явления эволюции коренятся в сфере индивида» [14, с. 156]; «всякое языковое изменение – индивидуального происхождения; в своем начале – это свободное творчество человека» [4, с. 299]. Результаты такого

«свободного творчества человека» и представляют для лингвистического исследования особенный интерес.

Современный русский язык, так же как все другие, очень гибок, подвижен и подвержен активным изменениям на разных уровнях, в особенности – на лексическом и синтаксическом. Говорящие часто используют в своей повседневной речи различные устойчивые обороты, словосочетания, конструкции, которые рождаются в речи, начинают активно функционировать (становятся «фактом в сфере речи»), а потом могут и закрепиться в языке (стать «фактом эволюции языка»). Во многом это объясняется спецификой разговорной речи, ср.: «РР (разговорная речь. – Т. К.) – это языковая система, для которой в высшей степени характерно стремление к использованию готовых единиц, всякого рода готовых конструкций, что объясняется автоматизмом протекания речевого акта. Говорящий, находясь в условиях непринужденного, неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам, стереотипам» [8, с. 6]. Ср. также: «Наличие в речевой практике говорящих на любом языке большого числа устойчивых повторяющихся выражений – факт сам по себе хорошо известный. Феномены такого рода, определяемые как “идиомы”, “устойчивые сочетания”, “речевые формулы”, “речевые штампы”, “клише”, находят в этом качестве определенное место в любом описании языка» [5, с. 121]. В настоящей работе для подобных идиоматических конструкций используется термин «синтаксическая фразема».

Надо отметить, что *идиоматичность* в настоящей работе понимается достаточно широко, как синоним *фразеологичности*, а критериями идиоматичности / фразеологичности признаются устойчивость, воспроизводимость и сверхсловность той или иной единицы (см., например, такой подход в: [1; 11; 2; 12]).

Под *синтаксическими фраземами* (СФ), вслед за Л.Л. Йомдиным, будем понимать «такие фразеологические единицы, которые обладают синтаксической спецификой по сравнению с нефразеологическими сочетаниями» [9, с. 202]. Подобного понимания данного термина придерживаются

также И. А. Мельчук [17, 18] и Р. Джекендофф [16], подчеркивающий наличие в СФ переменных частей.

По мнению Л.Л. Иомдина, рассматривать синтаксические фраземы следует в рамках *малого синтаксиса*, или *микросинтаксиса*. Здесь выделяются нестандартные синтаксические конструкции и СФ, различие которых заключается в «степени лексикализации объекта» [9, с. 203]. Синтаксическими фраземами являются, например, конструкции типа <Z-у не до X-а> (*мне не до обеда*), *X как X* (*обед как обед, статья как статья*), *это X-у (не) по Y-у* (*это мне не по карману*). Подобные СФ наиболее близки к тому, что стало объектом внимания в настоящем исследовании.

Т.И. Стексова отмечает, что синтаксические фраземы должны рассматриваться и анализироваться отдельно, потому что они не укладываются в традиционные синтаксические классификации [15, с. 187]. Автор предлагает принять процесс идиоматизации за главную причину возникновения данных конструкций, ведь именно он затрагивает все языковые уровни и способен привести к образованию фразеологизма. Важным замечанием Т.И. Стексовой является критерий определения фразем: лексической является та фразема, которая более частотно представлена в разговорной речи, при этом конструкция мало вариативна (*Муж и жена – одна сатана*), в то время как синтаксическая фразема, наоборот, менее частотна и имеет богатство вариантов. Именно такой и является рассматриваемая в настоящей статье конструкция <P – N₁ отдыхает>. где P – это некий предмет, признак или обстоятельство, стоящие у истока сравнения, а N₁ – компонент, с которым сравнивают P (примеры см. ниже).

В XXI веке в нашей жизни произошло много изменений, люди стали усваивать новые ценности, стремиться быть лучше, чем они есть. В результате все вокруг стало поддаваться сравнению: образ жизни, внешность, одежда, поведение, характер, достижения, в речи стали часто употребляются различные сравнения и сравнительные конструкции. Одной из таких конструкций и является СФ <P – N₁ отдыхает>.

В классических толковых словарях русского языка иллюстрируются стандартные, привычные для носителей языка

значения глагола *отдыхать*. Основными из них являются следующие: (1) ‘отдыхом восстанавливать силы; проводить свой отдых где-н.’ (*Спортсмены **отдыхают** после тренировок*), (2) ‘восстанавливать свои силы сном (прост.)’ (*Не буди его: **отдыхает** после обеда*) [13, с. 486].

Нужное сравнительное значение, которое присуще всей рассматриваемой конструкции, продемонстрировано лишь в «Словаре русского арго» В.С. Елистратова: (2) ‘кто-л. не может состязаться в чем-л. с кем-л’: *Немцы сняли «Достучаться до небес» (фильм) (Р) – Тарантино (N₁) **отдыхает!*** [7, с. 303–304].

Главное внимание в настоящем исследовании сосредоточено на компоненте Р, который сравнивают с N₁, и признакам, по которым осуществляется сравнение. Рассмотрим это на конкретных примерах, привлеченных из разных источников (устный подкорпус Национального корпуса русского языка и личные записи автора). Фрагмент, соответствующий Р (если он назван), в контексте подчеркнут, N₁ выделен шрифтом.

1) [Студент2, жен., 19, 1990, студент] *Да / блин / как хочу / так и разговариваю. Чё пристали. Иногда так на кого-то поругаться!* [Студент3, жен., 21, 1988, студент]. *Вау / Лен / круто!* [Студент1, жен., 18, 1991, студент]. ***Тина Канделаки отдыхает*** [Студент3, жен., 21, 1988, студент]. *Да-да. Так четко / быстро / громко.* [Студент2, жен., 19, 1990, студент]. *Фу-уф.* [Разговоры ульяновских студентов (2009) // Из коллекции Ульяновского университета].

Пример (1) – образец достаточно необычной реализации рассматриваемой конструкции. Во-первых, объект сравнения (Р) прямо не назван, но присутствует в полилоге лично: это некая *Лена* (Студент2) – девушка, которая сравнивается с N₁ (*Тина Канделаки*) по следующим признакам, озвученным в контексте самой Леной. Во-вторых, эти признаки выдаются Леной двумя «порциями». После первой «порции» (*как хочу / так и разговариваю <...> Иногда так на кого-то поругаться!*) следует одобрительная реакция на них еще одного собеседника (Студент3) (*Вау / Лен / круто!*), затем собственно сравнение, произнесенное третьим собеседником (Студент1) (*Тина Кан-*

делаки *отдыхает*), после чего Лена, очевидно, воодушевленная таким лестным для нее сравнением, «усиливает» свои позиции: *так четко / быстро / громко*. Чтобы была понятна причина появления именно такого N_1 во второй части СФ, поясним, что *Тина Канделаки* – это постоянная ведущая детской интеллектуальной телевизионной игры «Самый умный», где она прославилась логичной, но при этом очень быстрой речью. За продолжительное время существования данного шоу *Тина Канделаки* успела стать эталоном носителя грамотной, четкой, быстрой речи, на основе чего и производится сравнение. Р (*Лена*) в данном фрагменте явно (по мнению собеседников) превосходит N_1 .

2) [Дейч, муж., журналист] *А что говорилось там / только один пример / один из соучредителей партии Терехов / который подал на меня и на "Московский Комсомолец" в суд за диффамацию/ поскольку я сказал о нем / что он один из организаторов октябрьских погромов 93 г. / что правда. Вот его цитата / к вопросу о том / что собираются делать / "мы находимся на переднем крае политической борьбы / мы должны быть готовы ко всем изменениям / партия создается не для того / чтобы формулировать и декларировать принципы / а для того / чтобы это был боевой отряд". [№ 2, муж.] **Господин Геббельс отдыхает.** [Хакамада, жен, политик] *Отдыхает. Военизированная угроза/ значит/ угроза чисто физическая / во-первых / беспредельщики / а во-вторых/ военно подготовленные* [Беседа об угрозе фашизма в России в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003-2004) // «Эхо Москвы»].*

В примере (2) в роли объекта сравнения Р выступает номинативный оборот *один из соучредителей партии Терехов*, но сам объект в диалоге не участвует. *Терехов* сравнивается с N_1 – *Йозефом Геббельсом*, который в 1943 году, после совершившихся налетов союзников на территорию Германии, выступил с яростной двухчасовой речью, звучавшей в прямом эфире по радио и призывавшей к тотальной войне. Признаки, по которым осуществляется сравнение, можно вычлениить из контекста: *погром, военизированная угроза, боевой отряд, беспредельщики*.

3) [Тимур, муж.] *Чем? Ну / музыки нет / я бы станцевал вам здесь. Хотя могу и без музыки.* [В. Карасёва, жен, 26, 1980, радиоведущий] *Давайте / так / ха... отлично / Майкл Джексон нервно ходит в курилке / отдыхает. Спасибо/ браво!* [Реалити-шоу «Дом-2» (2006) // Из коллекции НКРЯ].

В примере (3) объект сравнения Р во фрагменте снова не называется, но присутствует – это *Тимур*, который сравнивается с такой знаменитостью, как *Майкл Джексон* (N_1), своими танцевальными способностями, которыми, как известно, отличался американский певец. Признак усиливается благодаря уточнению *Тимура*, что он может станцевать даже и без музыки. Важно отметить наличие в этом контексте, наряду с глаголом *отдыхает*, синонимичной ему конструкции *нервно ходит в курилке*, которую можно рассматривать как модификацию известного выражения *нервно курит в сторонке*.

4) *У буфета меня обгоняет роскошная блондинка в черном.* *Это местная кинозвезда с гонором.* – *Шэрон Стоун отдыхает* [Из личных записей автора // Севастополь, мужчина 20–25 лет, 2019].

В примере (4) рассматриваемый элемент Р представлен эксплицитно – *роскошная блондинка в черном*. Лицо сравнивается с N_1 – *Шэрон Стоун* – американской актрисой. Признаком сравнения является выражение *кинозвезда с гонораром*. Еще один признак выражен непосредственно в самом компоненте Р – *блондинка*: ср. особую семантику этого слова в современном языке – ‘глупая, недалекая, хоть и красивая девушка (женщина)’, «условно разумная человеческая особь женского пола» (<http://absurdopedia.wikia.com/wiki>). В данном случае единица представляет собой как лицо, так и сравниваемую характеристику объекта.

5) *Мама / ты моё лицо не видела / Оно уродливое / Квазимодо отдыхает!* [Из личных записей автора // Симферополь, девушка 14–16 лет, 2019].

В роли Р могут выступать не только лица. Как и N_1 , Р пестрит разнообразием. В примере (5) *лицо* говорящей явля-

ется главным компонентом сравнения, который выражает признак уродливости в большей степени, чем N_1 – *Квазимодо* – горбатый звонарь из романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

б) *Потрясающе! Ростов отдыхает!* К сожалению, невысокий темп самой игры и отсутствие выдающихся действий футболистов только добавляют убежденности в провинциальной заурядности происходящего [Из личных записей автора // Симферополь, мужчина 35–40 лет, 2019].

Устные контексты сложны для анализа. Чем меньшим объемом информации мы располагаем, тем больше вероятность столкнуться с двусмысленностью или неоднозначностью того или иного контекста. Пример (б) примечателен тем, что нельзя с полной уверенностью сказать, чем является Р в данной фразе. С одной стороны, в качестве Р может выступать определенная футбольная команда, которую сравнивают с другой футбольной командой «Ростов» ее неудачной игрой. С другой стороны, это может быть ситуация целого матча, который был настолько плох, что превзошел тот матч, который проходил некогда в городе Ростове. Уверенно можно выделить только те признаки, на основе которых и происходит сравнение: *невысокий темп игры, отсутствие выдающихся действий футболистов, провинциальная заурядность происходящего*.

7) [Н., жен., студент] *Вот я например не могу смотреть «ужастики» / мне это не интересно / Я не могу смотреть триллеры / мне это не интересно / но я смогу смотреть мелодрамы / но немного / я могу смотреть наши / я могу смотреть элитарное кино / типа Тарковского / «Зеркало» / Мне интересно как это сделано / Оно абсолютно сюр- / сюрреалистично / **постмодернизм в «Зеркале» просто отдыхает** / Там какие-то чисто там / я не знаю / всё такие навороты / **ну он отдыхает просто** / Там такой поток сознания / с женщиной / То есть это вообще / Это / это был аут когда я это увидела / А / опять же оттого что мне это было интересно [Беседа об учебе (1990–1999) // Из материалов Саратовского университета]*

Контекст (7) – это яркий пример того, как Р и N₁ могут совпадать. В центре внимания стоит *постмодернизм*, представленный нам в двух ипостасях, вычленить которые можно только из контекста. Постмодернизм продемонстрирован в узком и широком понимании: в качестве N₁ выступает постмодернизм, характерный именно для фильма «Зеркало», а Р – это постмодернизм в привычном его понимании, как одно из направлений в искусстве, которому присущи определенные черты. Повторение конструкции говорит о высокой степени эмоциональности, которая присуща говорящему в момент беседы.

8) [Н., жен., студент] *Если б он не был бы таким / он бы ниче не сделал че он сделал* / [Ю. К., жен., студент] *А что он сделал?* [Н., жен., студент] *Он настолько всю эту анархию прекратил / что было при Ф. / Там хохмили / **Гоголь отдыхает просто** / Смотри В. / мне госы еще сдавать* [В., жен., студент] *Ты «за стеклом» / ты попала сюда* [Ю. Л., жен., студент] *Ты литературу сдаешь? Мы тебя будем шантажировать* [Беседа о национальных отношениях (1990–1999) // Из материалов Саратовского университета].

В роли Р могут выступать не только лица или какие-то конкретные предметы, но и понятия абстрактные, что проиллюстрировал пример (7). В контексте (8) в качестве Р также выступает абстрактное понятие, связанное с временным параметром: условное определение периода в истории государства, который настал после правления некоего Ф. и которому присущи насмешки, злорадство, злословие. Выражением признака сравнения в примере является глагол *хохмить*.

9) [О. Чумичева, жен., 20, 1988, методист] *«Объясни мне / за что?» «Ну...» / и начинается: «Ты нас...» А куда мы идём / девчонки? Сюда / наверное / пойдём? «Ну / ты нас кинула» / и он без конца повторяет. Это то же самое / что у Юли «в принципе» слово / а у этого / «кинула». Я их / в принципе / кинула / короче* [Я. Воробьева, жен., 19, 1989, студент]. *Аа / вот в чём дело* [О. Чумичева, жен., 20, 1988, методист]. *Короче в принципе Ой / вау / мой подъезд отдыхает. У меня обычно летят арбузы какие-нибудь* [Я. Воробьева, жен., 19, 1989, студент]. *Ну / это скотч безобидный / ну* [О. Чумичева, жен., 20,

1988, методист]. *Значит /этот отдыхает* [Разговор девушек на улице (2008) // Из коллекции НКРЯ].

Контекст (9) является примером замены позиций Р и N₁ в процессе разговора. Сравнению подвергаются два подъезда. Сначала подъезд О. Чумичевой выступал с позиции N₁ и уступал другому в своих качествах (по-видимому, речь идет о недостаточной чистоте), но в процессе диалога данный подъезд перешел в позицию Р и стал выразителем более сильного признака, чем тот подъезд, в котором бросаются *скотчем*.

Язык, как уже было отмечено, постоянно меняется, но, помимо возникновения в нем каких-то новых единиц, многие выражения становятся клишированными, устойчивыми. Преимущество рассматриваемой конструкции заключается в ее вариативности. Анализ материала показал, что отмечаются варианты как компонента N₁, так и компонента Р. Подобная гибкость конструкции способна гарантировать ее актуальность, так как в любой момент можно заменить ее сравнивающиеся части. К тому же Р не всегда выступает реальной частью конструкции, так как может быть представлено имплицитно. Синтаксическая фразема менее распространена в устной речи, чем лексическая. Рассматриваемая конструкция <Р – N₁ *отдыхает*> встречается преимущественно в публицистической речи. В газетных заголовках и в текстах статей она имеет богатое воплощение, но скудно представлена в повседневном разговорном языке. Несмотря на низкую частотность этой синтаксической фраземы в устной речи, имеющиеся контексты демонстрируют разнообразие обоих компонентов конструкции, а их анализ представляется интересным в рамках коллоквиалистики как теории разговорной речи.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Богданова-Бегларян Н.В., Лю Даян. Идиоматика в повседневной устной речи (к разработке методики описания) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Т. 9, вып. 4, 2017. С. 16–27.
3. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: ЛГУ, 1981. 200 с.

4. Бонфанте Дж. Позиция нелингвистики // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / ред. В. А. Звегинцев. Часть I. М.: Учпедгиз, 1960. С. 298-319.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / ред. В. А. Звегинцев. Часть I. М.: Учпедгиз, 1960. С. 68-86.
7. Елистратов В. С. Словарь русского арго. Материалы 1980-1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
8. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
9. Иомдин Л. Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2006» / Под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: РГГУ, 2006. С. 202–206.
10. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. С. 143-343.
11. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
12. Лю Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 201 с.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер / Под ред. Р. И. Шор. М.: Соцэкгиз, 1933. 272 с.
15. Стексова Т. И. Между лексикой и грамматикой: к вопросу о статусе полужазаема // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2016. С. 187–194.
16. Jackendoff, Ray. Twisting the Night Away // Language, Vol. 73, 1997. Pp. 534–559.

17. Mel'čuk, I. Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne: Essai de description formelle // Revue des études slaves 59, 1987. Pp. 631–648.

18. Mel'čuk, I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk and R. Schreuder (eds.). Idioms: Structural and Psychological Perspectives. Chapter 8. Lawrence Erlbaum Associates, 1995. Pp. 167–232.

УДК 811.161.1

А.С. Прутова (г. Миасс, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. С.Н. Глазкова
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
СЛОВА «СТРАХ»

*Миасский филиал
Челябинского государственного университета*

В статье обосновывается актуальность исследования лексемы *страх*, репрезентирующей базовую эмоцию человека. Анализируются толкования полисеманта *страх*, зафиксированные в толковых словарях. Делается попытка установить корреляцию значения и употребительности лексемы *страх*.

Ключевые слова: лексема «страх», толкование, значение, употребительность, словарь, эмоция, синонимы.

The article substantiates the relevance of the study of the lexeme fear, which represents the basic emotion of a person. The interpretation of the polysemantic fear, recorded in the explanatory dictionaries, is analyzed. An attempt is made to establish a correlation between the meaning and use of the lexeme fear.

Keywords: lexeme *fear*, interpretation, meaning, usability, vocabulary, emotion, synonyms.

Эмоции – это сложный феномен, для понимания которого нужно учитывать следующие три аспекта:

- 1) Переживаемое или осознаваемое ощущение, созданное той или иной эмоцией;
- 2) Процессы, происходящие в системах организма;
- 3) Выразительные комплексы эмоций, то есть эмоции, которые можно увидеть на лице.

Обычно люди знают, что именно привело к появлению эмоций. Однако некоторые ученые утверждают, что эмоции

появляются в результате совместного взаимодействия функции физиологически возбуждающей ситуации, ее оценки и отношения субъекта к данной ситуации. Исследователи приходят к выводу о том, что с точки зрения неврологии эмоции вызываются изменениями плотности нейронной стимуляции (Т. Томкинс). Нас в данном исследовании интересует не столько нейрофизиологический механизм эмоций, сколько отражение эмоций в языке.

Т. Томкинс и К. Изард подчеркивали важную роль восприятия и знаний в возникновении эмоций и указывали на возможность их взаимовлияния [5].

Вопрос о количестве эмоций до сих пор остается спорным. Высказывались следующие предположения:

1) Эмоций существует столько, сколько имеется слов для их характеристики, и каждой эмоции соответствуют присущие ей физиологические проявления (Уильям Джеймс) [4].

2) Существует лишь небольшое число основных (базовых) эмоций.

3) Существует небольшой ряд первичных, или основных, эмоций, есть еще огромное количество сложных эмоций, производных от базовых [10].

Мы будем опираться на классификацию эмоций, которую предложил К. Изард. Он выделил десять основных эмоций: гнев, презрение, отвращение, дистресс (горе-страдание), страх, вину, интерес, радость, стыд, удивление. С точки зрения ученого, базовые эмоции должны обладать следующими обязательными характеристиками:

1) иметь отчетливые и специфические нервные субстраты;

2) проявляться при помощи выразительной и специфической конфигурации мышечных движений лица (мимики);

3) вызывать отчетливое и специфическое переживание, которое осознается человеком;

4) возникать в результате эволюционно-биологических процессов;

5) оказывать организующее и мотивирующее влияние на человека, служить его адаптации.

К. Изард признает, что некоторые эмоции, отнесенные им к базовым, не обладают всеми этими признаками. Так,

эмоция вины не имеет отчетливого мимического и пантомимического выражения. С другой стороны, некоторые исследователи приписывают базовым эмоциям и другие характеристики. В списке базовых эмоций трудно выявить важнейшую. Однако, по данным ученых, исследующих на базе корпуса Google Books Ngram употребительность лексем, репрезентирующих в языке эмоции, эмоциональность «в последние два века падает, хотя в XXI веке начал нарастать страх» [2]. Именно поэтому актуальной является базовая эмоция «страх».

Приводим график употребительности лексемы *страх* из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [6].

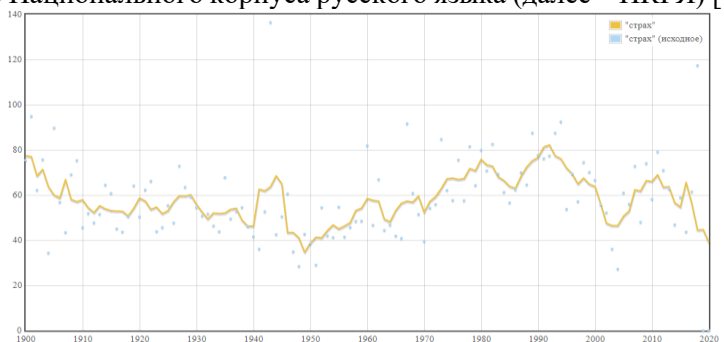

Рис. 1. График употребления лексемы «страх»

Приведем краткое описание эмоции «страх» в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Описание эмоции «страх»

Эмоция	Проявления в поведении	Причины активации	Функции
Страх	Информация о реальной или воображаемой опасности. Неуверенность, дурные предчувствия. Боль, одиночество и «внезапное изменение стимуляции», внезапное приближение, необычность,	Внимание резко сужается, заостряясь на объекте или ситуации, сигнализирующей нам об опасности. Страх ограничивает свободу поведения человека и сопровождается	Страх выполняет важные адаптивные функции, так как заставляет человека искать средства для защиты от возможного вреда.

	высота, то есть естественные сигналы опасности. В качестве активатора страха может выступать также неустойчивая привязанность.	чувством неуверенности, незащищенности, невозможности контролировать ситуацию.	
--	--	--	--

Итак, страх – это базовая эмоция, свойственная человеку. Для этой эмоции характерны проявления слабости, испуга, боязни. Страх почти всегда является негативной эмоцией. Эмоция страха вербализуется в русском языке несколькими лексемами, связанными синонимическими отношениями: *ужас, паника, фобия, жуть, испуг, тревога, опасение* и др. Охарактеризуем главный репрезентант изучаемой эмоции – лексему *страх*. Для представления ее лексикографического портрета обратимся к базовым толковым словарям русского языка:

- 1) Словарь Академии Российской;
 - 2) Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля;
 - 3) Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова;
 - 4) Малый академический словарь А.П. Евгеньевой;
 - 5) Словарь русского языка С.И. Ожегова.
- Обобщим данные в виде таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Толкование лексемы «страх» в словарях

Название словаря	Толкование лексемы «страх»
Словарь Академии Российской (САР)	1) Ужас; беспокойство воображением наступающего зла, возбужденное в душе несчастье. <i>Страх наказания. Страх смерти, суда. Держать в страхе.</i> 2) Предмет, возбуждающий боязнь. <i>Благотворящие и не боящиеся ни единого страха.</i> 3) Повиновение, послушание. <i>Начало премудрости есть страх Господень</i> [8].

<p>Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля</p>	<p>1) Страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия. <i>Страх обуяет, и растеряешься. Со страху, со страстей поджилки дрожат, ноги подкосились.</i></p> <p>2) Страх смерти, боязнь. <i>На всяку беду страха не напасешься.</i></p> <p>3) Предмет, рождающий страх. <i>Страху в глаза гляди, не смигни!</i></p> <p>4) Страх, нареч. ужасно, страшно, весьма, очень; страх сколько, много, без числа, несметно, тьма, пропасть; страх как, сильно, крепко, больно или упорно. <i>Страх, что народу было!</i> [3].</p>
<p>Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова (БАС)</p>	<p>1) Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т.п.; боязнь. <i>Дрожать от страха.</i></p> <p>2) Обычно мн.: страхи, -ов. Разг. То, что вызывает боязнь, тревогу, оцепенение. <i>Наговорить страхов про кого-, что-л. Рассказывать разные страхи.</i></p> <p>3) В зн. нареч. 1. Очень, чрезвычайно, крайне. <i>Она страшно любит петь.</i> 2. Очень много, очень сильно. <i>Страшно сколько съел, выпил.</i></p> <p>4) В функц. сказ. Очень, чрезвычайно, крайне. <i>Он её любит – страшно!</i> [1].</p>
<p>Малый академический словарь А.П. Евгеньевой (МАС)</p>	<p>1) Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.; боязнь. <i>Страх наказания.</i></p> <p>2) Обычно мн. ч. (страхи, -ов). Разг. То, что вызывает боязнь, пугает. <i>Она не любила заранее мучить себя страхами.</i></p> <p>3) В знач. сказ. Разг. Страшно. <i>Я знаю: дам хотят заставить Читать по-русски. Право, страх!</i></p> <p>4) В знач. нареч. Прост. Очень, чрезвычайно. <i>Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историю.</i></p>

	<p>В сочетании со словами <i>как, какой (страх как, страх какой)</i>. <i>Вы мучите меня. Я страх как любопытна.</i></p> <p>В сочетании со словом <i>сколько</i>: <i>страх сколько</i>. Очень много, очень сильно. <i>Страх сколько было возни с нашими многочисленными московскими гостями.</i></p> <p>В страхе (божием) (держать, воспитать и т. п.) – в повиновении, в полной покорности. <i>На свой страх (и риск)</i> [9].</p>
<p>Словарь русского языка С.И. Ожегова</p>	<p>1) Очень сильный испуг, сильная боязнь. <i>Задрожать от страха (со страху).</i></p> <p>2) Мн. События, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса (разг.). <i>Рассказать о всяких страхах.</i></p> <p>3) В знач. сказ. и нареч. Очень, в высшей степени, очень много, ужас. <i>Грибов в лесу страх сколько!</i> [7].</p>

Сравнив толкования лексемы *страх* в различных толковых словарях, можно сделать следующие выводы.

Словарь Академии Российской выделяет три значения, которые точны и понятны. Толковый словарь В.И. Даля включает в себя три основных значения, как и предыдущий, но добавляется употребление лексемы в значении наречия. Все новые словари (БАС, МАС, Словарь русского языка С.И. Ожегова) выделяют основные значения (состояние тревоги; то, что вызывает боязнь). Приводятся дефиниции не только для существительного *страх*: дается значение лексемы, употребляемой как наречие, сказуемое и сочетание с союзами.

Можно констатировать устойчивость и неизменность первого значения слова во всех словарях: *боязнь, страсть, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия* и др.)

Отметим расширение морфологической базы слова: в САР полисемант *страх* только имя существительное. В словаре В.И.Даля добавляется лексема – наречие, в БАС, МАС и в Словаре Ожегова фиксируются не только существительные и наречия, но и предикативы (слова категории состояния).

Второе и третье значение лексемы, данное в САР ('предмет боязни, повиновение') полностью архаизировались. Неслучайно третье значение (повиновение) отсутствует и в Словаре В.И. Даля, и других, более поздних лексикографических источниках. Наречное значение (*очень, чрезвычайно*), названное в МАС и БАС, потеряло свою частотность.

Таким образом, лексема *страх* имеет устойчивое базовое значение, неизменное на протяжении более чем двухсот лет словарной практики. Частотность употребления слова в данном значении, по данным НКРЯ, нарастает. При этом пики употребительности падают на 1940-й, 2000-й и 2020-й годы, что мотивировано сложностью социально-экономических процессов в стране.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. / Отв. ред. А.К. Крылов, В.Д. Соловьев. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. 1368 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка // [Электронный ресурс]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=39274> (дата обращения: 08.01.2021).
4. Джеймс У. Что такое эмоция? // Psychology OnLine. Net [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1288.html> (дата обращения: 09.01.2021).
5. Изард К. Эмоции человека. М.: Директ-Медиа, 2008. 954 с.
6. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) // [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 10.01.2021).
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984.
8. Руниверс. Словарь Академии Российской // [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10111> (дата обращения: 08.01.2021).
9. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. (МАС)
10. Studfiles. Базовые эмоции // [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/6359805/page:3/> (дата обращения: 09.01.2021).

*А.С. Самоварнова (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. О.А. Усачёва*

ОБРАЗНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЗРЕНИЕ»: АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА

*ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П.Королёва*

В статье анализируются антропоморфные образы зрения в русской языковой картине мира: образы человека физического, сознательного и социального. Выявлены общезыковые и индивидуально-авторские метафоры.

Ключевые слова: образ, метафорическая модель, антропоморфная метафора.

The article analyzes the anthropomorphic images of vision in the Russian language picture of the world: images of a physical, conscious and social person. Common language and individual author's metaphors are revealed.

Keywords: image, metaphorical model, anthropomorphic metaphor.

Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики обладает сложной многомерной структурой. Наряду с предметно-логическим уровнем концепт имеет образную составляющую, которая, на наш взгляд, наиболее полно отражает концептуальное осмысление действительности.

Предметом нашего исследования являются особенности образного моделирования концепта «зрения». Источником сбора материала послужил Национальный корпус русского языка [3]. Общее количество собранных примеров – 2200 контекстов.

Прежде чем анализировать образную составляющую концепта, обратимся к толкованию лексемы *зрение* в справочной литературе. В Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова содержится следующее определение: «Одно из пяти внешних чувств, органом которого является глаз; способность видеть» [1]. О двух компонентах семантики данной лексемы – «способность» и «орган» – лингвисты писали неоднократно. Так, Е.В. Урысон, рассуждая о втором компоненте значения, отмечает, что по сравнению с лексемой

глаза, лексема *зрение* в данном случае обозначает нематериальный, невидимый объект, который «обеспечивает функционирование реального органа» [4, с. 5]. Осмысление абстрактного понятия зрения через конкретные явления приводит к возникновению когнитивной метафоры как к одному из способов представления знаний о мире в языке.

Приведённое исследование позволило выявить основные метафорические модели, участвующие в образной репрезентации концепта «зрение». Наиболее продуктивной оказалась антропоморфная модель. Следует сказать, что понятия метафорический образ и метафорическая модель довольно условны. Н.А. Илюхина считает, что антропоморфные метафоры нередко имеют метонимическую основу. Первично осуществляется перенос с человека на любые его ипостаси, связанные с человеком отношениями смежности. Однако результаты подобного переноса переосмысляются – и уже представляются человеку как метафоры, основанные на сходстве между человеком и его частями тела, чувствами, способностями и др. [3, с.147].

В рамках антропоморфной модели нами были выделены образы человека физического, сознательного и социального.

Образ человека физического

Зрение может осмысляться как организм, имеющий определённое состояние здоровья, физические характеристики (*здоровое / болезное / слабое / хилое зрение*). Частотно наделение зрения такими признаками, как возраст (*молодое / немолодое зрение*), возможность смерти (*убить / погубить зрение*). Единичны случаи представления зрения через образы голодного и сонного человека.

В рамках данной статьи остановимся на примерах, в которых зрение, осмысляемое как человек, наделяется характеристиками здоровья или, напротив, болезни. Выражения *здоровое зрение* и *болезненное зрение* встречаются неоднократно. Например: *Припадку падучей предшествует несколько секунд исключительного просветления, когда все предметы кажутся более отчетливыми, яркими, рельефными и красочными, чем они представляются здоровому зрению* (Гроссман); *...воздух пропитался тем мутным брожением, тою эфирною зыбью,*

которые до сих пор я считал обманом своего **больного зрения**... (Амфитеатров).

Наиболее продуктивны случаи, репрезентирующие зрение через образ больного человека, чаще всего слепого. Это такие примеры, как *ослепить зрение*, *слепое зрение* и т.д. Заметим, что субъектом ослепления в таких случаях выступает яркий свет. Данный образ отражает ощущения человека при воздействии света: *Молния вспыхивает как будто в самой брочке, ослепляет зрение и на одно мгновение освещает серое сукно, басон и прижавшуюся к углу фигуру Володи* (Толстой).

Интерес представляет индивидуально-авторское использование образа человека, находящегося в состоянии обморока или паралича: *Мощным колючим опахалом на фиолетовую гладь напоздали ресницы – секундный обморок зрения* (Сахновский) или *Но так как писем было много на некоторые не мог ответить потому что у меня после двух инсультов парализовано зрение* (Огонек, №9, 1991). Внезапная, недолговременная утрата зрения ассоциируется с обмороком, а полная и долговременная – с параличом человека.

Частотны указания на то, что зрение мучается, испытывает усталость, утомление. Продуктивность образа связана с тем, что человек переносит своё физиологическое состояние на состояние органов зрения как на посредников во взаимодействии с действительностью: *Раз Софья, утомив зрение продолжительным чтением, опустила шторы на окнах* (Жадовская); *Казалось, свет и воздух пустой квартиры образовали плотную, вязкую взвесь: она давила со всех сторон, теснила дыхание, мучила зрение, и нелегко было пошевелить рукой*... (Дмитриев).

Образ человека сознательного

Под образом человека сознательного мы понимаем способность человека к переживанию и рефлексии, а также наличие у него умственной деятельности.

Эмоции как одно из проявлений психического состояния человека очень часто переносятся на зрение. Состояние тревоги, волнения, беспокойства реализуется в словосочетаниях: *тревожное зрение*, *тревожит зрение*, *напряжённое зрение*, *раздражать зрение*. Данные выражения используются

при описании объектов действительности, которые попадают в поле зрения человека и тем самым нарушают его внутренний покой.

Частотны случаи, когда зрение наделяет способностью испытывать удовольствие. Источником наслаждений в данных случаях является окружающая действительность, которая воспринимается органами зрения: *Зрение наслаждается ли таким же удовольствием при рассматривании библиотеки, как и при воззрении на прелести пригожей женщины?* (Крылов).

Обратимся к примерам, в которых зрение предстаёт как человек, испытывающий чувство радости по поводу чего-либо: *Кто бы теперь только не пожалел этой пышной розы; чья бы рука налегнула срезать этот цветок, так сильно протестовавший за свое право цвести, радовать зрение и разливать ароматом?* (Лесков) На наш взгляд, в данных случаях можно говорить об аналогии построения выражения *радовать зрение* с синонимичным фразеологическим оборотом *радовать глаз*. Оба словосочетания имеют значение – «быть приятным на вид, доставлять удовольствие смотрящему».

Нередки примеры, содержащие выражения *восхищать / чаровать / завораживать зрение*: *Это те же театральные декорации, издали чарующие зрение, а вблизи оказывающиеся грубо размалеванными кусками парусины* (Биркин); *Однажды наступает день, когда понимаешь, что от твоего прошлого остались лишь фотографии да подшивки журналов: Обложки и вклейки раскрашены в такие цвета, что завораживает зрение, и совершенно очаровывает персиковый тон какого-нибудь Мао* (Трунев). Глаголы *завораживать, чаровать, очаровывать* отражают суеверные представления людей о воздействии на кого-либо с помощью сил волшебства, колдовства. В рассматриваемых контекстах они реализуют смысл «производить на кого-либо впечатление, вызывать чувство восхищения».

Среди ментальных образов наиболее продуктивен образ памяти: Наделение зрения памятью неслучайно, поскольку наиболее часто в сознании человека сохраняются зрительные образы: *Память зрения и сейчас невольно воспроизводила этапы заполнения холста красками* (Рубина); *И пусть наше*

зрение вместе с нею еще и еще раз вспоминает различные формы отношений между видящей личностью и действительностью, в которой мы так или иначе себя обнаруживаем... (Дауговиш).

Образ человека социального

При осмыслении понятия «зрение» частотными являются образы, связанные с социальными характеристиками человека. Широко представлены примеры, отражающие осмысление зрения как человека, участвующего в межличностном взаимодействии: *зрение помогает / обманывает / изменяет / предаёт* и др.

Продуктивным является наделение зрения деятельностью, которая связана с работой: *Зрение эффективно работает лишь в одно время суток* (РИА Новости, 2011.12.08) или обучением: *Здесь упражняется зрение в различении цветов* (Ушинский). Часто зрение мыслится как человек, занимающий руководящую должность или, напротив, находящийся в подчинении. Ср.: *Зрение уже отказывалось служить* (Дживелегов) и *Ночное зрение позволяло мне рассмотреть оба лица* (Дяченко). Встречаются индивидуально-авторские образы конкретных профессий, которые присваиваются зрению: швея, проводник, сторож, царь. Например: *Кто побережет кровное мое, родное, кроме сторожко стерегущего меня зренья, дающего твердый отпор распылителям моей и без того порядком просыпанной, печальной известности личности?* (Володин).

Большую роль играет военная метафора, с помощью которой эксплицируются многообразные значения. Нами были обнаружены как общеязыковые метафоры типа *невооружённое зрение, поражать зрение*, так и нестандартные выражения: *плентить / атаковать зрение*.

Единичным оказалось представление зрения через образы врага, родственника, адресата, религиозного человека. Как правило, подобные случаи – это индивидуально-авторское употребление метафор.

Проанализировав языковые единицы, можно сделать вывод о том, что представление зрения через образ человека

очень характерно для русского языка. Наряду с общеупотребительными, привычными сочетаниями широко представлены контексты, в которых антропоморфный образ зрения является индивидуально-авторским решением.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Илюхина Н.А. О взаимодействии когнитивных механизмов метафоры и метонимии в процессах порождения и развития образности // Вестник Самарского государственного университета. 2005. №1. С. 138–154.
3. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения 15.01.2021).
4. Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.

УДК 811.161.1

Сунь Сяоли (Китай)
Научный руководитель д.ф.н. проф.
Н.В. Богданова-Бегларян

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА САМЫЙ В СОЧЕТАНИИ С РАЗНЫМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ В РУССКОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

В данной статье рассматриваются особенности употребления слова *самый* в сочетании с разными частями речи в русском устном дискурсе. Весь материал удалось описать с помощью восьми моделей: <*самый* + существительное>; <*самый* + прилагательное>; <указательное местоимение + *самый* + (существительное)>; <*самый* + наречие>; <*самый* + глагол>; <*самый* + местоимение-существительное>; <*самый* + идиома>; <*самый* + междометие>. Нередко словарные дефиниции устойчивого сочетания не согласуются с его реальным употреблением в устном дискурсе. В данном исследовании инструментом для анализа стал устный подкорпус Национального корпуса русского языка. На основе подобного анализа можно создать лексикографический портрет слова *самый* в современной русской речи и помочь «обновлению словарного пространства» русского языка.

Ключевые слова: устойчивое сочетание, устный дискурс, грамматикализация, идиоматизация, интенсификатор.

This article discusses using features of the word *samyj* in combination with different parts of speech in Russian oral discourse. All material was described using eight models: <*samyj* + noun>; <*samyj* + adjective>; <demonstrative pronoun + *samyj* + (noun)>; <*samyj* + adverb>; <*samyj* + verb>; <*samyj* + pronoun-noun>; <*samyj* + idiom>; <*samyj* + interjection>. Dictionary definitions of a stable combination often do not agree with its actual use in oral discourse. In this study, the oral subcorpus of the Russian National Corpus became a tool for analysis. On the basis of such an analysis, it is possible to create a lexicographic portrait of the word *samyj* in modern Russian speech and help to "update the vocabulary space" of the Russian language.

Keywords: stable combination, oral discourse, grammaticalization, idiomatization, intensifier.

В последние десятилетия термин «дискурс» получил широкое распространение и лингвистические характеристики устного дискурса активно изучаются российскими и зарубежными лингвистами. Под *устным дискурсом* понимается взаимообусловленное единство «высказывания» и «коммуникативной ситуации» [14, с. 28]. Исследование особенностей употребления слова *самый* в сочетании с разными частями речи в русском устном дискурсе позволяет описывать не только все многообразие возможных значений языковой единицы, но и ее «реальные словоупотребления, то есть слово в дискурсе, где только и раскрываются его подлинные (реальные) значения» [7, с. 10].

Слово *самый* в русском языке относится к разряду определительных местоимений [6, с. 25–26], или местоименных определительных прилагательных [8, с. 542]. В русском языке оно употребляется почти исключительно в устойчивых (связанных) сочетаниях с разными частями речи. Поиск по словарям позволил выявить 107 устойчивых сочетаний (УС) с компонентом *самый* (обязательным или факультативным; о последних см. подробнее: [11]), которые удалось описать с помощью следующих восьми моделей: <самый + существительное> (81 единица) (*в самый раз, в (самую) тютельку*); <самый + прилагательное> (16) (*самое позднее, в (самом) чёрном виде*); <указательное местоимение + самый + (существительное)> (3) (*тот самый случай, то же самое, тем самым*); <самый +

наречие> (2) (*до самого/по самое некуда, до самого нельзя*); <самый + глагол> (2) (*по самое не балуй(ся), по самое не хочу*); <самый + местоимение-существительное> (1) (*самое оно/то*); <самый + идиома> (1) (*самый что ни на есть*); <самый + междометие> (1) (*наклась по самое покорно благодарю*). Вне рассмотрения в статье оставлены только прагматикализованные употребления всех форм конструкции *это самое* (*он это самое / завтра обещал прийти*), компоненты которой не только трудно отнести к разряду местоимений, но и вообще дать им какую бы то ни было частеречную характеристику (подробнее о прагматических маркерах русской повседневной речи в целом и о маркере *это самое*, в частности, см.: [7]; о специфике соотношения прагматических маркеров и частей речи см.: [12]).

В настоящем исследовании инструментом для анализа этого материала стал устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ).

В устном подкорпусе содержатся расшифровки магнитофонных записей публичного и частного устного общения, а также транскрипты кинофильмов (подробнее см. [19]). Публичный дискурс – это устные выступления, которым присущи многие черты как устной, так и письменной речи. Речь кино является фактически искусственной («сфабрикованной и антиэмпирической») [13, с. 25], она только стремится к имитации естественного разговора [15, с. 90]. Многие исследователи говорят о неправомерности отождествления диалога кино и диалога естественного языка [16, с. 35]. Настоящий устный дискурс (естественная коммуникация) носителей языка должен быть самостоятельным объектом исследования, что мы и попытаемся сделать ниже.

Анализ только естественной коммуникации (без публичной речи и речи кино) из УП позволил получить количественные данные, отличные от результатов поиска по словарям. Из 107 устойчивых «словарных» сочетаний со словом *самый* в корпусном материале обнаружилось только 26 УС (24,3%): <самый + существительное> (18); <самый + прилагательное> (1); <указательное местоимение + самый + существительное> (3), <самый + глагол> (2); <самый + местоимение-

существительное> (1); <самый + идиома> (1). Хорошо видно, что в корпусе совсем не нашлось употреблений двух моделей: <самый + наречие> и <самый + междометие>.

Модель <самый + существительное> можно разделить на следующие подгруппы: <предлог + самый + существительное> (*в самый раз, в (самую) пору*); <глагол + предлог + самый + существительное> (*брать/взять под (самый) корень, любить до самой берёзки*); <самый + существительное> (*самая малость; самый сенокос*) и некот. др. (*до самого носу пьян, дурак по самую попку*). Видно, что 16 из 18 найденных УС типа <самый + существительное> (88,9%) в УП относятся к подгруппе <предлог + самый + существительное>, которая обычно употребляется в устном дискурсе как наречное выражение и может рассматриваться как результат *грамматикализации*. В процессе грамматикализации, как известно, языковое явление становится грамматическим или более грамматичным [17, с. 27], ср.:

1) *Я что должна вот так вот по самое горло ходить в этом... А летом я ещё больше разденусь и чего?* [Разговор о видении (2008) // Из коллекции НКРЯ];

2) *В отличие от некоторых / кто учит с самого начала!* [О танцевальном ансамбле (2006) // Из материалов Ульяновского университета].

Из примеров (1)-(2) видно, что два процесса – идиоматизация и грамматикализация – происходят при образовании данных наречных выражений практически одновременно. Здесь местоимение *самый* превратилось в компонент наречного выражения, которое стало идиомой. Впрочем, степень идиоматичности этих выражений не одинакова: УС *с самого начала* обладает более слабой степенью идиоматизированности по сравнению с выражением *по самое горло* (здесь в значении ‘одеться, закутавшись плотно, наглухо’). В примере (2) местоимение *самый* при сочетании с темпоральным именем существительным *начало* «усиливает семантику временной ориентации существительного, выделяет существительное в высказывании, делая его субъективно значимым для участников речевой ситуации» [9, с. 8].

По данным словарей, слово *самый* в 14 из 18 УС типа <*самый* + существительное> (77,8%) функционирует как факкультативный компонент, что указывается в словарных статьях в круглых скобках. Но на самом деле в УП в 10 из 14 таких УС нет никаких следов этого компонента, ср.: *перед/под носом, в меру, в точку, до смерти, наверху, на краю, в зародыше, по шею, в яблочко, с головы до ног*. Наоборот, одно УС – в (самом) низу – встречается в корпусе только с компонентом *самый*: *в самом низу*. Нашлось только 3 из 14 УС, где *самый* представляет собой необязательный компонент в бытовой речи: *по (самое) горло, до (самого) конца, с (самого) начала*.

В сочетании с качественным прилагательным местоимение *самый* начинает функционировать в русском языке как компонент формы превосходной степени (суперлатива), фактически как формообразующая частица (снова – грамматикализация), и лишь затем все выражение подвергается еще и идиоматизации [10]. См.: единственное найденное в словарях УС типа <*самый* + прилагательное> *самое большее/большое* = ‘Неизм. Не больше чем (столько-то). Обычно с числит.: *самое большее двадцать дней, две недели, три книги...*’ [4]:

3) *Потому что мне врач сказала. "Сорок пять минут / час / самое большее. И перерыв". И ты знаешь / вот работаю / [тише] чувствую не могу* [Беседа в гостях (2000-2003) // М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999];

4) *В октябре я уйду отсюда. А? Да нет / да. Я самое большое настроен на октябрь* [В автошколе (2014) // Из коллекции Нижегородского филиала НИУ ВШЭ].

В контексте (3) УС *самое большее* употребляется в качестве наречия после имени числительного, как описано во фразеологическом словаре [4]. В примере (4) видим некоторое отличие от словарной дефиниции: УС *самое большее* относится здесь к существительному *октябрь*, тоже, впрочем, маркирующему некоторый временной отрезок.

Первое значение слова *самый* в МАС дается через его употребление, ср.: «Употребляется при указательных местоимениях “тот”, “этот” для их уточнения в значении: именно, как раз. *В эту самую минуту...; Даша играла ту самую*

сонату...» [6, с. 25]. В отличие от свободных словосочетаний, модель <указательное местоимение + *самый* + (существительное)> включает в себя три УС: *тем самым*, *тот самый случай* и *то же самое*. Обратимся к словарю.

Тем самым = 'нареч. качеств.-обстоят. Таким способом, таким образом, именно так' [5]. Здесь происходит грамматикализация (местоимение *самый* → компонент наречного выражения). *Тот самый случай* = 'о совпадении мнений собеседников' [1, с. 156]. *То же самое* = 'о чём-либо, совпадающем, одинаковом с вышесказанным' (подробнее см. [20]).

Видно, что все три УС имеют некоторую тенденцию к идиоматизации, но краткое лексикографическое описание не позволяет с уверенностью говорить о наличии такой тенденции. Данную гипотезу можно проверить подсчетами и соображениями с привлечением теоремы умножения вероятностей (см., напр.: [18]). Продемонстрируем это на примере УС *то же самое*. С помощью поиска по УП НКРЯ были получены следующие данные:

F1 = 0.00706 – вероятность слова *то* (относительная частота встречаемости в УП) – 91 747 вхождений на 13 001 271 словоупотребление

F2 = 0.00405 – вероятность слова *же* – 52 629 вхождений на то же количество словоупотреблений;

F3 = 0.000469 – вероятность слова *самое* – 6 107 вхождений на то же количество словоупотреблений;

F4 = 0.000121 – вероятность УС *то же самое* – 1 569 вхождений на то же количество словоупотреблений.

Если три слова в устном дискурсе встречаются независимо друг от друга (нет элемента идиоматизации), то $F4 = F1 \times F2 \times F3 = 0.000000134$. Но, по нашим данным, $F4 = 0.000121$, что существенно выше, чем 0.000000134, значит, эти слова встречаются вместе совсем не случайно, что может доказать наличие тенденции идиоматизации исследуемого УС.

В последних трех моделях (<*самый* + глагол>: *по самое не балуй(ся)*, *по самое не хочу*; <*самый* + местоимение-существительное>: *самое оно/то*; <*самый* + идиома>: *самый что ни на есть*) процессу идиоматизации сопутствует грамматикализация, ср.:

5) Ну / естественно // Вон / кака дырочка / вон туда вон руку засунь / он тебе откусит **по самое не хочу** [В заповеднике (2009) // ДВГУ, База данных «Речь дальневосточников»];

б) Гы... **Самое оно...** Вот... И у него получается гном какой-то... [Разговор студенток на прогулке (2008) // Из коллекции НКРЯ]; 7) А ты не знала? **Самый что ни на есть.** И теперь представь / Григорий/ казак / этот вообще... где / ну как это сказать / все мужское должно быть... ну не знаю... в квадрате или в кубе [Разговор в парикмахерской (2006) // Из коллекции НКРЯ].

В примерах (5)–(7) *самый* превратилось из местоимения (по определению в словаре) в компонент наречного выражения или функционирует как главный член односоставного предложения. В отличие от словарной дефиниции, в устном дискурсе УС *самый что ни на есть* употребляется не «особенно перед прилагательным или особенно перед существительным» [19], а как самостоятельная синтаксическая единица: см. (7) и (8). В составе таких сочетаний *самый* утрачивает признаки изменяемости по роду, числу и падежу, полностью покидает класс местоимений и приобретает новую семантику (в составе идиомы).

Проведенный анализ хорошо показал, что «жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями» [3, с. 7–8]. Нередко встречается «несогласованность дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» [2, с. 65]. В настоящее время можно даже поставить задачу придания словарному толкованию когнитивного характера, с фиксацией всего разнообразия употребления каждой языковой единицы в русском устном дискурсе.

Литература

1. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994. 192 с.

2. Богданова Л.И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. 2012. С. 65–70.

3. Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. науч. м-лов / И.Л. Копылов (гл. ред.). Минск: Четыре четверти, 2017. С. 7–12.
4. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ. 1997. 289 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. Т. II: П – Я. М.: Русский язык. 2000. 1084 с.
6. МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Т. IV. С – Я / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. 790 с.
7. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. М.: Языки славянской культуры, 2021. 405 с.
8. Русская грамматика. Т. I / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с.
9. Родионова И. Г. Аналитическая конструкция «самый + имя существительное с семантикой временной ориентации» в русском языке // Materiály IX mezinárodní vědecko-praktická conference «Moderní vymoženostivědy – 2013». Díl 42. Filologické vědy: Praha. Publishing Hous «Education and Science» s.r.o, 112 s. С.7–10.
10. Сунь Сяоли. Слово *самый* как компонент устойчивых сочетаний в русском языке и речи // Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. Материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н. А. Добролюбова. 2-4 июня 2021 г. (Нижний Новгород, Россия). Нижний Новгород: НГЛУ, 2021. В печати.
11. Сунь Сяоли. Слово *самый* как факультативный компонент русских устойчивых сочетаний // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология, 2021. В печати.
12. Bogdanova-Beglarian, N.V., Zaides K. D. Pragmatic Markers and Parts of Speech: on the Problems of Annotation of the Speech Corpus // Proceedings of the International Conference «Internet and Modern Society» (IMS-2020) 17-20 June 2020, ITMO University, St Petersburg, Russia. St Petersburg, 2020. Pp. 155–165.
13. Chothia, J. Forging a Language: A Study of Plays of Eugene O’Neill. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Pp. 20–38.
14. Charaudeau, P. Langage et discours. Paris: Hachette, 1983. 176 p.
15. Emmison, M. On the Analyzability of Conversational Fabrication: A Conceptual Inquiry and Single Case Example // Australian Review of Applied Linguistics 16. 1993. Pp. 83–108.
16. Kozloff S. Overhearing Film Dialogue [M]. California: University of California Press, 2000. 332 p.
17. Lehmann, C. Thoughts on Grammaticalization. Revised and expanded version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995. 230 p.

18. Manning, C. D., Schütze, H. Collocations. Foundations of Statistical Natural Language Processing. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 680 p.

19. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения 15.01.2021).

20. <https://ru.wiktionary.org/wiki/>

УДК 811.161.1

Т.А. Сутурина (г. Красноярск, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. Т.Н. Журавель

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Статья посвящена рассмотрению способов образования окказионализмов в современной русской поэзии. Материалы для исследования были отобраны с сайта «Стихи.ру» среди стихотворений поэта-постмодерниста Криспи, датированных 2020 годом. В результате анализа найденных окказиональных слов было рассмотрено три способа образования данных единиц: семантический, лексико-синтаксический и морфологический. Делается вывод, что окказионализмы демонстрируют возможности словообразовательной системы и заполняют в ней валентные места.

Ключевые слова: способы образования окказионализмов, окказионализм, современная русская поэзия.

This article is devoted to the consideration of the ways of formation of occasionalisms in modern Russian poetry. Materials for the study were selected from the site "Poems.ru" among the poems of the postmodernist poet Crispi, dated 2020. As a result of the analysis of the found occasional words, three ways of forming these units were considered: semantic, lexico-syntactic and morphological. It is concluded that occasionalisms demonstrate the capabilities of the word-formation system and fill the valence places in it.

Keywords: ways of formation of occasionalisms, occasionalism, modern Russian poetry.

Данное исследование посвящено рассмотрению способов образования окказионализмов в современном русском языке на примере творчества поэта-постмодерниста Криспи. Актуальность работы состоит в том, что вопросы, которые

связаны с выявлением и классификацией окказиональных слов в поэзии XX века, недостаточно изучены. Таким образом, цель данной работы – выявить актуальные для современной русской поэзии способы образования окказиональных слов.

Данное исследование опирается на работы таких ученых, как Наталия Исаевна Фельдман, Юлиана Николаевна Антюфеева, Юлия Николаевна Пацула и Елена Андреевна Земская.

В качестве материала для работы было использовано 50 окказиональных единиц. Отбор производился из поэтических текстов Криспи, размещенных на сайте «Стихи.ру» и датированных 2020 годом. Основные методы представленного исследования – это словообразовательный, морфемный и контекстуальный анализ.

Мы проанализировали предшествующие исследования, которые посвящены окказиональной лексике, и предлагаем собственное толкование термина окказионализм [3, с. 44; 5; 6, с. 64]. Окказионализм в нашем понимании – это лексическое новообразование, которое носит индивидуальный характер, употребляется только в пределах данного контекста и выступает как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры.

В исследованиях Ю.Н. Антюфеевой, Ю.Н. Пацулы и Е.А. Земской рассматриваются следующие способы образования окказионализмов: семантический, лексико-синтаксический, морфологический, междусловное наложение (наложение слов друг на друга, при котором конец одного слова служит началом другого); контаминация (соединение двух узуальных слов, которые порождают третье – окказионализм; при этом часть одного из слов отсекается); образование по конкретному образцу; построение с вымышленными корнями (присоединение к вымышленному корню обычных аффиксов); «словообразовательный куст» (используется в поэзии для создания рифмы); высвобождение частей слова (морфемы могут отсоединяться от слова и употребляться как самостоятельные слова), словосложение (сложение двух и более узуальных слов, которые вместе образуют неузуальное); конверсия (образование от одной части речи другой, при котором не происходит изменения внешней формы слова); аффиксация (словообразование

с помощью аффиксов); слияние (то же самое имеет в виду Е.А. Земская под определением «междусловное наложение»); обратное словообразование (усечение префикса или суффикса); сокращение производящего слова [1, с. 6–9; 4, с. 19–28; 2, с. 10–11].

Мы выделили некоторые из данных способов в окказиональных словах, которые мы исследовали. Приведём несколько примеров из стихотворений Криспи.

Например, окказионализм *вишнёвосадность*. В данном слове мы видим отсылку к пьесе Антона Павловича Чехова «Вишневый сад». Это слово образуется посредством сложения (соединения словосочетания «вишневый сад») и суффиксации (добавления суффикса -ость-). Построим словообразовательную цепочку окказионализма: вишневосадность – вишневосадный – вишневый сад. Произошло образование сложного слова «вишневосадный» при помощи интерфикса «о». Отмечу, что слово изменяется не только внешне, но и внутренне оно приобретает новую, необычную семантику. На мой взгляд, в это новообразование автор вкладывает значение перемены от старого к новому. Данное значение понятно нам из идеи пьесы Чехова. С помощью такого анализа можно определить значение этого окказионализма как «явление действительности, получившее свое название от идейного содержания пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад», а именно это перемены от старого к новому». И мы видим, что таким образом Криспи удалось выразить в одном слове целую гамму значений и заменить одним словом несколько предложений.

Необычно новообразование *оболденное* и однокоренное с ним *оболдевать*. Чтобы разобраться с данными окказионализмами, нужно обратиться к контексту стихотворения: «Осень время оболдевать // потихоньку или помногу // что лежать покидай кровать // на природу столби дорогу // пусть не в болдино всё равно // сколько можно бетон железо // бесполезно смотреть кино // только мысли пролезом лезут». Из контекста мы видим, что автор отсылает читателя к одному из периодов творчества А.С. Пушкина, который называется болдинская осень. Таким образом, окказионализм *оболденное* приобретает значение ‘продуктивное’, а окказионализм *оболдевать*

приобретает значение ‘действовать’, так как именно на период болдинской осени приходится расцвет творчества А.С. Пушкина, и, на наш взгляд, данные окказионализмы получают именно такое соответствующее значение. Данные окказиональные слова образованы отчасти семантическим, отчасти морфологическим, а именно префиксально-суффиксальным способом. Деривационная цепочка: *оболденное – оболдевать – Болдино*. К прилагательному присоединились приставка -о- и суффикс -енн-. Приставка имеет значение превращения, а суффикс – признаковое значение. К глаголу присоединились та же приставка -о- и суффикс -ева-. Суффикс в слове *оболдевать*, с одной стороны, имеет значение длительности действия, а с другой, образует несовершенный вид глагола.

Таким образом, на основе анализа найденных окказиональных слов нам удалось выделить три основных способа их образования. Первый – морфологический. К нему мы относим суффиксацию (24 окказионализма), префиксацию (7 окказионализмов) и префиксально-суффиксальный способ (6 окказионализмов). Второй способ образования – лексико-синтаксический. В этой группе большинство окказионализмов образовано способом сложения (18 окказионализмов), и только один окказионализм образован с помощью наложения. И третий способ – семантический. В данной группе все слова образованы с помощью изменения части речи производящего слова и добавления к нему аффиксов (8 окказионализмов). К морфологическому способу мы отнесли 37 единиц, к лексико-синтаксическому способу – 19 единиц, к семантическому способу – 8 единиц.

Таблица исследованных нами окказионализмов представлена ниже.

Способы образования	Части речи	Примеры окказионализмов
Семантический	Существительное, прилагательное, глагол	Делая, осенённые, пикассовости, неоплатоническое, карфагенно, распрягать, оболденное, оболдевать

Морфологический (префиксация)	Существительное, прилагательное, краткое прилагательное	Делая, безобратными, внемайское, обесвечены, полукосмической, недорассветное, безжелезны
Морфологический (суффиксация)	Наречие, краткое прилагательное, существительное, прилагательное, наречие	Осенне, киношны, из-подресничностью, пикассовости, мирно-картинкое, карфагенно, озоново, ниочемности, не исчезайною, жаления, далекость, энэлошностям, впитанностями, непрочитанностями, безведомый, ниочемно, весенне, вишневосадность, медведенкой, ихтиандрическое, мумушный, губкабобское, крастикрабскому, стихие
Морфологический (приставочно-суффиксальный)	Прилагательное, глагол, существительное	Неоплатоническое, избуквить, неоконченность, оболденное, оболдевать, погубкабобствуем
Лексико-синтаксический (сращение)	Существительное, прилагательное, наречие	Небосвете, из-подресничностью, сквозьсонности, околобрядное, мирно-картинкое, послесиреневое, ниочемности, рубиновглазой, околomasайкие, мимозвучное, разнопогодица, цветопредставление, ниочемно, светлопечаями, вишневосадность, губкабобское, погубкабобствуем, крастикрабскому
Лексико-синтаксический (наложение)	Прилагательное	Стремглавные

Добавим, что некоторые окказиональные слова относятся сразу к нескольким группам, так как образованы с помощью нескольких способов одновременно.

В завершение исследования отметим, что дальнейшее изучение окказионализмов кажется нам перспективным за счет

вовлечения в научный оборот большего количества современных поэтических текстов. Кроме того, окказионализмы демонстрируют возможности словообразовательной системы, заполняют в ней валентные места. Язык, как известно, развивается непрерывно, а вместе с ним развиваются и составляющие его элементы, в частности окказионализмы, поэтому изучение окказионализмов и способов их образования имеет большое значение для научного осмысления процессов развития русского языка.

Литература

1. Антюфеева Ю. Н. Словотворчество в зеркале лингвопрагматики // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы региональной научной конференции 8-9 октября 2003 г. Вып. 7. Белгород: БелГУ, 2003. Ч. II. С. 6–9.
2. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 328 с.
3. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Современный русский язык. Словарь-справочник: пособие для учителей / под. ред. П. А. Леканта. М.: Просвещение, 2010. 303 с.
4. Пацула Ю. Н. Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: дис ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов н/Д, 2005. 167 с.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Наука, 1976.
6. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. №4. С. 64–73.

УДК 81'25

А.А. Чекина (г. Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель

д.ф.н. проф. Н.В. Богданова-Бегларян

ТРА-ТА-ТА, ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ, ТЭ-ТЭ-ТЭ, ИЛИ ОБ АМПЛИФИКАЦИИ В ЖИВОЙ РЕЧИ

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

В статье рассматривается явление амплификации и особенности его функционирования в русской устной повседневной речи. Представлено лингвистическое определение понятия амплифицированных единиц, приведена возможная классификация их значений

и функций. Наблюдения основаны по преимуществу на примерах из Национального корпуса русского языка, звукового корпуса «Один речевой день» (ОРД), соцсети «Twitter» и разных телевизионных программ. Делается вывод о типичности амплификации для русской устной речи.

Ключевые слова: русская устная повседневная речь, амплификация, амплифицированные единицы, заместительная функция, хезитативная функция.

This article examines the phenomenon of amplification and the features of its functioning in everyday speech. It presents a linguistic definition of the term of amplified speech items, a possible classification of their values and functions. The observations are based mainly on examples from the National Corpus of the Russian Language, «One Speaker's Day» (ORD), Twitter and different TV. The conclusion is made about the typicality of amplification for Russian oral speech.

Keywords: Russian everyday speech, amplification, amplified speech items, substitution function, hesitation function.

В нашей повседневной устной речи мы часто произносим повторяющиеся звуковые сочетания и, как правило, даже не обращаем на это внимания. В *коллоквиалистике*, как теории разговорной речи (см. о ней подробнее: [6; 12]) существует специальный термин для этого явления, – *амплификация*. Попробуем разобраться в его определении и в том, что за ним стоит.

В *риторике* традиционно амплификация (от лат. *amplificatio* – ‘расширение’) понимается как стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся речевых конструкций или слов, эмоционально усиливающих какое-либо определение или утверждение [13]. Литературный энциклопедический словарь дополняет и уточняет это определение: амплификация – ‘увеличение, распространение’, в риторике: усиление довода путем (а) «нагромождения» равнозначных выражений, (б) «укрепления» их гиперболами, градацией и пр., (в) аналогий и контрастов, (г) рассуждений и умозаключений [4, с. 22]. Видно, что эти определения описывают в основном особенности явления амплификации в письменной, чаще поэтической, речи.

Одно из первых лингвистических определений данного явления находим в работе Т. В. Матвеевой: амплификация –

это увеличение объема высказывания (по сравнению с нейтральным) за счет нанизывания семантически и грамматически соотносительных речевых средств [8, с. 18], ср.:

• *Я не вижу, что они делают, не вижу, что у них в руках, – только запах, – райский, жёлтый, южный, – веет мне вслед, – мамин запах, мой запах, ничей, свободный, женский, весенний, вечный, невыразимый, без слов* (Т. Толстая);

• *То же мужество риска, / Та же радость и боль / Слили роль и артистку, / И артистку и роль. Сколько надо отваги, / Чтоб играть на века, / Как играют овраги, / Как играет река, / Как играют алмазы, / Как играет вино, / Как играть без отказа / Только раз суждено* (Б. Пастернак).

Но и здесь амплификация выступает в качестве средства усиления поэтической выразительности речи и является приметой высокого стиля и письменной формы речи.

Объектом же настоящего исследования является амплификация в живой устной русской речи. Наиболее интересные наблюдения в этом отношении сделаны в работах Т. Ю. Шерстиновой [17; 18; 19], которая на материале корпуса «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем, например: [11]) показала, в частности, что в списке наиболее употребительных реплик повседневной русской речи находятся высказывания, состоящие из двух- и трехкратных повторов дискурсивных единиц: *да-да, угу-угу, так-так-так* и под. Такой повтор, по мнению исследователя, представляет собой довольно распространенное явление русской разговорной речи и встречается в речи разных социальных групп говорящих (мужчин и женщин, разных возрастов и профессий), преимущественно в условиях диалога (бытового или профессионального), а также при разговоре информантов самих с собой.

На основе всего вышеизложенного назовем *амплифицированными единицами* (АЕ) повторяющиеся, эмоционально окрашенные асемантические (*тра-та-та, на-на-на*) и, реже, десемантизированные (*щас-щас, так-так*) элементы речи.

Редулицированность этих форм отражает общую тенденцию нашей устной речи к некоторой ритмичности, изохронности ее структурных компонентов, к созданию «гармонии речевого потока», истоки которой – в своеобразном

«первичном ритме» и многих явлений природы, и работы человеческого организма [14]; см. также об изохронности структурных единиц устной речи: [16; 1; 3], об их повторяемости [5] или редупликации [9].

В отличие от большинства других исследований, в настоящей работе акцент сделан на функционировании повторяющихся *асемантических* единиц, которые представляют собой бессмысленные звуковые сочетания.

В качестве элементов АЕ могут выступать звуковые сочетания, образованные, как правило, повтором слогов (см. об этом подробнее: [10]) разной фонетической структуры, ср.:

- та-та-та: *ля-ля-ля, на-на-на, бы-бы-бы*;
- тат-тат-тат: *тын-дын-дын, дыщ-дыщ-дыщ*;
- ат-ат-ат: *оп-оп-оп*; и др.

Чаще такие элементы речи имеют индивидуальный ритмический (интонационный) рисунок.

Как правило, АЕ выступают в речи в качестве *заместителей* (чужой речи, членов ряда перечисления действий/событий или всего этого ряда). Здесь заметно проявляется тенденция к *речевой экономии*. Об этом пишет И. Б. Левонтина, которая называет подобные единицы бессмысленными сочетаниями, обычно содержащими повторы и рифмы, на которых часто реализуется характерный интонационный контур [7, с. 68]. Это сочетания типа *ля-ля тополя, ля-ля-фа-фа, тэ-тэ-тэ, тэ-тэ-нэ-нэ*, а также довольно новое заимствование *бла-бла(-бла)*, ср.:

1) *Ценнейший материал, который представляют собой воспоминания, публикуемые на страницах... и **ля-ля-ля – три рубля**...* [Д. Рубина. Наш китайский бизнес // «Знамя», 1999];

2) *Не / ну серьезно / учеба / семья **ля-ля-ля** / **фа-фа-фа*** [Twitter: пользователь Ваш Репорт, запись от 23.01.2017];

3) [Evangelina, nick] *На пары ходить, лекции перечитывать, готовиться к каждому семинарам... бла-бла-бла* *Но это действительно так... вот сейчас мучаюсь... А в универе лучше раз в 1000 чем в школе) по школьным дням не скучаю* [коллективный. Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? (2011)];

4) *Я побежала / и смотрю / стоит народ / и-и-и ездят всякие тракторы там / ля-ля-ля ля-ля* [фрагмент ТВ-шоу «Вечерний Ургант», 1379 выпуск от 03.11.2020].

В примерах (1)–(4) АЕ однозначно замещают члены уже начатого ряда перечисления (в контекстах подчеркнуты). Такие употребления, вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян [2, с. 14–15], также работавшей с корпусом ОРД, можно назвать *прагматическими маркерами* (или *прагматемами*) с заместительной функцией, которые легко приравниваются к словосочетанию *и так далее*.

Возможны, однако, и другие варианты употребления АЕ, ср. (об особенностях орфографического представления материалов ОРД см., например: [11, с. 242–243]):

5) *Всё это *Н что когда вот @ ты понимаешь @ когда вот это планирование было / всё знаешь что всё всё это будет зарплата тэ-тэ-тэ / и всё это знаешь вот как бы / человек ждал / ждал / а потом е... а потом раз / оп-оп-оп / и ты понимаешь / что ничего такое / оказывается не происходит* [ОРД];

6) *Например так / мы с тобой тра-та-та сердцу вопреки / мы с тобой тра-та-та у одной реки* [Рубрика «Лицом к барьеру» на Радио «Свобода» (2006) // Фонотека ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН].

В примере (5) АЕ *тэ-тэ-тэ* также замещает члены перечислительного ряда, начатого словом *зарплата*, но уже единица *оп-оп-оп* не вписывается в эти рамки и употребляется, скорее, для обозначения чего-то не соответствующего норме и ожиданиям – ср. зафиксированные толковым словарем разговорной речи варианты *оп-оп / опа-опа / опаньки* в значении выражения ‘реакции говорящего на неожиданно возникшую ситуацию, резкую смену событий, действий и т. п.’ [15, с. 755–757]. Морфологически данные употребления трактуются авторами словаря как *междометия*.

Третья ситуация представлена в примере (6): здесь АЕ *тра-та-та* дважды заменяет забытые говорящим строчки песни. Важно отметить, что в данном случае АЕ помогает сохранить ритмический рисунок всей стихотворной фразы. Такие употребления тоже, вероятно, можно отнести к классу

маркеров-заместителей, хотя в упомянутом выше словаре прагматических маркеров такие примеры не рассматриваются [Прагматические маркеры... 2021].

В следующих примерах (7)–(8) АЕ замещают чужую речь:

7) [Юлия, жен., 18] *А / мы с тобой же были / помнишь / Настя и Катя. Аааа... Катю я видела пару раз в университете / ну / мы с ней поскольку не общались / постояли / «привет-привет» там / **бла-бла-бла*** [Разговор подруг // Из материалов Ульяновского университета, 2007];

8) *Вы на то хозяйин... – **та-та, та-та.** и пошла схватка! Обе барыни сцепились между собою и кричали обе вместе* [Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839)].

Иногда подобные АЕ могут выполнять в некотором смысле *эвфемистическую* функцию и заменять чужую бранную речь, ср.:

9) *Заполняйте сами свои / **тэ-тэ-тэ** / бумажки* [из личных записей автора];

10) *Там / где он в обычной жизни сказал бы / **трам-тра-рам*** [из личных записей автора];

11) *Дзюба негодяй / **тра-та-та** / вот теперь Меладзе за его слова про новогодние огоньки гоняют по интернету венниками* [Twitter: пользователь Бордельеро ПоэтЪ, запись от 14.11.2020];

12) *и она как на нас налетела! вот там **ты-ты-ты-ты-ты-ты** / да мы алкаши там / ну что-то там такое / я не помню* [ОРД].

С функцией замещения чужой речи сближается и способность АЕ передавать в речи звучание какого-либо музыкального инструмента (13)–(15) или шум, издаваемый транспортным средством (16)–(18), ср.:

13) *И знаешь, очень эффектное зрелище: все в национальных костюмах, танцуют, песни поют – «севильянас», флейты тоненько так вьются, барабаны отчебучивают: **тр-р-р-р...тр-р-р-р-р... тра-та-та-та-та!**..* [Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)];

14) Ну кайф, ну реальный ну кайф! **Тра-та-та-та**, – взрывают барабаны! **Дыц-дыц-дыц**, – рубят не по-детски гитары! [Е.В. Новицкий. Мefистofель Forever // «Волга», 2008];

15) [И1] Кого из певцов на нашей эстраде вы уважаете более-менее? // [И2] **Всё / что не имеет к мелодии никакого отношения / я не перевариваю // Эти все унц-унц / тын-дын-дын** меня вводят в ступор [из интервью с А. Розенбаумом];

16) Ребенка логопед учил сначала цокать языком и "заводить" трактор / тр – трын / Так и научились // Это сложный звук и для носителей // [форум HiNative, пользователь MariiaZh, запись от 04.03.2020];

17) Закричал петух / воробьи шумят у окна в кустах вишни / солнце уже встало и стучится в окно и тут // **трын-дын-дын** // Этот звук узнают все / кто отдыхал летом в деревне // Так заводится трактор МТЗ-80 [форум ТЖ, пользователь Марина, запись от 08.12.2020];

18) ну и я такая **тын-ты-ты-дын** / короче говоря / промазала *С // и вообще не туда вот поехала [ОРД].

В данном случае АЕ можно приписать функцию звукоподражательных маркеров.

Другая очень важная функция, которую могут выполнять АЕ, это *гезитативная*, когда они заполняют паузу гезитации (колебания, раздумья над выбором слова или продолжения речи). И в этом случае в роли АЕ чаще выступают не бессмысленные звуко сочетания, а десемантизованные единицы (чаще наречия или частицы), ср.:

19) **то-то-то** / но я думаю / что-о он как бы ... шуткали / за две ... загвоздка-то в том / что когда у него на счёте / у него крышняк едет [ОРД];

20) (а) так это что / я должен выйти в... в это вот / (э-э) выйти // **щас-щас-щас** // ну подожди [ОРД];

21) что такое? сейчас // *П *В *П **щас-щас-щас-щас-щас** / да-да-да-да-да-да // *П **шмяк / шмяк / шмяк / шмяк** // так / **шмяк-шмяк** // что у нас тут со шмяком получилось / хорошо всё [ОРД];

22) *что у нас там дальше идёт? (а-а) *В та(:)к / так-так-так // Дзержинск\$ // от вас было (м-м) ... тридцать один тридцать пять [ОРД];*

23) [И1] *Оксан, ну я-я как бы / бы-бы-бы-бы-бы / как тебе сказать-то / [И2] забуксовал немножко щас / [И1] да / забукс... да / заб... бы-бы-бы-бы... [фрагмент ТВ-шоу «Танцы на ТНТ», 7 сезон, 9 выпуск].*

Иногда подобные повторения могут использоваться говорящим для эмоционального усиления смысла (например, отрицания или согласия), ср.:

24) *а / не-не-не-не-не-не / я просто так напоминаю на всякий случай [из личных записей автора];*

25) *да-да-да-да @ надо что-то ... @ чтобы не очень претензионно было @ да @ и в то же время как бы ... *П @ что-то надо @ нарядное # а оно не это самое / не долбанёт? [ОРД].*

В итоге можно заключить, что русской повседневной речи, стремящейся к ритмичности (к «гармонии речевого потока»), свойственно явление амплификации. Амплифицированные единицы в живой речи выступают как междометия (*оп-оп-оп*) или звукоподражания (*дыщ-дыщ-дыщ*) или же переходят в разряд прагматических маркеров и выполняют разнообразными функции, прежде всего *заместительную* и *хезитативную*. Не исключено, что этот список значений и функций АЕ можно продолжить, что эти единицы могут приобретать новые особенности употребления, новые значения и функции в зависимости от коммуникативной ситуации, от интенций говорящего и даже от его собственных характеристик.

Литература

1. Богданова-Бегларян Н. В. Ритмообразующие средства русской спонтанной речи (к постановке проблемы) // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики: Сб. статей к юбилею О. Ф. Кривновой. М.: Буки-Веди, 2013. С. 25-34.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7-20.

3. Богданова-Бегларян Н.В., Кислощук А.И., Шерстинова Т.Ю. О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2 (22), 2013. С. 7-17.

4. Гаспаров М.Л. Амплификация // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

5. Гришина Е.А. Повторы Да и Нет в устном диалоге // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Труды и материалы. М.: МГУ, 2010. С. 225–226.

6. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 256 с.

7. Левонтина И.Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания, 2020. № 3. С. 52-77.

8. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

9. Попова Т.И. Сложные прагматемы-редупликации в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения // Коммуникативные исследования. 2016. №3 (9). С. 36–47.

10. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. 2021 (рукопись).

11. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

12. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Саратовский университет, 1985. 210 с.

13. Тимофеев Л.И. Амплификация // Словарь литературоведческих терминов // Под ред. Л.И. Тимофеева, С.В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. С. 13-14.

14. Тимофеев Л.И. Ритм // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9 / Ред. коллегия: П.И. Лебедев-Полянский, И.Л. Маца, И.М. Нусинов. М.: Советская энциклопедия, 1935 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-7001.htm> (дата обращения: 8.12.2020).

15. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2: К–О / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: ДОМ ССК, 2017. 864 с.

16. Шерстинова Т.Ю. Об изохронности структурных единиц в спонтанной речи (к постановке проблемы) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. 15-19 марта 2010 г. Санкт-Петербург. Вып. 23. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / Отв. ред.

А.С. Асиновский, науч. ред. Н.В. Богданова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 109-118.

17. Шерстинова Т.Ю. Амплификационные структуры повседневной устной русской речи в контексте исследования темпоральных паттернов языка // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции. 28–30 октября 2016 года. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 124–127.

18. Шерстинова Т.Ю. Да-да-да-да-да! и другие конструкции повседневной русской речи, состоящие из контактно повторяющихся слов, в контексте исследования просодических моделей языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 17. М., 2018. С. 162-175.

19. Sherstinova T. Multiple Repetition of Discourse Markers in Everyday Spoken Russian // Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2016). Series: Advances in Social Science Education and Humanities Research (ASSEHR), vol. 122. Atlantis Press, 2017. Pp. 480–483.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

УДК: 81'282.2

*А.А. Аникин (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. Т.Е. Баженова*

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ОХОТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОГО ИЗ ГОВОРОВ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

Статья посвящена терминологии охоты, определения семантики лексем, входящих в этот малоизученный пласт диалектной лексики, их особенностей бытования.

Ключевые слова: лексика охоты, табу, тематические группы, диалект.

The article is devoted to the terminology of hunting, the definition of the semantics of the lexemes included in this poorly studied layer of dialect vocabulary, and their features of existence.

Keywords: hunting vocabulary, taboo, thematic groups, dialect.

Охота была для древнего человека одним из основных способов существования. В древние времена мясо добытых животных употребляли в пищу, из шкур изготавливали одежду, из зубов, костей делали оружие, амулеты, украшения. Естественно, для обозначения животных, их повадок, мест обитания использовались какие-то слова, звуки. Охотничий язык возник вместе с появлением самой охоты как вида деятельности. Он обслуживал сферы деятельности, в которых традиционно были заняты только мужчины, и имел сакральную функцию, отразившуюся в обрядовой поэзии и именовании животных. С объединением людей в более крупные, нежели племенные, группы связан важный этап развития охотничьего

языка, а именно его активное профессиональное обособление. Носителями охотничьего языка стали два типа охотников – охотники-профессионалы, занимавшиеся охотничьим промыслом, и охотники-любители. Наши наблюдения сделаны в среде охотников-любителей, простых сельских жителей.

Основой для исследования послужили личные записи диалектной лексики в деревне Русская Хомутерь Базарносызганского района Ульяновской области. Еще в прошлом веке в деревне насчитывалось более сотни охотников при населении в 500 человек. Их большое число обусловлено и географическими причинами: Русская Хомутерь окружена лесным массивом, богатым дичью. Сейчас количество населения уменьшилось до 143 человек, а количество охотников сократилось до 8 на всю деревню. Но тем не менее, в окрестностях села часто можно услышать гон собак, который доносится из леса.

Системное описание лексики традиционной охоты является серьезной научной проблемой. На материале русских народных говоров она освещена явно недостаточно. В научной литературе освещена недостаточно. «Изучение традиционной охотничьей речи существенно затруднено тем, что традиция охоты относится к достаточно закрытым, хотя и не асоциальным, субкультурам,» – отмечает И.А. Подюков [3, с. 55], известный диалектолог, краевед и лексикограф, автор «Охотничьего словаря Прикамья». Работ по изучению диалектной лексики охоты практически нет, в региональных словарях она бывает представлена небольшими тематическими группами [2, с. 147]. В научной литературе она почти не описана, лишь отмечены её специфические черты в виде заимствований в русский язык из языков народов Крайнего Севера, где охота по-прежнему является одним из основных занятий [5, с. 138–141].

В обозначении основных понятий охоты широко используется табуирование. Табу в языкознании определяется как «запрет на употребление определенных слов, обусловленный социально-политическими, историческими, культурными, этическими или эмоциональными факторами возникающие в общественной жизни на всех ступенях развития» [4, с. 552]. Охотник стремится заменить или преобразовать слово-название, которое содержит указание на то, где зверь

водится, какие дорожки и тропинки есть в этой местности, где зверь уходит чаще всего, где можно капкан поставить или *засидку* (шалаш) соорудить. Многие охотники считают, что разговорами можно спугнуть удачу. Отсюда вытекает главная причина эвфемизации – суеверность охотников. Например, выражение *с полем!* означает благопожелание по поводу удачной охоты, выражение *принести ноги* означает ‘прийти без добычи’, то есть безрезультатную охоту. Табуируются обозначения процесса выслеживания добычи, наименования крупных трофеев, то есть животных, которые представляют собой крупную добычу охотника и представляют опасность. Например, в номинации процесса охоты используются слова и выражения *добывать, доставать, гонять, лазить, ходить в лес, найти, прийти пустым, добрать, лазить*) – и не говорят: *охотиться, подстрелить, охота*. Кроме того, охотники никогда не говорят: «убил зверя», они говорят: «добыл/принёс».

Запись охотничьей лексики затруднена, так как это занятие постепенно уходит из традиционного сельского уклада, становится развлечением. Даже в среде городских охотников-непрофессионалов она носит закрытый характер. В интернете нет каких-либо форумов или блогов, где охотники общались бы друг с другом, демонстрировали знания в области охоты, делились секретами удачи.

Лексика охоты представляет собой одну из древнейших терминосистем, сформировавшихся на основе общеславянских корней. Охота может рассматриваться как определенная сфера традиционных сельских занятий наряду с пчеловодством, рыболовством, ткачеством, плотницким делом, ушедшим в прошлое коноплеводством.

Одним из способов эвфемизации является замена профессионального названия синонимом-заимствованием. Большая часть систем специальной лексики в русском языке – это заимствования (терминология вычислительной техники, спорта и т. д.). Однако значительная доля слов русского охотничьего языка не является заимствованной, за исключением некоторых лексем, употребляемых охотниками с легавыми и норными собаками, а также части специальной лексики, связанной с оружием.

Недостаточная изученность охотничьей терминологии в диалектной лексикологии и лексикографии объясняется также спецификой самого объекта исследования. Для диалектной профессиональной лексики и терминологии в целом характерно отсутствие территориальной закреплённости. Иными словами, лексика охоты в русских говорах не ограничена изоглоссами. Действительно, в терминологии охоты много общерусских общеупотребительных лексем, известных всем носителям русского языка, в основном через посредство произведений художественной литературы. Благодаря произведениям И.С. Тургенева, И.А. Бунина, М.М. Пришвина, писателя симбирской земли С.Т. Аксакова терминология литературного языка пополнилась такими словами, как *тяга*, *гон*, *добыча*, *номера* и другие. В конце XIX в. русский охотничий язык достиг своего расцвета, став совершенно уникальным языковым явлением.

Стоит ли рассматривать лексику охоты в качестве объекта изучения диалектологии? Ответим на этот вопрос. В литературном языке лексика традиционной охоты часто употребляется безэквивалентно, то есть так, как она используется в речи простых, малообразованных сельских охотников, которые переняли терминологию охотничьего промысла по наследству. Еще один весомый аргумент – эвфемизация не только общеупотребительных, но и диалектных слов в лексиконе непрофессиональных сельских охотников. Например, для обозначения крупных животных широко распространены иносказательные наименования: слово *сохатый* ‘лось’, *секач* ‘кабан-самец’. Из эвфемизмов с диалектными основами отметим: *гайнó* ‘гнездо белки, куницы’, которое охотничья собака находит по запаху, ср. диал. *гайнó* ‘место для свиньи во дворе с настланной соломой’ [1, с. 45], ‘постройка для овец’ [2, с. 69]; *гумённик* ‘вид дикого гуся с серым оперением’, ср. диал. *гумённик* ‘гриб, растущий на гумнах’, ‘задворки’ [1, с. 46], ‘помещение для хранения сжатого хлеба’ [2, с. 69].

В прошлом охота предполагала добычу зверя с помощью подручных, примитивных средств, поэтому в говоре использовались слова *рогатина*, *петля*, *силок*, *удавка*, *западня*, *сеть*, *яма*. На современном этапе процесс охоты (добычи диких

животных) осуществляется с помощью современного огнестрельного оружия (ружья), поэтому в речи сельских охотников присутствует общеупотребительная лексика, служащая наименованием ружья, его марки, характеристики и комплектующих: *иж* (*с ижом ходил*) ‘ружьё Ижевского завода’, *ТОЗ* ‘ружьё Тульского завода’, *бой* ‘характеристика ружья, качество полёта снарядов из ружья’, *осечка* ‘отсутствие выстрела при стрельбе вследствие неисправности оружия’ (*дать осечку*) и т.п. Общеупотребительные слова служат основой для образования разнообразных лексических вариантов в речи сельских охотников, ср. например, лексико-грамматический вариант *ложжа* (*ж. р.*) ‘часть ружья’, лексико-словообразовательные варианты *вертикалка* ‘ружьё с вертикальным расположением стволов’, *горизонталка* ‘ружьё с горизонтальным расположением стволов’, *шат* ‘дефект, неисправность, приводящие к осечке’ (*ружьё с шатом*), лексико-семантические варианты *лопата*, *весло* ‘ружьё с горизонтальным расположением стволов’.

Для обозначения реалий охоты в изучаемом говоре нами отмечена развитая система тематических групп наименований.

1. Выслеживание зверя, наблюдение: *скрадо́к* ‘построенное из подручных материалов сооружение (обычно яма) в земле для охоты на гусей’ (*В этом году у нас скрадо́к соломой закрыт*), *лабаз* ‘помост, доска на дереве для выслеживания животных и для засады’, *засидка* ‘укрытие, из которого охотник выслеживает добычу: шалаш, который устраивается охотником во время охоты на пернатых’ (*Из засидки на тетеревов охотятся*).

2. Преследование зверя: *тропление* ‘вид охоты, когда охотник идет по следу, выслеживание добычи’ (*Собаку не беру – троплением занимаюсь, а как еще?*), *загон* ‘прочесывание выбранного участка местности с целью выгнать животных, находящихся в этом массиве, на стрелков (номера), используя шум, крики, собак’ (*Иди в загон. Идёт загон, свинью пропускают, а стреляют других, добывают*).

Охотнику необходимо было быть умным, сильным, выносливым человеком, способным запоминать местность, ориентироваться в лесу, преодолевать препятствия.

3. Обозначение процесса охоты в нашем говоре обозначаются диалектными словами *гонять* ‘охотиться на зверей, выслеживая их’, *погонять* сов. вид от *гонять*, *добывать* ‘охотиться’, *лазить* ‘ходить в лес на охоту’, *найти*, *добрать* ‘добить раненное животное вторым выстрелом или ножом’, *обрéзать* ‘выйти наперерез уходящему от преследования зверю’, *тропíть* ‘выслеживать зверя, идя по его следам’.

4. Кроме того, чтобы успешно охотиться, ему необходимы знания о животных и птицах: **их названия:** *веретённик* ‘вид куликов’, *заяц* ‘косуля’, *рябёц* ‘рябчик’, *пискúлька* ‘вид дикого гуся’ и др. Специальные наименования существуют у вожака, главного зверя в стае, например, у диких гусей есть *капитан* – вожак, который составляет начало клина. Подразделяются наименования самок, самцов: например, у кабана – *пóдсвинок* ‘поросенок по второму году жизни’, *свинья* ‘самка кабана’, *сеголёток* ‘поросёнок первого года рождения’, *секáч* ‘кабан-самец’, у косули – *коза* ‘самка’, *козёл (козлик)* ‘самец косули’, *козлёнок* ‘детёныш косули’. Такая развитая дифференциация наименований представителей животного мира характерна для диалектов в целом. В речи охотников, кроме того, наблюдается дифференциация животных в зависимости от сезона охоты и возрастных особенностей. Например, у зайца потомство различается в зависимости от времени появления на свет относительно сезона охоты: *настовíк* – ‘заяц первого помета, то есть мартовский’, *листопа́дник (листопа́дничек)* – ‘заяц последнего, осеннего помета’. Старого, опытного зайца часто называют *заяц с бородой*. Это нужно для того, чтобы из всего богатства фауны выделять наиболее уязвимые объекты, определять старых и молодых особей. Заяц раннего помета, без сомнения, к осени будет опытнее, значит, его труднее добыть. Также у кабанов: *сеголётки* бегают только за матерью (свиньёй), они слабее, значит, собакам легче его задержать, а охотнику – сделать прицельный выстрел. Логика здесь такова: молодой, следовательно, неопытный. С этой же целью выделяются и диалектные названия ненормальных животных, например, *ши́льник* ‘лось с рогами неправильной формы в виде двух острых отростков (*шильев*)’, *тума́к, толáй* ‘заяц, помесь русака с беляком (по природе бесплоден)’. Такие

животные представляют собой легкую добычу (*Тумák бегаёт сла́бенько*). Отдельно обозначаются и раненные животные: *подра́нок*. Этим словам нет эквивалента в литературном языке.

5. Следы зверей. В охотничьем языке специально обозначаются **следы зверей**: *машки́, махи́* ‘прыжки зверей, их бег’, *тропа́* ‘многочисленные следы животного по одному и тому же пути’ (*Снега давно не было, одни тропы кругом набеганы – многоследица*), *ко́пки* ‘оставляемые животными ямы разных размеров, разрываемые в поисках пищи’ (*Копки ночные, свежие*), *ле́жка* ‘след на земле/снегу, место дневного сна животных’ (*Зашел в самосев, а там одни ле́жки*).

6. Жилища зверей: *хатка* ‘место обитания бобра’, *гайно́* ‘место обитания белки’, ‘место, где свинья поросится’, *ду́пло* ‘место дневки* куницы’ (**дневка* – это процесс бездействия/сна некоторых животных в дневное время), *нора* (у барсука, лисы, сурка, крота), *катакомбы* ‘многоходовая и многоэтажная нора барсука, где живут несколько особей/семья’ (*Нору нашел, чищенная, думал, выкопаю, какой там, катакомбы. Пришлось капкан ставить*).

7. Места вероятного пребывания животных: *самосе́в* ‘вид охотничьих угодий, заросшее молодыми деревьями поле’, *семенни́к* ‘большое старое дерево (как правило, сосна обыкновенная), на котором кормятся тетерева и глухари, белки’, *чащóба* ‘густой самосев, непролазные кусты’, *острово́к* ‘участок леса, окруженный полем, отдельно стоящий лес’.

8. В особую группу выделяются в говоре **звуки, которые издают животные и птицы**: *кльо́кать* ‘издавать характерные звуки (о глухаре): первое колено глухариной песни, когда он издает звук *кльо-кльо*’, *мурлы́кать* ‘издавать характерные для рыси звуки’, *хо́ркать* ‘издавать характерные для самца вальдшнепа звуки’, *цы́кать* ‘издавать характерные для самки вальдшнепа звуки’, *чуфы́ркать* ‘издавать характерные звуки (о тетереве)’, *шо́ркать* ‘издавать характерные звуки (о глухаре): второе колено глухариной песни, когда он издает звук *шорр-шорр*’ и др. В эту группу входят глаголы междометного происхождения со словообразовательным формантом -ка-.

9. Действия объектов охоты тоже имеют обозначения: *гон* ‘ход зайца кругами, когда он бежит, запутывая следы’, *жировать* ‘кормиться (о диких животных)’, *тянуть* ‘пролетать над лесом или полем на заходе солнца во время брачного периода весной (о самцах вальдшнепа)’, *таскаться* ‘бегать, играть, спариваться во время брачного периода (о зайцах)’, *токовать* ‘издавать характерные звуки, драться за самку (о глухаре, тетереве)’. Ср. примеры словоупотребления в контексте: *Сегодня тянули хорошо; В конце февраля-начале марта зайцы начинают таскаться. Первый раз напал снег, и вот по первой пороше видны следы, набегано, значит, зайцы таскались*. Такие номинации присутствуют в речи охотника, так как они важны для охотника, он должен знать, как ведет себя животное, что от него можно ждать. Например, заяц, чтобы скрыться от преследования, совершает *скидки, двойки, восьмерки, петли, ходит тропами*.

10. Наименования охотничьих собак. Охота с собакой подразумевает переключивание части обязанностей охотника на собаку. Она должна начать преследовать зверя (*гонять, находить, поднимать, облаивать*), а охотник подстраивается под гон и *добывает*. Поэтому в охотничьем языке выделяется такая тематическая группа лексем, которая обозначает охотничью собаку: её породу – гончая (*гончак, гончушка*), лайка (*лайчонка*), характеристику собаки: *вязкая* ‘собака, которая долго не бросает зверя, качественно гоняет’, *злая* ‘смелая, рискованная’ (*Лайки у него злобные, на любого кабана бросаются. Такие долго не живут*).

11. Наименования сезонных особенностей охоты. Важным для настоящего охотника является знание о времени года, о сезоне охоты. Весной охотиться нельзя, так как в эту пору звери приносят потомство, выкармливают его, а осень-зима – время охоты. Поэтому различают *чернотроп* ‘бесснежье, сезон охоты, когда снега нет и следы не видны’, *белую тропу* ‘снежная пора охоты’. Отдельные виды охоты требуют использования транспортных средств или их необязательность. В наблюдаемом говоре преобладает охота *самотопом* ‘пешком, своим ходом’. В зависимости от объекта охоты в го-

воре различаются *открытие* ‘охота на уток/вальдшнепов весной/осенью’, охота *по перу* ‘охота на птиц’, *по крупняку* ‘охота на крупных животных’. В зависимости от вида угодий особо обозначается охота *на потраве* ‘на специально засеянных овсом, рапсом полях’.

Охота с использованием примитивных приспособлений, ловушек, западней долгое время была общедоступным видом охоты. Можем предполагать, что именно эти лексические группы имеют территориальную привязанность, следовательно, она диалектная.

Подведём итоги.

В составе охотничьей лексики много слов-полисемантов: *гайно, гон, лопата, машки* и др. Можно утверждать, что выделенные лексические единицы характеризуются разнообразием системных связей: семантических (*капитан, тропы* и др.), структурных (*машки* и *махи, ходить* и *лазить, лопата* и *весло*), следовательно, лексика охоты в поволжских говорах представляет собой тематическую группу с развитой дифференциацией наименований по идеографическому и структурно-семантическому принципу.

Литература

1. Баженова Т.Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара: СГСПУ, 2020. 192 с.
2. Барашков В.Ф. Материалы для словаря говоров Ульяновской области // Барашков В.Ф. Русские говоры Ульяновской области: пособие по краеведению. Ульяновск: УГПИ, 1977. С. 39–72.
3. Подюков И.А. Отражение особенностей охотничьей субкультуры в традиционной лексике охоты Прикамья // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. №1. С. 55–59.
4. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 2008. 703 с.
5. Сувандии Н.Д. Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №5-2 (59). С. 138–141.

*И.Э. Иванов (г. Нур-Султан, Казахстан)
Научный руководитель д.ф.н. проф. А.М. Ранчин*

ФУНКЦИИ ПРЕТЕРИТНЫХ ФОРМ В СОЧИНЕНИЯХ ИНОКА АВРААМИЯ

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

В статье на примере сочинений старообрядческого книжника Авраамия сделана попытка установить закономерности использования претеритных форм, которые в XVII веке употреблялись независимо от своих исторических темпоральных значений.

Ключевые слова: древнерусская литература, церковный раскол, старообрядчество, простые претериты, инок Авраамий.

In the article, on the example of the works of the Old Believer scribe Abraham, an attempt is made to establish the regularity of the use of preterit forms, which in the 17th century were used regardless of their historical temporal values.

Keywords: Old Russian literature, church schism, Old Believers, simple preterit's, monk Abraham.

XVII в. имеет очень большое значение для развития русской государственности и культуры. Это тяжелый исторический период, который характеризуется разными процессами во многих сферах жизни древнерусского общества. Сама Древняя Русь в XVII в. уходит в прошлое, происходит ломка средневековой картины мира, что в значительной степени отражается и в литературе. В древнерусскую словесность проникает психологизм, внимание к человеческой личности, происходит демократизация тем и героев произведений. Этот век также характеризуется таким важным общественно-политическим явлением, как раскол Русской православной церкви, вследствие которого появилась идеология раннего старообрядчества, сформировавшая целую плеяду интересных и важных для изучения книжников: протопоп Аввакум, инок Авраамий, дьяк Федор Иванов, Лазарь и многие другие. Книжники раннего старообрядчества создавали свои тексты для борьбы с реформами патриарха Никона, в своих трудах они выражали свои взгляды и убеждения, отстаивали идеи раннего старообрядчества.

В их сочинениях нашли отражение изменения в русском языке, происходившие в XVII в., что делает эти тексты еще более ценными.

В нашей работе мы обратили внимание на употребление претеритных форм в сочинениях инока Авраамия и попытались установить некоторые закономерности использования им форм глаголов прошедшего времени. В исследовательской среде не раз выдвигались предположения о сознательном употреблении старообрядческими книжниками претеритных форм с целью оформления либо некоторых идеологических установок, либо с целью стилизации определённых фрагментов текста, что также могло служить идеологическим задачам произведения.

В XVII в. единой системы прошедших времен, как в более ранние периоды истории русского языка, не было. Генетически восходящая к перфектным формам форма на -л стала унифицированной для выражения действия в прошлом [5, с. 292]. Другие рассматриваемые нами формы, аорист и имперфект, в данный период времени не функционировали в разговорной речи: аорист в памятниках письменности вытесняется перфектом начиная с XV в., а формы имперфекта утратились еще в дописьменную эпоху. Таким образом, эти архаичные глагольные формы уже не могли в XVII в. иметь в текстах свои темпоральные значения, однако сами формы в памятниках присутствуют. Мы предполагаем, что авторы использовали их с определённой целью.

Здесь стоит вспомнить, что замена форм аориста и имперфекта на перфект стала одной из причин обвинения в ереси Максима Грека в XVI в. [8, с. 363–364], с таким же обвинением выступал старообрядческий справщик Савватий, но по отношению уже к деятелям никоновской sprawy. Семантика имперфекта традиционно указывала на отсутствие предела, поэтому замена его на перфектные формы при упоминании божественной сущности остро воспринималась критиками Максима Грека и старообрядцами. Традиционно божественное существо воспринималось как безначальное и бесконечное, поэтому требовалось использование только форм простых претеритов [4, с. 229–230].

Анализ использования претеритных форм не раз проводился исследователями на материале «Жития протопopa Аввакума». В этом отношении стоит упомянуть работу Е.Н. Прокоповича, в которой исследователь на примере «Жития» пришел к выводу о том, что протопоп сознательно использовал формы аориста и имперфекта в определенных контекстах или с целью создания стилистического эффекта, или для придания фрагменту текста большей значимости [5, с. 296]. Чешская исследовательница С. Матхаузерова на материале первой повести из «Книги бесед» Аввакума Петрова пришла к выводу, что протопоп употребляет претеритные формы в зависимости от субъекта действия: если субъектом является патриарх Никон, то формы перфекта доминируют, если же субъектом является сам Аввакум или его сподвижники, то преобладают архаичные формы [3, с. 124]. К похожему заключению пришел исследователь В.В. Семаков, который обратил внимание на то, что в «Житии Аввакума» большую часть глаголов, находящихся при субъекте *азъ* и *люди божие* представляют формы аориста и имперфекта. В.В. Семаков пишет о бинарности персонажей, оформляющейся на морфологическом уровне [6, с. 409]. Он также пишет о маркированности глагольных форм прошедшего времени не на основе их темпорального значения, уже неактуального в XVII в., а на основе их стилистической окраски.

Таким образом, архаичные претеритные формы наделялись определенным стилистическим оттенком, и это приводило к тому, что старообрядческие книжники предпочитали употреблять их в тех фрагментах, которые казались им наиболее важными с точки зрения содержания. В.В. Семаков, ссылаясь на В.В. Колесова, пишет о том, что, например, для протопopa Аввакума была неважна стилистическая цельность текста, но уделялось внимание каждому отдельно взятому его фрагменту [6, с. 405]. Анализ также показывает, что книжники отдавали предпочтение архаичным формам и в тех случаях, когда писали о себе и о своих соратниках.

Старообрядцы XVII в. в рамках своей идеологической борьбы активно использовали аргумент о семантике предельности перфекта в своих полемических сочинениях и при обвинении никоновской sprawy. Однако мы предполагаем, что

распределение претеритных форм и в самих этих сочинениях было сделано согласно идеологической установке старообрядцев – с помощью претеритных форм книжники выражали свое отношение к тем или иным явлениям и личностям.

В данной работе мы отталкиваемся от указанных предположений о сознательном употреблении претеритных форм в зависимости от субъекта действия или на основе стилистической маркированности текста с необходимостью придать особое значение тому или иному фрагменту.

Рассматриваемыми текстами являются сочинения, написанные старообрядческим книжником иноком Авраамием. До сих пор восстановить нить его биографии полностью не удалось, науке известны лишь некоторые факты его жизни. Основным источником данных является сборник старообрядческих житий-мartyрий «Виноград Российский» Симеона Денисова, в котором сказано о том, что инок начал праведную жизнь в Нижегородских пустынях «у великаго и придивнаго отца Иосифа Ламенского» [2, с. 34]. Также некоторые факты его жизни известны по его произведениям, многие из которых сохранились в многочисленных списках. Так, например, в сочинении «Вопрос и ответ» указана дата ареста инокa – 1670 г., текст содержит допрос Авраамия митрополитом крутицким и коломенским Павлом и содержит важную информацию для воссоздания биографии книжника. Части биографии Авраамия, которые удалось восстановить, обобщила Л.Д. Демидова в своем труде, посвященном книжнику [1, с. 50–51].

Авраамий был одним из самых известных и читаемых в среде старообрядцев автором, о чем свидетельствует большое количество списков его сочинений. Сюда входят такие памятники, как уже упоминавшийся «Вопрос и ответ старца Авраамия», «Послание к некоему боголюбцу», «О антихристовой пестообразной прелести», а также «Книга глаголемая челобитная», представляющая большой интерес в силу объема и широкого круга затронутых в ней тем. Исследовательница Н.В. Шухтина выдвинула предположение о родстве «Вопроса и ответа» и «Послания к боголюбцу». Она предположила, что оба сочинения восходят к одному – полной редакции «Послания к некоему боголюбцу», которое было написано после ареста

инока 8 февраля 1670 г. Исследовательница предположила, что адресатом полной редакции является сын Аввакума Иван Аввакумович, так как сам протопоп в своем «Житии» пишет о тексте Авраамия. Уже после инок на основе полной реакции создал два отдельных сочинения исходя из своих публицистических задач [9, с. 403–404]. Челобитная книга Авраамия были им написана в заключении на Мстилавском дворе не ранее сентября 1670 г. Она была составлена на основе сборника «Христианоопасный щит веры». Исследователь Н.И. Субботин предположил, что сборник послужил подготовкой или накоплением материала для Челобитной [7, с. XII]. Мы используем текст, изданный Н. И. Субботиным по архангельскому списку, содержащий заглавие с предисловием, а также разделение на 17 статей.

Сочинение «Вопрос и ответ» представляет собой тот материал, на котором можно проследить установку автора на использование тех или иных претеритных форм. Сочинение написано в вопросно-ответной форме, и здесь мы видим, что если вопрос носит мирской, сниженный характер, то он оформляется с помощью перфекта: «*И больши того думной не **истязаль**. И **учаль** мя вопрошати о писмахъ моих, у кого что **взяль** и кто **писаль** тѣ писма. И азъ **сказаль** о писмахъ: кто **писаль**, не **въмь**, а **досталися**...*» [7, с. 388]. Другой контекст, содержащий слова Авраамия стилистически маркирован, он оформлен с помощью архаичных форм: «*азъ же **рѣхъ** ему: не бранитися азъ с вами здѣ **придохъ**... **рѣхъ** ему, припамятуй **владыко**, что писано **сїе** ... онъ же **глагола** ми...*» [7, с. 392]. Во вступительной части сочинения архаичные формы преобладают, однако имеет место употребление претеритов в соответствии с описываемыми событиями. Так, например, Авраамий отдает предпочтение перфектным формам в эпизоде, когда митрополит Павел избивает Авраамия [7, с. 391–392], но уже в следующем эпизоде, в котором инок рассказывает о том, как ему не хотели давать одежду, но он, уповая на Бога, ее и не просил, Авраамий употребляет поимущественно архаичные формы: «*азъ же **предъ** нимъ **стояхъ**... Онъ же (Павел) **рече**... азъ же **рѣхъ**: **испросихъ** отъ Господа...*

Ему работать въ семь платъ обѣщахся...» [7, с. 393]. Возможно, что автору был важен этот эпизод и он хотел заострить на нем внимание читателя.

Как уже было сказано, основная часть текста построена в вопросно-ответной форме: Авраамий отвечает на вопросы митрополита Павла. Чаще всего допрос оформляется с помощью перфекта, инок начинает почти каждый вопрос и ответ фразой «азь рекъ»/«власти рекли». Однако в одном случае инок начинает свой ответ фразой *азь глаголахъ* и дальше говорит о текстах Писания и о Иоанне Дамаскине [7, с. 408]. В еще одном случае инок начинает свой ответ словами «азь же рѣхъ ему» и дальше пишет: «*не оставихъ азъ церкви...никогда со святою церковію не прекословихъ*» [7, с. 415]. Следующий за этим вопрос властей оформляется перфектной формой. Мы видим, что использование тех или иных форм напрямую зависит от темы вопроса и от содержания ответа инока Авраамия: он стилистически маркирует «возвышенные» ответы, которые наделяет библейскими отсылками или цитатами. Это может служить подтверждением тому, что инок сознательно употребляет архаичные и перфектные претеритные формы в сочинении «Вопрос и ответ».

В Челобитной книге инока можно также обсудить некоторые контексты, которые автор сознательнее выделяет с помощью глагольных форм. Мы упомянем лишь некоторые статьи из Челобитной, которые показались нам наиболее интересными и показательными. Например, первая статья Книги «О первом приложении к Символу православной веры» оформлена преимущественно перфектными формами, однако она содержит слова автора о ереси Нестория. Которые оформлены с помощью форм аориста: *глаголаше, нарицаше, возмогаша, отиде, осудиша, проповѣдоша* [7, с. 269]. Четвертая статья книги содержит большое количество библейских цитат и комментариев Авраамия к ним. Все эти контексты оформлены с помощью архаичных форм, однако статья включает в себя и обращение к царю Алексею Михайловичу, при обращении формы перфекта доминируют.

Интересными кажутся статьи «Зри о крестном знаменнии» и следующая за ней статья «Свидетельства о том же крестном

знамении». Первая статья использует преимущественно формы аориста и имперфекта, вторая – перфекта. Если в первой статье автор пишет о событиях настоящего и призывает «одуматься» и остановить реформы, то во второй он приводит основанную на религиозных текстах аргументацию своей позиции. Возможно, что инок хотел сфокусировать внимание именно на повествовании о настоящем, поэтому использовал в первой статье в основном архаичные претериты.

В другой статье, «Святого Келестина папы о священном символе утверждение», ситуация другая. В общей сложности здесь 38 форм глаголов прошедшего времени, из которых всего 10 перфектных. Мы полагаем, что эти формы распределены по двум контекстам статьи: «*но вѣрныхъ... отстъкли и разлучили единыхъ отъ другихъ, и тако вѣчную смерть послали... святіи... показали ересь*» [7, с. 308] и «*измѣнилъ еретикъ, новый отступникъ, Никонъ, и глупыхъ епископовъ прелститель, а святыхъ оболгалъ...*» [7, с. 310]. Мы видим, что здесь перфектные формы оформляют негативные стороны повествования. Остальной текст статьи, посвященный вопросам церковного характера, написан с использованием форм аориста и имперфекта.

Статья Челобитной «О молитве Иисусове» может быть разделена при анализе на две части, которые отличаются друг от друга с точки зрения стиля. Содержащая большое количество библейских реминисценций первая статья использует преимущественно архаичные формы, тогда как вторая часть, которая представляет собой жалобу царю на книжную справу, оформлена перфектными формами: «*Въ Тредоди, государь, постной напечатали*», «*Богородицу нарекли*», «*А въ Ермолоев печатномъ приложили*», «*И на достойнъ рѣчь перемѣнили*», «*А новых... Служебниковъ шесть выходовъ было*» и др.

Еще одна статья Челобитной книги, которая называется «Что есть посохъ образуетъ со змями», содержит большое количество оформленных архаичными формами библейских сюжетов и реминисценций, однако вступление к этой статье начинается со слов о патриархе Никоне: «*погубилъ правдѣда нашего Адами и весь миръ, егоже Господь Богъ проклялъ*» [7, с. 371–372]. В данном случае автор использует перфектные

формы либо потому, что речь идет о патриархе, либо потому, что этот контекст содержательно отличается от остального текста статьи, так как в дальнейшем повествовании речь идет об Антихристе. В этой же статье автор обращается к Никону. При обращении Авраамий использует преимущественно формы перфекта: *скрыль, возшель, дернулъ* [7, с. 374–375].

В целом можно заключить, что Челобитная книга инока Авраамия написана с преобладанием архаичных претеритных форм в большинстве статей. Возможно, что это объясняется тем фактом, что практически все статьи Челобитной посвящены вопросам богословия и выражают основные идеи идеологии раннего старообрядчества. Однако мы можем обнаружить в статье с преобладанием архаичных форм один или несколько контекстов, повествующих о Никоне и еретиках и оформленных перфектными формами. И наоборот, в статье могут преобладать перфектные формы, однако она может включать несколько предложений о церковной истории или же библейские сюжеты, которые оформлены архаичными формами. Таким образом, Челобитная книга является показательным материалом в отношении сознательного употребления иноком Авраамием тех или иных претеритных форм.

Челобитная книга отражает еще одну закономерность использования претеритных форм. В статье «О том же крестном знамении», являющейся обращением к царю, мы видим 26 перфектных форм и 16 архаичных. Примечательно, что из 16 архаичных форм 8 автор употребляет по отношению к себе (*хотѣхомъ, сказахъ, скорбѣхъ, поискахъ, прочтохъ* и др.), тогда как перфектные формы он по отношению к себе не использует. Эта статистика применительна ко всему тексту Челобитной книги – перфектные формы при субъекте *азь* единичны. Таким образом, предположение, сделанное С. Матхауезеровой на материале «Книги бесед» Аввакума, применимо и к творчеству Авраамия. Инок применяет перфектные формы в отношении Никона и его сподвижников. Показательно, что перфектные формы также преобладают в тех контекстах Челобитной, которые повествуют о еретиках из истории христианства. В отношении себя инок предпочитает использовать

формы аориста и имперфекта в подавляющем большинстве случаев.

Если мы обратимся к сочинению «Послание к некоему боголюбцу», то мы увидим, что текст в целом содержит 53 формы претерита, из которых форм перфекта – 33, аориста – 19, имперфекта – 1 (при цитате из Псалтыри). По отношению к себе Авраамий использует во всем тексте всего 4 претерита, каждый из которых стоит в форме аориста: *удивихся*, *положихъ*, *навыкохъ* и *помянухъ* [7, с. 417, 418, 426]. Тогда как из 13 претеритных форм, употребленных при субъекте действия «Никон», в форме перфекта стоят 12. Можно сделать вывод о том, что распределение форм прошедшего времени в сочинении «Послание к некоему боголюбцу» вполне отражает идеологическую установку автора, которая выразилась в употреблении разных претеритных форм при разных субъектах действия. В другом сочинении инока, «О антихристовой пестообразной прелести», формы распределяются следующим образом: из 61 одного глагола в форме прошедшего времени 38 форм перфекта, 19 форм аориста и 4 формы имперфекта. По отношению к себе автор использует претерит один раз, и это аорист *рѣхъ* [7, с. 430]. При субъекте «Никон» все претериты стоят в форме перфекта – 11 случаев из 11.

Таким образом, анализ некоторых сочинений инока Авраамия, одного из самых популярных в старообрядческой среде книжников, показал, что несмотря на отсутствие исторических временных значений у претеритов в XVII в., книжник использует их с определённой логикой. По отношению к себе лично или по отношению к своим соратникам Авраамий использует архаичные формы, по отношению же к патриарху Никону и другим деятелям реформы Церкви инок употребляет перфект. В целом это отвечает идеологической концепции старообрядцев, понимающих реформы церкви в эсхатологическом ключе. Вместе с этим распределение форм глаголов прошедшего времени зависит и от той информации, которую автор передает в своем сочинении. С помощью претеритов оформляются «мирские» и «возвышенные» с точки зрения содержания фрагменты, с их же помощью автор может

акцентировать внимание на важном для себя событии или выражать свое отношение к тем или иным лицам. Все это говорит в пользу того предположения, что старообрядческие книжники могли сознательно употреблять определённые формы претеритов в тех случаях, когда того требовала их идеологическая или художественная установка.

Литература

1. Демидова Л.Д. Инок Авраамий: истоки русского раскола. Новосибирск, 2017. 221 с.
2. Денисов С. Виноград Российский, или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1906. 134 с.
3. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага: Карлов университет, 1976. 142 с.
4. Матхаузерова С. Функция времен в древнерусских жанрах // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 227 – 235.
5. Прокопович Е.Н. Об употреблении прошедших времён глагола в русской письменности второй половины XVII века // Материалы и исследования по истории русского языка / под ред. Р.И. Аванесова. М.: АН СССР, 1960. С. 291–300.
6. Семаков В.В. О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке «Жития протопопа Аввакума» // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1985. Т. 39. С. 404–409.
7. Субботин Н.И. Материалы для истории Раскола за первое время его существования: Т. 1-9 / Под ред. Н. Субботина. Т. 7. «Христианский щит веры», Челобитная и другие сочинения инока Авраамия. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. 434 с.
8. Успенский Б.А., Живов В.М. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола БЫТИ в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 3. Общее и славянское языкознание. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 363–388.
9. Шухтина Н.В. Переработки «Вопроса и ответа» и «Послания к некоему боголюбцу» инока Авраамия в рукописях XVIII–XIX вв. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 44. Л.: Наука, 1990. С. 403–408.

*Д.А. Какорина (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. О.И. Кальнова*

ЯПОНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СУБКУЛЬТУРЕ АНИМЕ

*ФБГОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

Статья посвящена проблеме японских заимствований, пришедших в русский язык из сферы аниме. Рассматривается вопрос о закономерностях заимствования слов из японского языка, которые с процессом распространения субкультуры начинают входить в язык российского общества. Статья содержит фактический материал, собранный с помощью толковых словарей, данных Национального корпуса русского языка, электронных средств массовой информации (статьи, форумы).

Ключевые слова: русский язык, заимствованная лексика, аниме, оценочные слова.

The article is devoted to the problem of Japanese borrowings that came to the Russian language from the sphere of anime. The article examines the question of the patterns of Japanese borrowings, which with the process of the spread of the subculture begin to enter the language of Russian society. The article contains factual material collected using explanatory dictionaries, data from the National Corpus of the Russian language, electronic media (articles, forums).

Keywords: Russian, borrowed vocabulary, anime, evaluation words.

В настоящее время широкую известность по всему миру получила субкультура аниме. Аниме – это японская анимация, направленная на аудиторию разных возрастов. Распространение аниме начинается с конца XX века. Начинает постепенно формироваться субкультура аниме. Сейчас аниме представлено как специальными форумами, платформами в интернете, так и организованными сходками, тематическими мероприятиями, фестивалями. Данная среда благотворна как для распространения новых японских слов, так и для развития сленгизмов, связанных с групповыми увлечениями и интересами.

В современном русском языке наблюдается все больше заимствованных японских слов, пришедших из сферы аниме.

Нами выявлено более 80 слов, которые представляют следующие тематические группы:

– **наименования лиц:** *отаку* (фанат аниме), *мангака* (художник, занимающийся созданием манги), *ранобист* (создатель ранобе), *хикикомори* (человек, сознательно пребывающий в уединении длительное время) и образованные от заимствований *анимешник* (поклонник аниме), *няшка* (от *ня* ‘кто-либо милый’);

– **общие термины:** *аниме* (японская анимация), *манга* (японские комиксы), *ранобэ* (разновидность японской современной литературы, часто выступающей в качестве первоисточника для манги и/или аниме); образованные от заимствований *анимки* (встречи любителей аниме)

– **жанры аниме и манги**, например, *сёдзэ* (произведения для девушек, подростков о романтических отношениях), *сэйэн* (аниме/манга для юношей), *меха* (аниме/манга о роботах), *кодомо* (сюжеты для детской аудитории), *исекай* (в переводе с японского ‘другой мир’ – истории о героях, попадающих в параллельные миры);

– **персонажи и их типы:** *фурри* (человекоподобные звери), *цундере* [*цундэрэ/ тсундере /тсундэрэ*] (‘человек внешне неприветливый, но в душе дружелюбный’, от *цун* ‘равнодушный, колкий’, *дэрэ* – ‘ласковый, любящий’), *кудере* [*кундэрэ*] (сдержанный, неприветливый «холодный» типаж, внешне не проявляющий эмоций);

– **продукция, сопровождающая выпуск аниме и манги:** *канзенбан* ‘полное собрание манги’, *пламо* ‘сборные пластиковые фигурки, которые нужно собрать и раскрасить’; *додзинси* ‘некоммерческие литературные журналы, издаваемые поклонниками аниме’ *айдзобана* ‘коллекционное издательство’, *америме* ‘анимационная продукция, выполненная в стиле аниме, но выпущенная за пределами Японии’;

– **речевые формулы:** *гомен* ‘прошу прощения, извините’; *аригато* ‘спасибо’, *охайо* ‘привет’, *ня* ‘звукоподражание мяуканью кошки’, *нэко* ‘кошка’, *ямэтэ* ‘хватит’ и т. д.;

– **оценочные слова:** *сугой* ‘круто, супер’, *каваи* ‘мило’, *ковай* ‘жутко’, *хидой* ‘жестко, несправедливо’, *няшино* ‘красиво’.

Наиболее многочисленными группами представлены заимствованиями – номинациями персонажей, их типажам (43 лексических единиц), наименованиями жанров аниме и манги (17 лексических единиц) и наименованиями лиц (11 лексических единиц).

Так, человека с фанатичным увлечением чем-либо в Японии называют «*омаку*». На русской почве слово получило другое значение – ‘человек, увлекающийся аниме, фанат манги, ранобэ’. В японском языке слово имеет негативную окраску, так как характеризует человека, ведущего затворнический образ жизни и посвящающего все свободное время своему увлечению. В японском языке это слово имеет следующую этимологию: *о* (уважительный префикс) + *таку* (дом, жилище). Дословно означает ‘ваш дом’. В Японии слово используется как синоним затворника, фанатика. В русском языке меняется коннотативный компонент – утрачивается негативная семантика, присутствующая в языке-источнике, а значение сужается до ‘поклонника, любителя аниме’: «*Мэйд-кафе находится в Акихабаре – это токийская «Горбушка», район, где ... тусуются **омаку** – фанатичные поклонники аниме, манги, компьютерных игр и т. д.*» [Анна Старобинец. Мечтают ли андроиды о летнем отпуске // Русский репортер, 2012] [4].

Еще одно понятие – хикикомори. Это человек, добровольно изолировавшийся от общества, начавший вести затворнический образ жизни. Изначально термин возник в Японии в сфере психологии, позже подобный типаж появился и в аниме, откуда слово перешло в сленг аниме-фанатов. Нередко слово сокращается до *хикки*: «*Не будем считать это хвастовством, но люди ко мне тянутся. Хотя я сам тот ещё **хикки***» [1, с. 231].

В русском языке также образован просторечно-разговорный вариант слова *хикиккомори*, посредством прибавления к мотивирующей основе сокращения *хикки* суффикса *-ан*. Образуется имя существительное с коннотативным значением *хиккан*, характеризующее лицо, склонное к тому, что названо исходным словом. От производящей основы *хикки* образуются такие языковые единицы: *хиккан, хикковать, хикковатый*.

Заемствованные из японского языка слова включаются в словообразовательные процессы: от них префиксальным способом образуются новые слова, которые не имеют аналогов

в японском языке. Например, *аниме* – *анимешник*, *кавай* – *кавайный* – *каваить*, *косплей* – *косплеить* – *косплейщик*, *ня* – *някать* – *няшный*.

Особый интерес среди японских сленгизмов представляют оценочные слова.

В японской графике центральным объектом выступают глаза, символизирующие готовность персонажа к восприятию и созерцанию. Так, большие глаза в аниме – признак открытости, обычно свойственной детству или юности. В конце XX века появляется стиль «кавай», с японского переводящееся как ‘милый’, ‘очаровательный’. Обычно этим словом характеризуют животных, детей или женщин, имеющих детские черты, или поведение которых свойственно ребенку. В русском языке слово применяется ко всему милому, в том числе и неодушевленным предметам (кавайная заколка).

Слово *каваи* выступает производным в русском языке для словообразовательной модели: *кавайный*, *кавайненький*, *кавайка*, *каваино*, *каваиться*. Каждое из них имеет собственное лексическое значение, а также словоизменительную парадигму. Ср.: *Там продаются игрушки, рюкзаки, сумки, брелки и просто всяческий кавай*. (Комментарий) [4]. В данном контексте *кавай* является именем существительным, в то время как в японском языке оно относится к категории междометий.

Звукоподражательное кошачье *ня* используется при обыгрывании роли *некими-ми* (антропоморфного персонажа, объединяющего черты человека и кошки). Также может использоваться детьми или женскими персонажами для придания обаяния. Можно сказать, что звукоподражание является атрибутом «кавайности». В России *ня* может использоваться фанатами аниме в разных ситуациях, что создает целый ряд производных от междометия *ня* в самых различных контекстах:

– в значении чего-то милого, приятного: «*Он милый, – ответила Лотта. – Няшка*» [Д.Е. Верясова. Муляка // Волга, 2012] [4];

– при выражении недовольства: «*А вас попрошу не някать*» [1, с. 231];

– для передачи согласия с собеседником: «*У тебя кавайный образ. – Ня!*» [1, с. 232].

В современном мире широкое распространение получила культура аниме-сообщества. Открытость этого сообщества привела к тому, что сленг людей, входящих в него, стал использоваться в повседневной жизни как за границей, так и в России. Изученное позволяет говорить о том, что в современном мировом обществе наряду с англо-американским влиянием формируется новый вектор глобализации.

Литература

1. Буйлова Н.Н., Ляшевская О.Н. Так говорят анимешники // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 229–249.
2. Габдуллина А.Х. Лексические заимствования из японского языка в русский: когнитивно-прагматические особенности и процесс ассимиляции // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. Вып. 62: Филология. Искусствоведение. С.12–16.
3. Денисова А. Семантика субкультуры «Аниме» // Аналитика культурологии. Вып. 2. Тамбов, 2009. С. 120–122.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 13.11.20).

УДК 82:311

А.В. Ломакин (г. Самара, Россия)

Научный руководитель д.п.н. доцент Ю.А. Белкина

КОСМИЧЕСКАЯ ТЕМА В СТИХАХ КУЙБЫШЕВСКИХ ПОЭТОВ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В данной статье автор исследует поэзию куйбышевских поэтов 1953–1964 гг., определяет ее социокультурную значимость как культурного и исторического источника в рамках изучения общественного восприятия феномена покорения Космоса. Автор впервые вводит в научный оборот ряд текстов, находит общее и различное в осмыслении космической темы разными авторами. Используемый как основной герменевтический метод позволяет прийти к выводам, которые могут оказаться полезными не только филологам, но и историкам.

Ключевые слова: космос, оттепель, поэзия, социокультурные процессы, общественное восприятие.

In this article, the author examines the poetry of the Kuibyshev poets of 1953-1964, defines its socio-cultural significance as a cultural and historical source in the study of public perception of the phenomenon of the conquest of the Cosmos. For the first time, the author introduces a number of texts into scientific circulation, finds common and different understanding of the cosmic theme by different authors. Used as the main hermeneutic method, it allows one to come to conclusions that can be useful not only to philologists, but also to historians.

Keywords: space, thaw, poetry, sociocultural processes, public perception.

Период хрущевской оттепели 1953–1964 гг. вошел в историю как противоречивый и сложный, но в то же время страна вступила на путь либерализации и демократизации культуры и общества. Расширение культурных свобод отмечается абсолютным большинством ученых, а сами культурные деятели вспоминают это время как эпоху больших надежд. Одними из главных достижений «оттепели», которые признают как критики, так и сторонники хрущевского курса, являются покорение космоса и небывалый культурный подъем, прежде всего в литературе и кинематографе.

В данной статье мы рассмотрим еще мало изученное творчество куйбышевских поэтов, посвященное космической теме. Нашей целью является установление специфики освещения темы покорения космоса у каждого из рассматриваемых поэтов и в целом у поколения поэтов г. Куйбышева (Самары), которое в 50-60-х гг. прошлого века было молодым. Для достижения этой цели мы ставим задачи: 1) выявить языковые особенности освещения космической темы, 2) определить субъективное (личное) осмысление этой темы, 3) установить содержание философского восприятия покорения космоса. Источниками нашего исследования служили сборники стихов Валентина Столярова, Алексея Разлацкого и Бориса Сиротина.

Несмотря на молодость, у каждого из поэтов был выработан свой стиль.

В поэзии Валентина Столярова, выпускника филологического факультета Куйбышевского пединститута 1956 года,

тема покорения космоса занимает одно из центральных мест. Ей посвящены не только отдельные стихи, но и поэма «Сын земли». Космические герои, «капитаны-космонавты» у Столярова прокладывают прежде всего путь в будущее, «уверенно заглядывая в завтра» [4, с. 5]. Само же покорение космоса для него – дело каждого, к которому, «над физикой склоняя лоб крутой» мальчишка (собирательный образ юного мечтателя) также хотел приложить свою руку. Начало пути к покорению Космоса автор проводит от дома «где-нибудь в Калуге или Рязани», а конечную точку ставит «почти на грани мироздания» [4, с. 6]. «Из дикости, из косности... на звездные дороги космоса» страну вели дороги, которые через прогресс из мифологических времен Илья Муромца и исторических времен Степана Разина через века привели к настоящему времени, техническому и развитому. Космос, таким образом, осмысливается Столяровым, с одной стороны, как дело накопления знаний и достижений, а с другой – как проявление личного героизма каждого «маленького человека».

Валентин Столяров пользуется богатым арсеналом тропов и фигур речи, здесь и риторические вопросы, и развернутые метафоры, и подражание разговорной речи («видели таковских, мол») [4, с. 99], олицетворение, гипербола, градация, но излюбленными средствами выразительности можно считать эпитет, метафору и анафору, которые мы видим чаще всего. За счет метафор и олицетворений космос у Столярова предстаёт опасным и холодным, а Земля, «красавица», «суровая и ласковая», протягивающая «материнские руки», оживает. Человек же не только первопроходец, исследователь, «Вселенную щекочащий ракетой», но и герой, понимающий, что это «возможно, последний полет» [4, с. 100]. Другой языковой особенностью является обилие используемых автором вопросительных и восклицательных знаков и тире: стихи Столярова просятся быть прочитанными вслух, они риторически убедительны. Столяров в этом случае выступает в роли поэта-чтеца, готового читать стихи перед большой публикой, но его авторский голос видится нам не громким и раскатистым, нависающим над ошарашенными слушателями, а по-товарищески тихим, лишь изредка срывающимся в «ударных» местах. Поэт

воспевает прежде всего трудовые достижения народа, а сама поэма «Сын земли» предстает своеобразной одой Родине, выросшей таких людей. Автор противопоставляет их «господам бизнесменам» [4, с. 102].

Интересен и выбор существительных, с помощью которых автор раскрывает свое видение покорения космоса. Их можно рассортировать в виде отдельных групп: 1) слова, непосредственно связанные с космосом: *звезды, созвездия, Вселенная, космос*, а также наименования планет (*Земля, Венера, Марс*); 2) слова, связанные с космическими полетами: *небо, полет, спутники, корабли*; 3) характерные для поэзии любой тематики слова: *время, мечта, весна, глаза, сердце, крылья*; 4) наименования населенных пунктов (*Смоленск, Гжатск* – малая родина Гагарина, *Рязань* и *Калуга* – непосредственно связанные с К.Э. Циолковским города, *Красноярск* – там в 1963 году назвали улицу в честь космонавта В.К. Быковского, *Новгород* – там находилось несколько радиоэлектронных предприятий, изготавливающих оборудование для комической промышленности). Автор акцентирует внимание прежде всего на провинции и провинциальных городах, имея в виду прежде всего свой город, ведь именно в Куйбышеве на заводе «Прогресс» были сделаны детали для космических ракет, без которых ни запуск первого спутника земли, ни полет Лайки, ни великий подвиг Ю.А.Гагарина были бы невозможны.

В поэзии Б. Сиротина тема покорения космоса предстает несколько с другой стороны. Несмотря на документальность отдельных стихотворений, например стихотворения с названием «2 января 1959 года», посвященного запуску межпланетной станции Луна-1 [3, с. 8], в целом автор предпочитает освещать эту тему абстрактно, эмоционально, чувственно-идеалистически. Его «космические» стихи скорее стремятся к лирическому, чем к публицистическому раскрытию темы. Отсюда скупость «космических» деталей, некоторый сентиментализм, мечтательность, большая заостренность на чувствах, чем на теме. Космос у Сиротина является некоторой декорацией, на фоне которой человек мечтает, переживает, любит, боится, преодолевает трудности. В то же время интересно отметить, что автор рассматривает проблему роли

государства в космическом прорыве иначе, чем В. Столяров. Если у Столярова это достижение народа, родины, то у Сиротина – партии. Уже упомянутый запуск Луны-1 он представляет как первый шаг семилетки, а в стихотворении «Не отцы ль воевали...» наряду с «путями звездными» появляются *Ленин, вымпелы, краснозвездные буденовки* [3, с. 10-11]. Но все же эти стихи никак нельзя назвать идеологическими, хоть автор по разным причинам к этому в определённой мере стремился. Что же касается языковых и поэтических особенностей, то необходимо отметить довольно спокойную интонацию автора, несмотря на то, что его стихи «чеканятся» при прочтении: он достаточно строго привязан к рифме и почти всегда полностью следует ее законам. В равной мере Сиротин использует и тропы (метафоры, эпитеты и олицетворения). Среди наиболее частотных слов, при помощи которых автора раскрывает свое отношение к теме, можно назвать следующие: *воздух, звезды* (и все производные от этого слова), *пространство, холодный (морозный), мечта, высота, пальцы (руки)*. Как мы видим, этот набор слов вовсе не привязывает нас напрямую к теме Космоса, он может быть раскрыт в любом лирическом стихотворении, а «космическая» атрибутика выполняет лишь вспомогательную роль, например, как в стихотворении о мечте, 1956 года (года первого запуска Спутника) [2, с. 16]. В этом отличительная черта поэтики стихов Сиротина о покорении космоса: его отношение к теме исключительно поэтическое, без глубокого личного, гражданского или философского осмысления.

Среди поэтов, освещавших космическую тему, особняком стоит Алексей Разлацкий. Его осмысление темы совершенно не похоже на взгляд Б. Сиротина и В. Столярова. Не ставший профессиональным поэтом, А. Разлацкий тем не менее оставил несколько замечательных сборников стихов, по которым можно говорить о его действительном таланте и особом авторском языке. Главной отличительной чертой поэзии А. Разлацкого является философичность. Героями его стихов о философском осмыслении событий часто становятся время, история, законы и т.д. Тему космоса он также освещает через вопросы мировоззрения, бытия, знания, поэтому

естественным кажется и выбор автором языковых средств: А. Разлацкий пользуется градацией, антитезой, лексическими повторами, олицетворениями, развернутыми метафорами.

Среди частотных ключевых слов в стихах А. Разлацкого преобладают производные от слов *звезды* и *космос*, следует отметить также *знания*, *дороги*, а также термины (*обсерватория*, *батискаф*, *космический контейнер*, *антенна*, *космодром*, *радиограммы*, *атом*, *нейтрон* и т.д.).

В стихотворении «Водолей» [1, с. 84] тема космоса напрямую сплетается с темой «оттепели». Знак зодиака Водолей относится к концу зимы и о знаменует приход весны. «*Где найти Водолея, чтоб взглянуть веселее? В море, в пенистых водах искали его, и в толпе недовольных искали его, в голубой Антарктиде искали его, на абстрактной картине искали его, на задворках созвездий искали его, и в восторгах известий искали его...*». Некоторые слова заметно выбиваются из общего лексического ряда стихотворения, и именно они подтверждают догадку об «оттепельном» характере стиха: «толпа недовольных», «абстрактная картина», «восторги известий». Причем слово *известия* можно понимать в нескольких смыслах: и в прямом смысле, и в качестве названия газет (например, «Известия советов трудящихся СССР»), и как общее название любых газет.

Необходимо отметить, что лирика А.Разлацкого полемична: так, в стихотворении «Молчание» отчетливо просматривается тема самой цензуры, а в других стихах поднимаются, например, проблемы догматизма.

Таким образом, мы увидели, что три самарских поэта, три разных типа молодого советского человека по-разному раскрывают проблему освоения Космоса. У В. Столярова космос – поле для маленького человека, обычного, но героического, энергичного, трудолюбивого, у Б. Сиротина космос – достижение прежде всего государства, то есть СССР, а у А. Разлацкого – это философское открытие, познание мира. Пользуясь общим набором средств языковой выразительности, каждый автор отдает предпочтение отдельным тропам, которые и делают эти стихи непохожими друг на друга. Стихи В. Столярова несколько торжественны, риторичны, автор

упоминает конкретные города, связанные с космосом. Б. Сиротин освещает «космическую» тему субъективно, эмоционально, но воспекает в ней и государственный строй. А. Разлацкий же вплетает в космическую тему не только общепедагогические вопросы (например, проблему познания), но и общественно-политические. Эти три, казалось бы, субъективные позиции, на наш взгляд, составляют осмысление этой темы представителями молодого поколения куйбышевцев конца 1950-ых – начала 1960-ых годов. В этом смысле поэты предстают своеобразными рупорами эпохи, в которых слышатся голоса тысяч юных современников.

Литература

1. Разлацкий А.Б. Шаги. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1965. 126 с.
2. Сиротин Б.З. Русские зимы: Книга стихов. М.: Современник, 1982. 142 с.
3. Сиротин Б.З. Сколько света в мире! Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1961. 67 с.
4. Столяров В.А. Горизонт. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1963. 148 с.

УДК 81'322

М.Д. Маслова (г. Екатеринбург, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. М.Ю. Мухин

СОЗДАНИЕ КОРПУСА ДИАЛЕКТНЫХ ТЕКСТОВ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

*ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»*

В статье рассматриваются особенности создания корпуса диалектных текстов. Материалом послужили записи, сделанные в исчезающих деревнях Свердловской области. Корпус позволит сохранить память о поселениях и сделает их культурное наследие доступным для всестороннего изучения.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, диалектный корпус, морфологическая разметка, исчезающие деревни.

The peculiarities of dialect corpus's creation are outlined in this paper. Notes, written down in some disappearing villages of Sverdlovsk region, served as the materials. Such choice of texts will help to keep alive the memory of fading settlements and make their cultural heritage accessible for a comprehensive study.

Keywords: corpus linguistics, dialect corpus, morphological markup, disappearing villages.

Архив филологического факультета УрФУ, хранящий материалы фольклорных практик, скрывает в себе много ценной лингвистической, культурной и исторической информации. По записям разных лет можно составить географию экспедиций на протяжении XX и XXI вв. Безусловно, большое количество материалов было собрано в крупных населенных пунктах: городах, поселках городского типа, больших селах. Однако встречаются и тексты, записанные в маленьких деревнях Свердловской области. При взгляде на многочисленные названия населенных пунктов возникает вопрос, все ли из них существуют в наши дни. Результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. позволяют сказать, что среди сельских населенных пунктов, представленных в описях 1960–1970-х годов, пятьдесят один можно отнести к категории «исчезающие». В том числе нами было обнаружено «созвездие» таких деревень на границе Алапаевского и Верхотурского районов. Всего было обнаружено 13 населенных пунктов, находящихся под угрозой исчезновения.

Можно сказать, что тексты, собранные студентами более полувека назад, являются единственной памятью о деревнях, в которых сейчас почти никто не живет. Безусловно, эти материалы нужно сохранять, вводить в научный оборот. Однако немалая часть фольклорного архива УрФУ не только не представлена в формате электронного корпуса, но даже не оцифрована.

Чтобы сделать материалы фольклорных экспедиций по настоящему доступными для изучения, нужно прибегнуть к опыту корпусной лингвистики, разработавшей за десятилетия принципы создания и разметки текстовых собраний разного типа.

При разнообразии подходов к созданию диалектных корпусов наиболее распространенной концепцией является

морфологическая. Активно обсуждается диалектный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и его система диалектных помет, описанная А.Б. Летучим [1, с. 215–232]. Несмотря на критику некоторых исследователей [2, с. 278–283], нам видится целесообразным придерживаться концепции данного корпуса. Работая в таком русле, исследователи УрФУ со временем могут представить аннотированное собрание уральских текстов для пополнения самого НКРЯ.

В данной статье мы обсуждаем пилотный проект, необходимый для того, чтобы отработать будущую разметку большого количества текстов. В рамках первичной обработки материала были отобраны 118 текстов, записанные в вышеупомянутых 13 деревнях. На основе информации, указанной на бумажных носителях, была сформирована таблица, ставшая основой метатекстовой разметки корпуса. В ней отражены следующие параметры: время и место сбора материала; имя, возраст, год рождения информанта; имя и фамилия собирателя; жанр текста.

Для осуществления первичной морфологической разметки был выбран морфологический анализатор *Mystem*. Несмотря на то, что его разработчики заявляют о способности программы строить морфологические гипотезы для незнакомых слов [3], мы предположили, что *Mystem* не сможет корректно обработать целый ряд текстоформ в силу их диалектного характера. Действительно, при просмотре результатов автоматической обработки текстов нами был выявлен ряд текстоформ, проанализированных программой неверно. Сходство некоторых проблемных случаев друг с другом позволило разделить их на группы, для каждой из которых было выработано решение с опорой на систему диалектных помет НКРЯ.

Первая категория – имена собственные. *Mystem* правильно характеризует названия крупных географических пунктов и распространенные фамилии. Однако многие местные реалии, понятные информантам, вводят морфоанализатор в заблуждение: *дозморята*, *гамаюны*. Количество имен собственных в текстах, собранных в одной деревне, варьируется от 0 (тексты песен) до 10–12 (если в материалах есть ономастические предания). Поскольку данная группа слов лишь отражает

те имена собственные, которые известны лишь жителям определенной местности, отметки о диалектности здесь не требуются. Исследователь должен указать верную начальную форму слова и добавить помету *geo*, *persp* или *famn* в зависимости от значения слова.

Следующая группа требует не только ручной разметки, но и работы со словарем русских говоров Среднего Урала. Речь идет о диалектных лексемах, не имеющих даже отдаленной схожести с лексемами литературного языка. Немалую часть из них можно найти в вышеупомянутом словаре, чтобы установить начальную форму, грамматические характеристики слова, а также просто понять его значение: *отгаркиваться* 'отзываться', *водяниха* 'русалка'. Однако встречаются и такие слова, которые невозможно отыскать в диалектном словаре: *приплавление*, *тихомольно*. Вызвано это тем, что даже достаточно полный словарь не может охватить разнообразие лексики, использовавшейся в разных (в том числе и отдаленных) населенных пунктах. Доля диалектных лексем от общего количества текстоформ не столь велика и зависит от жанровой принадлежности текстов. Подобные случаи обычно наблюдаются в текстах сказок и несказочной прозе – в основном, различного рода преданиях. Объяснить это можно тем, что для подобных жанров могут быть характерны диалектные названия каких-то реалий жизни, необходимые для создания антуража (в сказках) или описания обстановки (в преданиях). Диалектные лексемы вручную присваивается помета *diallex*.

Третья группа слов связана с диалектным словообразованием. В подобных случаях к литературному корню присоединяется словообразовательный формант, в целом существующий в литературном языке, но не используемый с данным корнем. Часто так образуются слова с уменьшительно-ласкательным значением: *полушалчик*, *баненка*. Также возможно образование нестандартных приставочных глаголов: *сповенчаться*, *принаряживать*. Подобные случаи показывают, как жителями рассматриваемых нами деревень был использован словообразовательный потенциал языка. Диалектное словообразование можно увидеть в текстах песен, где такие формы

часто служат для гармоничности слога или для выражения уменьшительно-ласкательных значений. Подобные словоформы также помечаются как *diallex*.

Следующая группа слов объединена таким признаком, как диалектные изменения в морфемах. Трансформации эти могут быть различными, следовательно, они по-разному влияют на *способность* морфоанализатора правильно распознать и разобрать форму. Наиболее сложными для Mystem оказались формы, отмеченные впоследствии как *dialrefltype* (вариативность показателя возвратности) и *dialcontr* (стяжение форм прилагательных): *прибавилася* и *большá* соответственно. Некоторые формы, получившие помету *dialflex* (диалектное окончание), вообще не были определены Mystem: *малыи*. Слова данной группы представляют наибольшую сложность для морфологического анализатора, поскольку даже гипотезы, выдвигаемые им, нередко оказываются неверными. Исследователю необходимо внимательно добавлять пометы о диалектности к характеристикам таких форм, ориентируясь на полную систему помет для фольклорных текстов. При этом стоит отметить, что словоформы из этой категории являются частотными, особенно в стихотворных жанрах – песнях, частушках.

Последняя категория диалектных изменений проявляется исключительно через сочетаемость рассматриваемых форм с другими. На отклонение от литературной нормы в категории рода может указать зависимое от существительного прилагательное, на отклонение в категории падежа – то, какой предлог стоит перед падежной формой. Слова из данной группы не вызывают у морфологического анализатора проблем при разборе. Однако же их характеристика будет неполной, если особенности, проявляющиеся в их сочетаемости, не будут отмечены вручную. Проанализировав форму, исследователь может присвоить ей помету *dialgend* или *dialcase*.

Несмотря на то, что количество диалектных форм в выбранных нами текстах не превышает 4%, эта составляющая фольклорных материалов существенно усложняет задачу разработчикам корпуса. Однако, благодаря системе, кратко описанной выше, исследователи смогут быстрее определить

помету, нужную для формы, посмотрев, к какой категории эта текстоформа относится.

Рассматриваемые же в этой работе тексты были полностью размечены, и часть из них уже представлена в формате корпуса благодаря сотрудничеству с институтом математики и компьютерных наук УрФУ в рамках описанного нами проекта. Данная электронная площадка является открытой, так что корпус может пополняться как студентами, работающими над фольклорными текстами в рамках учебной практики, так и исследователями с различных кафедр филологического факультета.

Литература

1. Летучий А.Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 215–232.

2. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Диалектный корпус в составе Национального корпуса русского языка: критический анализ // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах. Самара: Универс групп, 2011. С. 278–283.

3. Segalovich I. A fast morphological algorithm with unknown word guessing induced by a dictionary for a web search engine [Электронный ресурс]. URL: <https://cache-ekt05.cdn.yandex.net/download.yandex.ru/company/iseg-las-vegas.pdf> (дата обращения: 12.12.2019).

УДК 81.373.235

Е.А. Обухова (г. Красноярск, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. Т.Н. Журавель

ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭТНОФОЛИЗМОВ, НАЗЫВАЮЩИХ НАРОДЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Статья посвящена рассмотрению источников возникновения этнофолических наименований народов Красноярского края. В качестве материала для исследования было выявлено 27 этнофолизмов. Источниками послужили как толковые словари, так и словари ненормативной лексики. Историко-этимологический анализ выявленных лексических единиц позволил определить основные номинативные

признаки, лежащие в основе номинации многочисленных этносов, проживающих на территории края, согласно всероссийской переписи 2010 года.

Ключевые слова: этнофолизмы, этнонимика, этнонимы, источники возникновения этнофолизмов, этнофолические наименования.

The article is devoted to the consideration of the sources of the origin of ethnofolic names of the peoples of the Krasnoyarsk Territory. As a material for the study, 27 ethnofolisms were identified. The sources were both explanatory dictionaries and dictionaries of abnormal vocabulary. The historical and etymological analysis of the identified lexical units made it possible to determine the main nominative features that underlie the nomination of numerous ethnic groups living in the region, according to the 2010 all-Russian census.

Keywords: ethnofolisms, ethnonymy, ethnonyms, sources of ethnofolism, ethnofolic names.

На сегодняшний день в Красноярском крае проживает более 150 этносов. В связи с этим проблема межэтнической напряженности стоит остро и часто обнаруживает себя в речи, а именно в использовании этнофолизмов по отношению к представителям других национальностей.

Этнофолизмы – это экспрессивные этнонимы, имеющие негативную коннотацию и выражающие презрительное отношение одного этноса к другому.

Этнонимы принято разделять на эндоэтнонимы (эндоэтнонимы) и экзоэтнонимы (экзоэтнонимы). Эндоэтноним – самоназвание народа, т.е. наименование, которым народ идентифицирует себя сам. Зачастую экзоэтноним обладает нейтральным значением. Экзоэтноним – это название, которое один этнос дает другому. В том случае, когда экзоэтноним приобретает негативную коннотацию, следует говорить о таком явлении, как этнофолизм.

Термин *этнофолизм* употребляется преимущественно на Западе в значении символа, который обладает оттенками этнического предубеждения к представителям других народов. В отечественной лингвистике можно встретить такие термины как «прозвищные этнонимы» или «этнические клички» [2, с. 49], пейоративные/экспрессивные псевдоэтнонимы [1, с. 1], экспрессивные этнонимы, национальные прозвища.

И.З. Борисова отдает предпочтение термину «этнофолизм», поскольку «он интернационален и наиболее полно отражает сущность обозначаемого им явления» [3, с. 3].

О.С. Коробкова также считает наиболее подходящим термин *этнофолизмы*, называя их лексемами чуждости, поскольку они «наиболее точно передают семантику лексики языка вражды, с одной стороны, отражая присутствие этнической картины мира при использовании таких лексем, а с другой стороны, показывая потенциальный заряд интолерантности в них» [4, с. 207].

Для написания статьи был выбран термин *этнофолизм*, поскольку он уже закрепился в языкознании, а также укладывается в систему аналогичных понятий (например, диалектизмы, фразеологизмы, жаргонизмы и др.).

Употребление этнофолизмов в отношении к представителям других национальностей нередко связано с «языком вражды» («hatespeech» на Западе). В основе концепта «языка вражды» стоит оппозиция «свой-чужой». Разделение на «мы» и «они» происходит из-за отождествления человека с определенной этнической общностью.

Зачастую источниками этнофолических наименований служат этнические стереотипы. Н.В. Шимбель и Е.В. Собор предлагают говорить об автостереотипах и гетеростереотипах. Автостереотипы – это представления членов какого-либо этноса о самих себе. Гетеростереотипы – представления одних этнических групп о других. Характер гетеростереотипов (положительный/отрицательный) зависит «от исторического опыта взаимодействия данных народов» [6].

На территории Красноярского края, согласно всероссийской переписи 2010 года, проживают представители 159 национальностей, что позволяет говорить о неоднородности этнического состава. По данным переписи было выявлено, что преобладающим этносом, проживающим на территории края, являются русские (91,3%). Второй по численности этнос – украинцы (1,4%), затем немцы (0,6%). Значительная часть жителей Красноярского края – это люди, прибывшие из стран Азии и Кавказа: азербайджанцы, армяне, узбеки, грузины и др.

Самые распространенными оказались этнофолические наименования, называющие русских, – *кацап* и *Иваны*; украинцев – *хохлы* и *салоеды*.

В словарях ненормативной лексики зафиксировано 8 этнофолизмов, имеющих указание «об азиате, кавказце». Так, в словаре русской брани В.М. Мокиенко представлено 6 таких слов: *чурка*, *чукча*, *черножопый*, *чучело*, *чучмек*, *чушка*. В Словаре современного русского города, помимо приведенных слов, этнофолизмами, называющими азиатов и кавказцев являются слова *чурек* и *чурбан*. Этнофолизмы армян – *ар*, *ара*, *арик*, *арматура*, *армен* (*армэн*), *армяш/армяшка*; азербайджанцев – *айзер*, *ар*, *азик*; кавказцев – *хачик*, *абрек*, *чебурек*, *чернота*, *черножопый*, *черномазый*, *чурка*.

Этнофолическое наименование *кацап* употребляется преимущественно украинцами в адрес русских. Первоначально оно применялось к русским солдатам, находящимся на территории Украины, затем значение расширилось, слово приобрело негативную коннотацию и стало оскорбительным эпитетом всех русскоговорящих людей. В этимологическом словаре Макса Фасмера происхождение этнофолизма объясняется сложением приставки *ка-* и корня *-цап*, что соответствует украинскому слову *як цап* в значении «как козел» [7]. Русские, в отличие от украинцев, обладали такой внешней отличительной чертой, как наличие бороды, поэтому украинцы сравнивали русского человека с козлом. В данном случае признаком, лежащим в основе номинации этноса, является внешний вид.

Другой этнофолизм, называющий русских, – *Иваны*. Так русскоговорящих людей стали называть немцы во время Великой Отечественной войны. В основе номинации данного этнофолизма лежит распространенный на территории России антропоним – Иван.

Наиболее частотный этнофолизм, называющий украинцев – *хохлы*. В основе номинации лежит отличительная внешняя особенность украинских казаков – длинная прядь волос на голове, имеющая название *чуб*. Торчащий клок волос на голове и принято называть хохлом.

В основе номинации этнофолического наименования украинцев – *салоеды* лежит стереотипное представление о кулинарных предпочтениях данного этноса.

И.В. Ляшенко выделяет ряд этнофолических наименований украинцев, имеющих производящую основу *майдан* [5, с. 113]: *майдановошка, майданутый, майдаун, майданопитек, майданенок*. В основе номинации лежит название площади в Киеве – Майдан Незалежности. В XXI веке слово *майдан* обрело негативную коннотацию в связи с тем, что на площади участились акции протестов. Этнофолизмы с производящей основой *майдан* используются людьми, которые придерживаются пророссийских взглядов и выражают негативное отношение к сторонникам Майдана.

На территории Красноярского края распространены этнофолические наименования, употребляющиеся в адрес жителей Азии и Кавказа.

Одним из самых распространенных является этнофолическое наименование лиц кавказской национальности – *хач* (*хачик/хачушка*). В основе номинации лежит распространенный армянский антропоним – Хачик.

В основе этнофолизмов, называющих армян с основой ар-: *ар/ара, армен/армэн, арик, арматура*, лежит распространенный антропоним Армен или топоним Армения (с усечением основы).

Выявление номинативных признаков, лежащих в основе номинации наиболее крупных этносов, проживающих на территории Красноярского края позволяет говорить о том, что источником этнофолизмов могут являться распространенные антропонимы и топонимы, внешний вид представителей этноса, их кулинарные пристрастия, особенности образа жизни и характера, историческое прошлое и трудовые навыки. Во всех случаях на языковое сознание действуют стереотипы.

Литература

1. Архипова А.С. Что общего между чукчей и чебурашкой? Этюд по фольклористической ономастике // Юбилейный альманах в честь 60-летия Е.В. Душечкиной и А.Ф. Белоусова. СПб.: Бельведер, 2006. С. 77-86.

2. Березович Е.Л., Гулик Д.П. Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте // [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich4.htm> (дата обращения: 05.11.20).

3. Борисова И.З. Этнофолизмы в номинациях этнической принадлежности во французском языке // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 4. С.63-69.

4. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена. 2006. С.200-205.

5. Ляшенко И.В. Этнические прозвища украинцев в российской и украинской блогосферах // Сетевой научно-практический журнал. 2014. 110 с.

6. Шимбель Н.В., Собор Е.В. Автостереотипы и гетеростереотипы в межнациональных отношениях // [Электронный ресурс]. URL: ovv.esrae.ru/231-1028 (дата обращения: 15.01.2021).

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 19.01.2021).

УДК 81'37

Ю.С. Чернышёва (г. Пермь, Россия)
Научный руководитель д.и.н., проф., чл.-кор. РАН
А.В. Черных

К ВОПРОСУ О МОТИВАХ РУССКИХ РЕКРУТСКИХ ЧАСТУШЕК ПРИКАМЬЯ¹

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»*

В данной статье исследуются русские рекрутские частушки Пермского края на основе фольклорных сборников XX в. и материалов этнографических экспедиций. Рассматриваются некоторые мотивы частушек. Охарактеризованы предметные и локусные мотивы, а также мотив с упоминанием животных частушек.

Ключевые слова: фольклор Прикамья, мотивы частушек, рекрутский обряд.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ №20-012-00416 «Фольклорный архив: принципы хранения, систематизации и публикации экспедиционных материалов».

This article examines the Russian recruiting *chastushki* of the Perm Region on the basis of folklore collections of the XX-XXI centuries and materials of ethnographic expeditions. Some motives of ditties are considered. The subject and locus motifs, as well as the motif with the mention of animal ditties, are characterized.

Keywords: folklore of the Kama region, motifs of ditties, recruitment rite.

Частушка возникла в результате сложного взаимодействия нескольких народно-поэтических жанров. Внутри нее выделяются различные жанровые модификации. По своему происхождению частушка полигенетична: она имела множество «истоков», испытала влияние различных жанров фольклора [3, с. 30]. Включенность частушки в обряд рассматривалась многими исследователями [1; 6]. Рекрутские частушки исполнялись при проводах и во время рекрутских гуляний (как рекрутом и его окружением, так и всеми участниками обряда) [17, с. 26]. В рекрутском обряде русских Прикамья частушка, в отличие от других жанров обрядового фольклора (песни, причитания, плачи), исполняется не в момент совершения обрядовых действий, а является развлекательным сопровождением гуляний и застолья.

Среди рекрутских частушек Прикамья можно выделить несколько групп с устоявшимися мотивами. Под фольклорным мотивом понимается единица сюжета в виде некоего элементарного обобщения и воплощение этой единицы в виде конкретного текста [15, с. 172]. Некоторые природные, предметные и акциональные мотивы уже были рассмотрены [18]. В настоящей работе продолжим рассмотрение нескольких предметных и природных мотивов, а также обратимся к мотивам-локусам.

Для начала обратимся к мотивам с упоминанием животных. Одним из основных мотивов в рекрутских частушках является мотив коня. Практически повсеместно в Прикамье отмечалось, что катание на лошадях – неотъемлемый элемент рекрутских гуляний. «Попировали, потом кататься на конях стали некрута. Которы ровня были, девчонок брали, катались на конях, чтоб не скучно было... Брекотя идет – едут некрута дак» (зап. от Ларигиной Е.В., 1930 г.р., д. Бырма) [9, с. 95].

Кроме того, практически до конца XX в. из многих деревень до призывных пунктов уезжали на лошадях. Наиболее частая характеристика коня, упоминаемого в частушках – *вороной, серый*:

Конь вороной – грива до полу волной.
На тебе будет кататься допризывник молодой [2, с. 42].

Конь мой вороной, не качай головой,
На тебе будет кататься допризывник молодой [18, с. 63].

Откатилися некрутики на конях вороных,
А теперь они катают на машинах боевых [2, с.37].

Некрута, какая жись, да поведут – только держись
На лошадакх сивеньких увезут красивеньких [2, с. 39].

Запрягай-ка, тятенька, тройку, во серёточку серка,
Провожай, родима мамонька, в солдатики меня [19, с. 64].

Символика коня очень сложная и многокомпонентная. В народной традиции является одним из наиболее мифологизированных животных [13, с. 590] и символизирует движение, смену календарных циклов, солнце, относится к хтоническим существам и способен предсказывать будущее. Конь является символом смерти и воскресения, подобно восходящему и заходящему светилу [11, с. 235]. Связь коня с потусторонним миром отчетливо проявляется во многих фольклорных текстах. В частушке эта связь уже не прослеживается, однако мотив коня остается одним из центральных в этом жанре. Особое значение имеет и масть коня: черная – к болезни, белая – добро, сивая – смерть [13, с. 592]. О символике чёрного цвета в частушке пишет Д. К. Зеленин: «чёрное надевается при разлуке с милым, отправляющимся в солдаты» [4, с. 169]. Здесь важно отметить и обряд благословления конём, который очень распространён в северных территориях Прикамья: «Специально у меня к брату приводили белую лошадь, он ей в ноги падал. Она не простилась с ним, вот он в армии и погиб. Если бы она ногу подняла, простилась бы, а она этого не сделала, так и сказали, что не вернется. Он и не вернулся. Лошадь украшали,

сбрую-то оденут, она вся как в пуговках, сбруя-то» (зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г.р., д. Кекур Усольский район) [8, с. 130]. Неслучайно отмечается, что благословляла белая лошадь – символ добра и надежды. Проводы в армию ассоциировались часто с проводами в дальний (или даже последний) путь, означали разлуку с домом и родными. Вообще рекрутская обрядность имеет массу параллелей с похоронной обрядностью, мотив коня с маркировкой масти – яркий тому пример.

В неразрывной связи с мотивом коня возникает и предметный мотив – сани. Сани – одно из древнейших традиционных транспортных средств, используемых в обрядах, как семейных, так и календарных [14, с. 541].

Некрутам такая жизнь, только в саночки садись.
Саночки дубовые – прощайте, чернобровые [2, с. 37].

Некрута, какая жись, да поведут – только держись.
Саночки забрякают, матанечки заплакают [2, с. 40].

Важно отметить, что в Прикамье молодые люди на конях обычно катаются верхом. И тот факт, что для рекрутских гуляний чаще всего запрягают коней в сани, находит параллель в свадебной и похоронной обрядности – покойника на кладбище в зимнее время года везут на санях, невесту после выкупа в дом жениха везут тоже на санях. Кроме того, на севере края сани активно используются в качестве транспортного средства не только в зимний сезон, но и летний, а соседний народ, проживающий на севере Прикамья, – коми-пермяки, к церкви для отпевания и на кладбище гроб везли на санях вне зависимости от сезона [16, с. 167]. Любопытный момент, что рекрута увозят из дома, он не сам уезжает, и при этом его обязательно сопровождают родственники: «В общем, меня на шести лошадях, зимой, провожали до Жуков, деревня была Жуки, 5 километров, и в школе, и директор школы занятия отменила все на хрен – все меня провожали, на шести лошадях. Этот Костя с баяном наяривал до Жуков. В Жуках еще зашли в магазин, еще выпили, и мы с матерью и с отцом на одной лошадке поехали, а те обратно поехали» (зап. от Ката-

ева Ю.И., 1947 г.р., с. Тюинск Октябрьский район) [10]. Упоминание саней в частушках символизирует разлуку с домом, родными, подчёркивают пассивную роль рекрута в обряде.

Идея расставания ярко выражена и в мотиве дороги. Этот мотив относится к группе локусных мотивов, характеризующих пространство.

Некрута, некрутики ломили в поле прутики.

На дорожку ставили, поминочек оставили [2, с. 37].

Некрута вы, некрута, вам дорожка не туда,

Вам дорожка по прием зелена крыша, желтый дом [2, с. 38].

Увезли меня в солдаты по дороге столбовой.

Чернобровая матаня, иди правой стороной [2, с. 42].

А соликамская дороженька дугой, дугой, дугой.

Не по этой ли дороженьке уехал дорогой [7, с. 132].

Дорога соотносится с жизненным путем, путем души в загробный мир и семантически выделяется в переходных ритуалах [12, с. 124]. Мотив дороги в частушках связан с расставанием, разлукой, уходом рекрута из дома. Важно заметить следующий момент: если в свадебной и похоронной обрядности движение по дороге направлено в одну сторону (невеста навсегда покидает родительский дом, покойник навсегда покидает мир живых), то в рекрутской обрядности – наоборот. Ряд ритуалов направлен на благополучное возвращение рекрута домой. Так, например, в частушке упоминается заламывание прутика – «памяти» по рекруту [5, с. 192]. Рекрут, покидая дом, у дороги на краю деревни оставлял метку – заломанный прут, на который было ориентировано его дальнейшее возвращение.

Таким образом, анализ русских рекрутских частушек Прикамья показал, что в данной группе частушек существует несколько устоявшихся мотивов: предметные, локусные и мотивы с упоминанием животных. Все рассмотренные мотивы – конь, сани, дорога – символизируют расставание рекрута с домом.

Литература

1. Адоньева С.Б. Прагматика частушки // Антропологический форум. 2004. №1. С.156-178.
2. Белавин А.М., Подюков И.А., Черных А.В., Шумов К. Э. Война и песня. Солдатские и военные песни и фольклорной традиции Прикамья. Пермь, ПГПУ, 2005. 200 с.
3. Дранникова Н.В. Севернорусская частушка и её генетические истоки // Учебно-методические рекомендации для студентов университетов. Архангельск: Поморский ун-т, 1997. С.30-38.
4. Зеленин Д.К. Сборник частушек Новгородской губернии // Этнографическое обозрение. 1905. №2-3.
5. Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 376 с.
6. Кулева С.Р. Обрядовая частушка в устюженской традиции // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения–2003». Петрозаводск, 2003. С. 61-66.
7. Подюков И. А., Черных А. В., Хороборых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Пермское книжное издательство, 2006. 344 с.
8. Подюков И. А., Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Хороборых С. В., Антипов Д. А. Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX-XX вв. Усолье, Соликамск, Березники: Пермское книжное издательство, 2004. 240 с.
9. Подюков И.А., Поздеева С.М., Хороборых С.В., Черных А.В. Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кисертского района: материалы и исследования. Березники: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2008. 384 с.
10. Полевые материалы автора. Экспедиция в Октябрьский р-н Пермского края. Сентябрь 2018 г. (информант: Ю.И. Катаев, 1947 г.р.). (рукопись).
11. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В.Э. Багдарасян, д-р ист. наук, проф. И.Б.Орлов, д-р ист. наук В.Л. Телицын; под общ. ред. В.Л. Телицына. М.: ЛОКИД-ПРЕСС: РИПОЛ классик, 2005. 495с.
12. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А – Г. М.: Международные отношения, 1995. 575 с.

13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2: Д – К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. 697 с.

14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

15. Фольклор и народная культура; In memoiam / Б.Н. Путилов; Рос. акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: Наука, 2003. 457 с.

16. Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: учебное пособие для учащихся 10-11 классов общеобразовательных учреждений. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2002. 296 с.

17. Черных А. В. Рекрутский фольклор в контексте обряда // Фольклорный текст-99: Материалы научно-методического семинара. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. С. 26-30.

18. Чернышева Ю.С. Мотивы русских рекрутских частушек Прикамья // Липецкая археологическая конференция молодых ученых: материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием, 06-07 октября 2020 года / отв. ред. Р.В. Смольянинов. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2020. С.155-163.

19. ЮСЬВА – лебединая река: сборник трудов и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района. Усолье, 2015. 450 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

УДК 371.3

Т.В. Болдырева, Н.А. Погромская
(г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. Т.В. Болдырева

ОБРАЗ ГОРОДА ТОЛЪЯТТИ В ПЬЕСАХ ВАДИМА ЛЕВАНОВА, ЮРИЯ КЛАВДИЕВА, МИХАИЛА И ВЯЧЕСЛАВА ДУРНЕНКОВЫХ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

Статья посвящена исследованию образа города в произведениях тольяттинских драматургов рубежа XIX–XX веков. Пьесы «Шар братьев Монгольфье», «Пойдем нас ждет машина» и «Вычитание земли» анализируются с точки зрения функционирования в них образа города Тольятти. Делаются выводы об экзистенциальной природе конфликта в драме, диктующей постапокалиптическую логику построения образной системы, в том числе и образа города.

Ключевые слова: тольяттинская драматургия, новейшая драматургия, образ города, постапокалипсис, Леванов, Клавдиев, Дурненковы.

The article is devoted to the study of the image of the city in the works of Tolyatti playwrights of the turn of the XIX–XX centuries. The plays "The Balloon of the Montgolfier brothers", "Let's Go there is a car waiting for us" and "Subtraction of the Earth" are analyzed from the point of view of the functioning of the image of the city of Togliatti in them. Conclusions are drawn about the existential nature of the conflict in the drama, which dictates the post-apocalyptic logic of building an image system, including the image of the city.

Keywords: Tolyatti drama, the latest drama, the image of the city, post-apocalypse, Levanov, Klavdiev, Durnenkovs.

Интерес к образу города у отечественных литературоведов возник после публикации работ Н.П. Анциферова о литературных образах Петербурга. Петербург и его окрестности

были главными героями трудов Анциферова, которые содержат в себе экскурсии в историческое прошлое улиц, районов, градоведческие рекомендации по их изучению и методические разработки для проведения экскурсий. В 1984 году состоялся выпуск научного журнала по семиотике «Труды по знаковым системам», в котором объединились концептуальные для изучения городских текстов статьи Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова. Изучение локальных текстов, принципов их кодификации и знаково-символического поля в настоящее время является одним из актуальных направлений. Не обошло данное направление Самарский регион, в частности, объектом внимания литературоведов стал тольяттинский текст в произведениях современных драматургов В.Леванова, Ю.Клавдиева и В.Дурненкова [3;4; 8; 9].

Становление тольяттинской драматургии проходило на базе городского экспериментального театра «Голосова, 20». Немалую роль сыграл фестиваль искусств «Майские чтения», деятельность драматурга Вадима Леванова и фестиваль «Новая драма. Тольятти». В 2000-е годы промышленный Тольятти становится одной из центральных точек развития современной драматургии. Город становится местом действия и самостоятельным образом во многих пьесах тольяттинских драматургов. В настоящей статье мы рассмотрим три пьесы, в которых образ города функционирует по-разному, вскрывая при этом схожее или, по крайней мере, соотносимое мировоззрение драматургов.

Самая ранняя из рассматриваемых пьес «Шар братьев Монгольфье», написанная В.Левановым в 1998 году, имеет явное лирическое начало и раскрывает внутренние противоречия трех безымянных героев, помещенных автором в воздушный шар, парящий над землей. Он, Она и Инструктор формально оказались в корзине шара по разным причинам. Она мечтала испытать чувство свободы, следуя за мечтой никогда не возвращаться в родной город. Она готова разбиться, улететь за границу в Ближнее зарубежье, полетать на вертолете: «Мы не вернемся! Не вернемся! Не вернемся! Никогда!» [7]. И, казалось бы, ее мечта самая очевидная и понятная, но только во втором действии мы поймем ее истинные мотивы

оказаться в одной гондоле с остальными героями: мечта убедиться в том, что несмотря на то, что ее жизнь летит вниз есть облака, которые окажутся мягкими, а значит и ее проблемам наступит конец.

Он человек, который мечтает просто остаться живым после столь экстремального полета. На протяжении всей пьесы, кажется, будто героем движет просто скука, но после встречи с братьями Монгольфье монолог героя открывает истинную мечту – желание найти ее, ту, которую он встретил на тринадцатом месте междугороднего автобуса, вновь почувствовать себя живым.

Инструктор, кажется, просто «живет по инструкциям» и готов выполнить что угодно, лишь бы клиент был счастлив. Инструктора, кажется, не беспокоит ничего, кроме того, что он «материально ответственное лицо», однако, после беседы с братьями Монгольфье становится понятно, что не корысть и не любовь работать с людьми подтолкнула инструктора к данной работе, а желание доказать, что «варит котелок, что удивительно. И память отменная. И процесс мыслительный. Словно мозги от встряски каждый раз лучше шевелиться начинают».

Чувство тревоги от неустроенности жизни персонажей, отсутствие в ней смысла и желание героев почувствовать себя живыми, оторвавшись от города, в котором они живут, обнажает экзистенциальный конфликт в пьесе, где образ города является воплощением повседневности, в которой герои перестают жить и чувствовать.

Образ города в данной пьесе раскрывается перед читателем постепенно, мы понимаем, что находимся над Тольятти через диалоги героев. Вот перед ними открывается вид на гостиницу «Центральная», которая расположена на улице Фрунзе, автовокзал, ресторан «Утес», рядом с которым проживает один из героев пьесы. Однако дом для героини, которая боится высоты – это место тревоги.

Читатель понимает, что находится в городе в самом начале пьесы, при этом время действия выбрано неслучайно – День города, праздник, когда каждый на улице кажется счастливым. Наши герои, которые находятся в состоянии внутреннего

конфликта, просто не могли остаться на этих улочках, они оторваны от счастья, словно гондола оторвана от поверхности земли и их все устраивает, ведь праздник в городе – это иллюзия счастья, так как «Мы не умеем веселиться, праздновать. Почему? Все как-то мрачно выходит. Почему?».

Образ города в пьесе – это показатель несчастья главных героев, яркие события из жизни, которыми они делятся друг с другом, происходили «в другом городе» или же на «междугороднем рейсе». В самом же городе с ними происходят только нелепые ситуации, которые дарят им разочарования и тревогу и, кажется, что они давно смирились с этим, ведь «все не могут быть счастливы».

Как уже отмечалось многими исследователями, рассматриваемая пьеса В.Леванова является лирической и даже исповедальной. Сам автор отмечал, что «аура у Тольятти весьма негативная: сколько человек погибло при строительстве ГЭС! И вообще разрушение Ставрополя на Волге. В каком-то смысле город строился на костях. Потом сюда съезжались люди с разных сторон. Самый настоящий Вавилон. До сих пор все в стадии становления» [6, с. 3].

Аналогичную мысль высказывает М.Дурненков: «Этот город стоит на пустом месте, там нет никакой подложки, ты живешь в том вакууме и в той мифологии, которую видишь вокруг. Ведь, если город появился с нуля, на пустом месте, то культурное пространство вокруг тебя оживает мифами» [2, с. 7]. Воплощение этой мысли можно обнаружить в пьесе Михаила и Вячеслава Дурненковых «Вычитание земли» (2002 г.) [1].

Основной темой пьесы является тема свободы, которая воплощается в произведении через стихии. Огонь становится свободой для Сергея и Андрея, Света обретает свободу, которая отражается в пьесе тем, что она начала чувствовать вкус ветра, после потери одного из близких, Мужчина мечтает обрести свободу и верит, что это возможно только при разрушительной силе воды. Жертвы стихий мифологизируют пространство города в котором происходит действия пьесы.

При этом образ города в произведении также рисуется через три основные стихии: огонь символизирует автомобильный завод, воздух – фосфорный завод, а вода ассоциируется

с Жигулевским морем. В пьесе не указан город, в котором происходит действие, однако через образы, которые описывают герои, мы можем понять, что находимся в городе Тольятти.

Здесь мы видим и цеха механосборочного производства завода металлоконструкций, площадь старого города, общежитие комбинатского, театр в Старом городе, зимний парк в огнях и строительство плотины через Волгу.

Апокалиптическое восприятие города заметно и в пьесах Юрия Клавдиева. В пьесе «Пойдем, нас ждет машина» (2003 г.) из ремарок и первых реплик рисуется образ забытого города, в котором жить нельзя, а думать опасно. Юные героини пьесы пытаются выстроить собственную мифологию, выйти в иное пространство при помощи жестокости и сломать существующие штампы и стереотипы, а в итоге чудом оказались живыми.

Это желание побуждает двух главных героинь к разрушительному поведению, которое могло обернуться трагедией для них самих. Несомненно, их действия приведут к неким трагичным последствиям, однако они хотя бы остаются живыми, что в корне меняет мировоззрение каждой из главных героинь. «Я сегодня убила двух человек. Это неплохо, если учесть, что это были за люди, и вообще – посмотреть на это с точки зрения банальной справедливости. Хорошие, плохие – неважно. На свете вообще мало по-настоящему важных вещей. Мне раньше казалось, что то, о чём я думаю дома – важно, потому что это для себя, а я и есть самый важный человек на свете» [5].

Главным конфликтом пьесы является конфликт жизни и смерти. Герои пьесы (Маша, Юля, Олег) сталкиваются с внутренними конфликтами, которые порождают основной конфликт произведения. Маша не готова убивать старика, Юля не готова к смерти Маши, Олег, как и героини, не готов к собственной смерти. Маша мечтала умереть, чтобы выйти на новый уровень: «Юля, милая, я хочу умереть не потому, что меня мужчина бросил, и не потому, что достало за прилавком стоять кажен день – слава богу, такого никогда не было и вряд ли уже случится. Я хочу посмотреть, есть ли ещё где-нибудь хоть что-то...».

На фоне желаний Маши порождается конфликт главных героинь, который отражен в конфликте между жизнью и существованием. Юлия пытается переубедить Машу от столь радикального способа, как смерть, аргументируя тем, что Работа и полноценный отдых – вот то, что нужно, однако Маша не согласна с этим, она считает, что это не жизнь, а существование. Решением данного конфликта становится поездка в один из районов города. «Сейчас. В Комсу поедem, там дачный массив за гаражами. Представляешь, как куда ехать стала говорить, всё из головы повылетало, стою как дура... потом вспомнила».

Стоит отметить, что Комсомольский район города является новым районом города, его образ воплощает в себе современное, постиндустриальное, поколение Тольятти: нищета, молодые люди, страдающие пагубными привычками. Центральный район – место жительства наших героинь, является отражением традиционного индустриального общества. Как только героини оказываются в Комсомольском, мы замечаем резкое изменение в их поведении: они на время становятся более раскованными, целуются и готовы стать современными Бони и Клайд. Образ районов города – конфликт поколений, конфликт Нового и Старого Тольятти. В пьесе противопоставлены образ криминального города, жить в котором опасно, и образ забытого города: на улицах героини не встречают никого, кроме старика и сомнительной компании, а водитель, ожидающийся их, превращается в безликое существо, он для героинь просто «машина». Образ постиндустриального города резонирует с постапокалиптической логикой мира, согласно которой живут и действуют герои.

Литература

1. Дурненков В.Е., Дурненков М.Е. «Вычитание земли» // [Электронный ресурс]. URL: https://theatre-library.ru/authors/d/durnekov_v (дата обращения 17.01.2021).
2. Дурненков М.Е. Дискуссия Тольятти – Москва. Тольяттинская драматургия: контекст российской // Фестиваль современной пьесы «Новая Драма Тольятти». 2007 С. 7.
3. Журчева О.В. «Новый документализм» в драматургии второй половины XX – XXI века // Филология и культура. 2012. №4 (30). С. 18–21.

4. Журчева Т.В. «Тольяттинская драматургия» как провинциальные литературный проект // Новейшая драма рубежа XX-XXI веков: предварительные итоги. Самара: Самарский университет, 2016. С. 284–294.

5. Клавдиев Ю.М. Пойдем, нас ждет машина // [Электронный ресурс]. URL: <https://theatre-library.ru/authors/k/klavdiev> (дата обращения 05.01.2021).

6. Леванов В.Н. Предисловие // Фестиваль современной пьесы «Новая драма Тольятти». 2007. С. 3.

7. Леванов В.Н. Шар братьев Монгольфье // [Электронный ресурс]. URL: <http://new-text.narod.ru/orp/levanov/shar.htm> (дата обращения 05.01.2021).

8. Сизова М.И. Феномен драматургии города Тольятти // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2012. С. 31–45.

9. Тютелова Л.Г. Синтез документального и художественного в образе провинциального города на материале тольяттинской драматургии // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 292–296.

УДК 82'312.1

П.Ю. Гаврилова (г. Москва, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. А.И. Кузнецова

ЖАНРОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРИТЧИ В РОМАНЕ Ж. САРАМАГО «СЛЕПОТА»

*ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»*

Статья посвящена выявлению жанровых элементов притчи в романе современного португальского писателя Ж. Сарамаго «Слепота». На основании проведённого анализа выявлены такие традиционные признаки жанра художественной притчи, как условность хронотопа и героев, иносказательность повествования, кольцевая композиция и т.д. Возможность неоднозначной трактовки и усложненная форма иносказания позволяет сделать вывод, что, следуя характерной для литературы XX века тенденции к трансформации жанра притчи (А. Камю, Ф. Кафка, Э. Хемингуэй и др.), Сарамаго обращается к актуальной жанровой модификации так называемого романа-параболы, подразумевающей изначальную затрудненность или невозможность выхода читателя к первоначальной идее-тезису.

Ключевые слова: Сарамаго, «Слепота», притча, параболы, постмодернизм, португальская литература XX в.

The purpose of this work is to identify the genre elements of the fable in the novel "Blindness" by the modern Portuguese writer J. Saramago. Based on the conducted analysis, on the one hand, the traditional features of the genre of the fable are revealed, such as the conventionality of the chronotope and the characters, the allegorical nature of the narrative, the ring composition, etc. The possibility of an ambiguous interpretation and the complicated form of allegory allows us to conclude that following the tendency for the transformation of the parable genre (A. Camus, F. Kafka, E. Hemingway, etc.), characteristic of the literature of the twentieth century, Saramago refers to the actual genre modification of the so-called the novel-parabola, implying the initial difficulty or impossibility of the reader's exit to the original idea-thesis.

Keywords: Saramago, «Blindness», fable, parable, postmodernism, Portuguese literature of the 20th century.

В XX веке одним из самых популярных жанров в литературе стала притча. Ее популярность обуславливается желанием писателей в новой иносказательной форме передать свои идеи о мире и человеке в нем, заставить читателя размышлять об этом. Именно притча способна вывести читателя на новый уровень познания прочитанного, находясь в «сотворчестве» с писателем. Итальянский философ и писатель Умберто Эко называл такое произведение «открытым текстом» [9], который являлся целью писателей-постмодернистов.

В.А. Пестерев дает следующее определение термина «притча»: это «рассказ с нравочением» [5], отличающийся краткостью и иносказательностью. Для литературы притча как жанр берет свое начало из библейских рассказов. Например, притчи о блудном сыне, сеятеле, двух слепцах, рассказанные Иисусом Христом ученикам, имеют иносказательную краткую форму с неожиданным концом. Такие притчи имели поучительный характер. В литературе, как бы странно это ни звучало, жанр притчи, появившийся задолго до XX века, привлекает к себе особое внимание в эпоху модернизма и постмодернизма. Российский критик Илья Кукулин объясняет этот феномен тем, что «жанр притчи может использоваться в новых, неожиданных целях», оставляя «привкус притчеобразности: текст отсылает к внеположному смыслу, который не может быть назван прямо» [3].

Литературовед В.Б. Шамина связывает столь повышенный интерес постмодернистов к жанру притчи с утратой и дальнейшим поиском нравственных ориентиров [8]. Притчу XX века относят к неклассической, однако тоже имеющую сказочную форму, простоту композиции, символичность, незавершенность образов героев, выход на универсалии бытия человека, глубинный «закодированный» смысл, философское начало [1].

В литературе XX века притча не имеет такого сильно выраженного морализаторского начала, но она сохраняет художественное сознание как «способ осознания действительности» [1]. Автор притчи создает вокруг своей философской мысли «земной сюжет», где все кажется простым для «быстрого восприятия», возможно, даже просто увлекательным и интересным, но главной задачей автора становится не просто развлечение читателя. Именно поэтому он оставляет некие «лакуны» в своем повествовании, чтобы подвести читателя к главной мысли. В XX веке к жанру притчи обращались такие писатели, как Ф. Кафка («Процесс», «Превращение»), Э. Хемингуэй («Старик и море»), А. Камю («Чума») и т.д. Общей чертой их притч становится неоднозначность их трактовки, что дает право называть их «параболами» – «усложненными по форме иносказания рассказами» [5], имеющими несколько интерпретаций. Одним из знаменитых писателей XX века стал Жозе Сарамаго, в чьем творчестве жанр притчи занимает особое место.

Ж. Сарамаго (José de Sousa Saramago, 1922–2010) – знаменитый португальский писатель, лауреат Нобелевской премии. Его произведения «Евангелие от Иисусе», «Воспоминание о монастыре» и «[Про]зрение» приобрели популярность во всем мире.

В 1995 году вышел в свет его роман под названием «Слепота» [«Ensaio sobre a Cegueira»]. Роман получил широкую известность и любовь среди читателей, поэтому был экранизирован в 2008 году (реж. Фернанду Мейреллиш) с участием небезызвестных актеров (Джулиана Мур, Марк Руффало и т. д.). Однако если фильм больше направлен на демонстрацию «жутких картин» эпидемии слепоты в городе, то сам роман имеет философское начало и передает более глубинный смысл.

В заглавие романа выносятся сюжетообразующий элемент – некий город накрывает эпидемия слепоты. Это неизвестная никому глазная инфекция, выражающаяся в появлении мутной белой пелены перед глазами жителей города. В отличие от обычной слепоты, когда человек видит перед собой черноту. Само слово «слепота» имеет зловещий оттенок, потому что из всех органов чувств человек боится больше всего потерять зрение, так как мир нужно видеть, так проще всего жить и выживать.

«Опытный» читатель ощущает всю трагедию потери зрения еще с прочтения пьесы бельгийского драматурга рубежа XIX-XX вв. Мориса Метерлинка (Maurice Maeterlinck, 1862–1949) «Слепые» («Les Aveugles», 1890), где слепота – это смерть, которая выражена криком новорожденного. Как у Метерлинка, так и у Сарاماго слепота – это метафора, иносказание. Читателю не предоставляется информация о названии города, даже о его примерном местоположении. «Зараженные» не имеют имен. Мы только знаем о них, какой деятельностью они занимались, да и то не обо всех (например, первый слепец, косоглазый мальчик и т.д.). Такая условность хронотопа и героев – признаки притчи, которые соблюдаются автором.

Сюжет ослепления берет свои корни еще в библейских рассказах. История в романе Сарاماго напоминает историю Савла, который не верил в Иисуса Христа и хотел заточить в тюрьму всех верующих, за что был наказан Иисусом, который ослепил Савла на три дня. Зрение ему вернулось только тогда, когда он пришел к истине и вере (к духовному озарению). Образ слепца проходит через всю историю мировой литературы, сопровождая мотив внутреннего прозрения, получения какого-либо знания.

Например, в трагедии Софокла (др.-греч. Σοφοκλῆς, 496/5–406 гг. до н. э.) «Эдип-царь» (др.-греч. Οἰδίπους τύραννος, 428 г. до н. э.) лишение зрения становится самым страшным наказанием. Главный герой считает недостойным себя смерти и выкалывает себе глаза. Однако и он приобретает внутреннее озарение, получает знание, с которым не может сравниться физическое зрение. Такая философская мысль, проникающая в литературу еще с древних времен, остается актуальной

и в XX веке. Так, Сарاماго использует образ слепца для раскрытия идеи духовного прозрения, применяя для этого жанр притчи, характеризующийся условностью литературного хронотопа и героев.

Читатель не имеет возможности следить за временем в романе «Слепота». С одной стороны, это объясняется тем, что его «отмеряют» слепые, которые могут лишь предположить, сколько прошло часов или дней, с другой стороны, как условность времени, так и пространства повествования вместе с его героями говорят лишь о том, что данный роман несет в себе характеристики притчи, где такая неопределенность объясняется бесполезностью этих знаний.

Подобно священнику-поводырю в «Слепых» Метерлинка, жена доктора оказывается «вожаком» стаи слепцов. Оставшись единственной зрячей, она просит мужа не рассказывать об этом остальным прибывшим в санаторий: «...я останусь и буду помогать тебе и тем, кого еще привезут сюда, только не говори им, что я вижу» [7, с. 48]. Таким образом, не только слепцы могут «видеть» глазами жены доктора (как бы она не пыталась их обмануть, что хорошо запоминает пространство и может на ощупь пройти путь), но и читатели, которые наблюдают за всем ужасом, происходящим в этой больнице. Несмотря на ее серьезное преимущество в виде оставленного зрения, смелости, милосердия, даже она не в силах справиться с ослепшими уголовниками, которые взяли верх над остальным. Это палата, которая захватила власть во всей больнице, «примерила» на себя роль «вершителей судеб», получив в свои руки самое драгоценное, что можно было в такой ситуации – еду. И лишь благодаря жене доктора, которая взяла на себя грех и совершила убийство ради жизни остальных, они смогли выбраться «на свободу». Ее глазами показывается мир краха, опустения, превращения людей в человекоподобных существ, диктаторского режима тиранов. Все это – признаки разрушения мира, начало Апокалипсиса. Такой мотив оказывается очень близким представлению известного английского писателя второй половины XX в. автора романов-притч Уильяма Голдинга, который в раннем своем романе «Повелитель мух» трансформировал традиционный литературный образ

ребенка, доказывая наличие в человеке априорного зла, долженствующего проявиться при определенных обстоятельствах и воплощённого в постоянном для романов писателя лейтмотиве так называемого «черного центра», «в котором сосредоточивается в человеке [...] самое сокровенное и непознаваемое, [...] особое пространство, где владычествует тьма» [2, с. 161].

Ж. Сарамаго в своем романе не дает ответа на вопрос, откуда берется глазная инфекция. Еще одна деталь, которая «стирается» в романе, становится притчевой условностью. Такая недосказанность может иметь неоднозначную интерпретацию. С одной стороны, это «небесная кара», спустившаяся на человеческий род за их грехи, с другой стороны, она становится «проводником» людей к осознанию себя и своих возможностей. Человек оказывается в экстремальной ситуации, где получает способность самопознания, к нему должна прийти «эпифания». И такое озарение можно проследить в любовной линии девушки в темных очках и старика с черной повязкой. Не видя друг друга, не осознавая разницу в возрасте, они признаются друг другу в любви и преданности. Они начинают «видеть» не глазами, а душой. Сарамаго как бы подсказывает несложную истину, что «зорко лишь сердце», а общество, в котором до слепоты жили герои, было изначально слепо, оно смотрело, но не видело. После возвращения зрения начинается их проверка: «и вот теперь мы, глядишь, и узнаем истинную цену словам» [7, с. 346]. И как бы старик с черной повязкой ни ставил под сомнение слова возлюбленной, она подтвердила все ранее сказанное ею.

Герои «просыпаются» от долгого кошмарного сна. Они снова становятся зрячими, к ним возвращается зрение, и они вновь оказываются в городе. Такая кольцевая композиция характерная для жанра притчи. Однако встает вопрос: если они только получили духовное прозрение, то «ослепли» ли они вновь. На этот вопрос можно ответить словами доктора: «Я думаю, мы не ослепли, а были и останемся слепыми. Слепыми, которые видят. Слепые, которые видя не видят» [7, с. 347].

Однако если физическая слепота приносит духовное прозрение, то это нужно каждому человеку – пройти через отказ от внешнего мира. Но такая кара не постигла жену доктора

(что можно было ожидать, рассматривая этот роман столь односторонне). Она прошла этот путь зрячей, она единственная, кто по-настоящему видит, она обладает милосердием, умением прощать людей. «Недаром же говорится, что нет слепоты, а есть слепые», – пишет Сарамага [7, с. 350]. Тем, кто духовно не слеп, не нуждается в прозрении. Она, видя пороки других, их жестокость, пребывание в животном состоянии, не прибегает к осуждению. Автор использует миф о «последнем человеке» [4], берущий свое начало в эпохе романтизма и предвещает апокалипсическое настроение. Прием антитезы в жанре притчи – один из композиционных инструментов, используемый авторами еще древнейших произведений. В данном романе противопоставляются слепые зрячей [6].

В конце, когда зрение приходит ко всем героям, появляется «нулевая точка отсчета художественного пространства» [4, с. 205]. Мир открывается для людей заново, их задачей становится скорее не реконструкция прежней жизни, а постижение ее с нуля. Человечество должно обновиться.

«Слепота» – это роман о скатывании человечества в хаос. Однако автор использует такой притчевый элемент как обобщение. В романе героями являются: жена доктора, доктор, первый слепец, девушка в темных очках, мальчик, вор и т.д. Все они являются представителями разного пола, возраста, профессии. Все они – аллегория на человеческий род. Поэтому путь, который проходят данные герои, – это путь всего человечества, которое должно «умереть», чтобы воскреснуть.

На передний план в притче всегда выдвигается результат, а не процесс, который ведет к нему. Следовательно, стоит предположить, что роман «Слепота» – это не роман об апокалипсисе, а роман о воскресении человечества посредством попадания в хаос.

Одной из характерных особенностей притчи является краткость рассказа. Сарамага же довольно многословен в своем романе. Более того, «Слепота» становится трудной для чтения, так как диалоги героев и слова рассказчика никак не выделены, почти отсутствует деление на абзацы. Читателя, постигшего такого мастера потока сознания как Джеймс Джойс, возможно, вполне устроит подобная форма повествования.

В таком случае, можно говорить о видоизмененной притче, характерной для XX века. Таким образом, читатель пропускает через себя все высказывания героев, понимая, кто и что говорит, следя за движением мыслей каждого из них.

Как уже говорилось ранее, герои некоего города попадают в загородную клинику. Замкнутое пространство для притчи играет немаловажную роль, так как оно «помещая изолированных или относительно изолированных героев в экстремальной ситуации, является полем эксперимента для «высвечивания» человека в его «изначальном» состоянии» [2, с. 146].

Роман «Слепота» Ж. Сарاماго имеет не только увлекательный и актуальный на данный момент сюжет, но и несет в себе философское начало. Как и у многих произведений XX века, у романа сложная жанровая структура. Он имеет признаки трансформации жанра романа-притчи. Выстраивая свое произведение по законам художественной притчи, Ж. Сарاماго создает роман-параболу, отличающийся неоднозначностью интерпретации.

Литература

1. Барашева Д.Е., Петренко Н.Н. Онтология и гносеология притчи в дискурсе постмодернизма: сопоставление с традиционной и модернистской притчей // Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики: монография. Книга 4. Новосибирск: ЦРНС, 2017. С. 9–42.

2. Кузнецова А.И. Пространственные мифологемы в творчестве У. Голдинга. Дисс.... к.филол. н. М., 2004. 232 с.

3. Кукулин И. «И говорил с ними...» Три интервью о возрождении жанра притчи в современной литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue2/parables.htm/> (Дата обращения: 20.01.2021).

4. Кулькина В. М. Современные антиутопии (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2015. № 1. С. 204–208.

5. Пестерев В.А. Притчевый формы и роман // Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград, 1999.

6. Савин Г.А. Новозаветная притча в фокусе современного литературоведения // Вестник. 2014. № 3. С. 13–34.

7. Сарамаго Ж. Слепота: пер. с португал. А. Богдановского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2019. 352 с.

8. Шамина В.Б. Притча эпохи постмодерна // Филология и культура. 2015. №2. С. 275–278.

9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 640 с.

УДК 821.161.1

*М.Д. Груничева (г. Саратов, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. доц. Б.А Минц*

АМБИВАЛЕНТНОЕ ПРОСТРАНСТВО КРЫМА В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЁВА «СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ»

*ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
университет имени Н.Г.Чернышевского»*

В данной статье рассматривается вопрос развития тенденции к амбивалентности в Крымском тексте русской литературы на материале эпопеи И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых» (1923). Проанализированы проявления и взаимосвязь космических категорий рая и ада в романе. На основе изучения природных аспектов локального текста автор развивает мысль о контрастной композиции произведения.

Ключевые слова: Крымский текст, категория рая, растительный код, И.С. Шмелёв, концепт ада, амбивалентность.

This article examines the development of a tendency towards ambivalence in the Crimean text of Russian literature based on the epic of I.S. Shmelev "The Sun of the Dead" (1923). The manifestations and interconnection of the cosmic categories of heaven and hell in the novel are analyzed. Based on the study of the natural aspects of the local text, the author develops the idea of a contrasting composition of the work.

Keywords: Crimean text, category of paradise, plant code, I.S. Shmelev, the concept of hell, ambivalence.

Тенденция к восприятию Крыма как амбивалентного пространства возникла ещё в древнерусской литературе. Первоначально полуостров считался исключительно священной землёй, откуда на Русь пришла святая вера. Однако, начиная уже с XIV века, ситуация меняется. Как отмечают многие исследователи, «в русской литературе формируется миф о Крыме как о чужой, враждебной земле – миф о Крыме как восточной

басурманской земле. Оттуда, из Крыма, совершаются набеги на Русскую землю» [2, с. 31–32].

Такое представление о полуострове в культуре сохраняется вплоть до XIX века, когда А.С. Пушкин «примиряет русский литературный (и не только литературный) мир с враждебной ему на протяжении нескольких минувших столетий “басурманской реальностью” татарского Крыма» [3, с. 72–73].

Эволюционный путь существования Крыма в русской культуре и литературе можно определить как постепенное «возвращение» к исконному пониманию святости этой земли, осознанию её исключительной важности в истории России и мира.

Образ Крыма как рая на земле, созданный и воспетый А.С. Пушкиным и поэтами пушкинской поры (В.А. Жуковским, К.Н. Батюшковым, В.И. Туманским, А. Мицкевичем и др.), в текстах конца XIX века приобретает черты страдающей, истерзанной войнами земли, но вместе с тем сохранившей в себе священную красоту и величие.

В XX веке войны и несчастья вновь наступают Крым (да и всю Россию), что отражается на восприятии и изображении полуострова в литературе того периода. Более отчётливо начинают проявляться амбивалентные черты в образах крымской природы, и это особенно ярко воплощается в текстах И.С. Шмелёва, М.А. Волошина, О.Э. Мандельштама.

В романе-эпопее И.С. Шмелёва амбивалентность в восприятии Крыма достигает космических масштабов, поскольку речь идёт о таких категориях, как Рай и Ад. Эти концепты внутри текста располагаются в тесной взаимосвязи и неразрывном единстве.

Черты Крыма как рая на земле начинают проявляться как в действительном пространстве полуострова в романе, так в ирреальности сна героя. В первой же главе мы видим искажённые образы архитектурного и ландшафтного облика Крыма: дворцы с многочисленными залами, люстрами, колоннами, сады, фонтаны и т. д. Интересно, что сам автор противопоставляет сон и реальность: *«Все эти месяцы снятся мне пышные сны. С чего? Явь моя так убога...»* [4, с. 455]. Реальность в его понимании лишена красоты и роскоши сна, и это, на наш взгляд, является одним из первых косвенных указаний

на превращение Крыма в ад на земле – утрата прекрасного в реальности и его отголоски в мире снов. Важно, что дальнейшее описание увиденного во сне всё больше и больше приобретает черты пространства ада: *«Странных людей я вижу. С лицами неживыми, ходят, ходят они по залам в одеждах бледных – с икон как будто – заглядывают со мною в окна. Что-то мне говорит, – я чую это щемящей болью, что они прошли через страшное, сделали с ними что-то, и они – вне жизни, уже – нездешние... И невыносимая скорбь ходит со мной в этих, до жути роскошных, залах...»* [4, с. 455–456]. Блуждающие души людей, мир теней – это явственный образ ада, существующий в реальности и проявившийся наиболее ярко именно в ирреальном пространстве сна. Так, уже в начале романа мы можем отметить появление противоположных характеристик полуострова, которые переплетены друг с другом.

Казалось бы, реальность Крыма утрачивает для автора красоту и величие, однако в романе мы видим и совершенно другое восприятие. Природа полуострова, несмотря на «убогую явь», всё равно остается по-прежнему прекрасной, вдохновляющей и живой: *«Милое утро, здравствуй! ... Здравствуйте и вы, горы!»* [4, с. 457–458]. Данные обращения героя к природе, к окружающей среде подтверждают двойственное восприятие автором пространства Крыма. Эти противоречия можно наблюдать на протяжении всего романа.

Если рассматривать детально растительный код в тексте И.С. Шмелёва, то мы также можем обнаружить амбивалентные черты. Для Крыма характерна специфическая растительная картина. Здесь произрастают так называемые уксусные деревья, которые имеют и другое, более распространённое, название – «райские». По своему внешнему виду они напоминают пальмовые и другие тропические деревья. Примечательно то, что в романе отчётливо выражено отношение героя к ним: *«Разрослись у слепой веранды вонючие уксусные деревья»* [4, с. 459]; *«Лярва подобралась к веранде, где вонючие уксусные деревья»* [4, с. 487]. Определение с экспрессивной негативной окраской свидетельствует об очередном противоречии – райские деревья, которые так нигде в романе не обозначены, воздействуют словно удушающе на главного героя и являются ненавистными для него.

Другой растительной образной доминантой в романе является образ миндального дерева. Он также содержит в себе противоположные коннотации. С одной стороны, это божественное растение, упоминающееся в священных текстах, символ чистоты, истинной веры и просветления. Миндаль связан в христианской традиции с Аароном, первосвященником еврейского народа, и с Пресвятой Богородицей. В православной иконописи Богородица часто предстаёт с миндальной ветвью в руках – расцветшим посохом Аарона, великим Божьим знаменем. Образ Богородицы оказывается словно растворён в романе И.С. Шмелёва в природных символах птиц, лозы, цветов и т.д. [5, с. 31–32].

Сады миндальных деревьев превращают весной Крым в настоящее воплощение рая – земной эдем. С другой стороны – горький вид миндаля содержит в себе ядовитые вещества, которые в определённых соединениях приносят смерть. Пример этого явления описан в романе И.С. Шмелёва.

Ещё один растительный образ – образ винограда – также наделяется противоположными смыслами. Виноградная балка в романе – место, где герой спасается от ужасов действительности. Можно говорить о том, что это своеобразная реконструкция рая автором. Виноградная балка – эдем внутри самого эдема, превращающегося в ад.

В романе И.С. Шмелёва «образ винограда и виноградника... приобретает сакральное значение и связывается с изречением Христа: “Аз есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает, и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода” (Ин. 15: 1–2)» [1, с. 52].

Бесценные плоды винограда для автора являются «хлебом насущным»: *«яхонты вон горят на лозах, теплые, в нежном мате... золотится чауш, розовая шасла, мускат душистый... как смородина черная - мускат черный, александрийский... На целую неделю сладкого хлеба хватит! цветного хлеба!»* [4, с. 471]. Между тем засуха и всеобщий голод, которые описаны в тексте, не позволяют зреть достаточному количеству винограда. Райская земля перестает плодоносить и приносить урожай – это свидетельство процесса превращения рая в ад.

Уникальность и своеобразие природы Крыма, климатические условия, географическое «пограничное» положение позволяют отделить полуостров от остальной части России, и эта частичная изолированность способствует восприятию Крыма как райского места. При этом согласно древнегреческой традиции, именно в Крыму располагается вход в царство мёртвых. Более точное указание – вулканический массив Кара-Даг, подводный грот которого якобы и является порталом в Аид.

Однако в романе И.С. Шмелёва мы не находим описания этого места (как, например, у М.А. Волошина, К.Г. Паустовского). Кара-Даг присутствует в тексте как некий природный дух, равнодушно наблюдающий за всем, что происходит вокруг. Вместе с другими горными грядами его вершины видны из различных точек Крыма, но нет приближения героев к вулкану, его детального изображения и отсылок к греческим мифам. Это может быть истолковано как отрицание автором изначального восприятия Крыма как места расположения ада на земле, но при этом утверждение его постепенной трансформации, перехода из рая в ад.

Таким образом, амбивалентность пространства Крыма в романе И.С. Шмелёва проявляется на разных уровнях системы образов и стиля текста. Номинации отдельных растительных символов, названия глав и самого романа подтверждают мысль о том, что «Солнце мёртвых» – это произведение, построенное на принципе соединения противоречий. Свойства и черты таких масштабных категорий, как рай и ад, растворены в тексте и находятся в синтезе. И.С. Шмелёв стирает границы между этими двумя мирами и объединяет их в пространстве Крыма. Причины подобных космических сдвигов и отсутствия разделения, на наш взгляд, кроются в произошедших трагических событиях того времени. Кровавые революции, Гражданская война, террор и голод в Крыму ломают традиционные устои мироздания. И эти перемены очень точно отразил И.С. Шмелёв в своём романе. Однако, несмотря на весь хаос, воцарившийся на земле, автор, по нашему мнению, в глубине души не теряет надежду на Преображение России и преодоление всех испытаний.

Литература

1. Кугушева А.Ю. Семиозис художественного образа в искусстве: к постановке проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2016. №2. С. 48–54.
2. Курьянов С.О. Миф о Крыме как о восточной мусульманской стране в повестях Азовского цикла (XVII век) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Т. 1 (67). №4. 2015. С. 53-61.
3. Машенко А.П. Крымское измерение русской литературы: от Пушкина до Прилепина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. №1. С. 70–92.
4. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т.1. Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. М.: Русская книга, 1998. 640 с.
5. Соломонов М.А. «Многоименность» Богородицы в русских духовных стихах (на материале прикамской традиции) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №2. С. 30–34.

УДК 821.161.1

В.В. Губина (г. Ульяновск, Россия)
Научный руководитель к.п.н. доц. Н.А. Бражкина

ПРЕДМЕТНАЯ ДЕТАЛИЗАЦИЯ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «СКРИПКА РОТШИЛЬДА»

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова»

В статье анализируется функционирование художественной детали в рассказе А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда», которая рассматривается как характерная черта чеховского стиля, и выявляется значение предметной детализации в идейно-художественной структуре произведения.

Ключевые слова: художественная деталь, предметный мир, предметная детализация.

The paper analyzes the features of the artistic feature functioning in the story "Rothschild's Violin" by A.P. Chekhov. The artistic feature is observed as a distinctive feature of Chekhov's style. The significance in the ideological and artistic structure of the story is identified.

Keywords: artistic feature, objective world, subject features.

Рассказ «Скрипка Ротшильда», впервые опубликованный 6 февраля 1894 года в газете «Русские ведомости», К.И. Чуковский назвал «квинтэссенцией чеховского стиля» [10], а современные литературоведы определяют как ключевой в творчестве писателя 1890-х годов [1, 7, 8]. В нем сконцентрированы главные черты мастерства А.П. Чехова-рассказчика, среди которых – полифункциональность художественной детали. Являясь образом предметного мира, деталь выполняет у писателя информативную функцию, выступая также в качестве знака психологического состояния героя, оттеняющего особенности его внутреннего состояния и характер взаимодействия с социумом, и средства раскрытия авторского отношения к миру и персонажам [2, 3, 4, 5, 6]. Проанализируем предметную детализацию в рассказе «Скрипка Ротшильда» и выявим ее значение в идейно-художественной структуре произведения.

В рассказе с простым сюжетом, в основе которого история жизни и смерти Якова Иванова по прозвищу Бронза, гробовщика по профессии и скрипача по призванию, постоянно акцентируется внимание на предметности окружающего мира.

Привлекает внимание прозвище главного героя, которое опредмечено и таким образом роднит персонажа с материальным миром. Бронза – сплав меди, использующийся во многих изделиях, предназначенных для быта, и не отличающийся высокой стоимостью или редкостью. «Второе» имя центрального героя введено в текст посредством значимых противопоставлений. Сначала отмечено, что, «если бы Яков Иванов был гробовщиком в губернском городе, то, наверное, он имел бы собственный дом и звали бы его Яковом Матвейчем; здесь же в городишке (а он «хуже деревни!» – выделено нами) звали его просто Яковом» [9]. А далее следует еще одно важное замечание: «...уличное прозвище у него было почему-то Бронза, а жил он бедно, как простой мужик, в небольшой старой избе...». Как видим, в имени человека отражается отношение к нему окружающих. Мир, в котором живет Яков, уважает обеспеченных людей. Бытовые детали выявляют и укрупняют эту авторскую мысль: в губернском городе у него был бы собственный дом, а так у него старая изба, одна комната, где

помещается все хозяйство; гробовых дел мастер живет небогато, но на фоне других жителей маленького городка, видимо, неплохо, если «почему-то заслужил прозвище Бронза. Получается, что имя определяется социальным статусом и, более того, имеет денежный, материальный эквивалент.

С самого начала повествования герой погружен в мир вещей и через этот мир объяснен. В пределах одной фразы, наполненной авторской иронией, оказываются взаимоисключающие элементы, люди и предметы: «... в этой комнате помещались он, Марфа, печь, двухспальная кровать, гробы, верстак и всё хозяйство». Особое внимание здесь стоит обратить на предметную деталь «гроб». Лишенная негативной коннотации, она связана в начале рассказа не с потерей, а с приобретением, с заработком героя, и самим Яковом гроб воспринимается в первую очередь как атрибут его жизни, а не смерти: «... надзиратель уехал в губернский город лечиться и взял да там и умер. Вот вам и убыток, по меньшей мере рублей на десять, так как гроб пришлось бы делать дорогой, с глазетом...». Жизнь, а точнее смерть человека, в свою очередь получает оценку при подсчете стоимости гроба. Прибыль Якова зависит от количества смертей, а также от социального положения умерших, следовательно, гроб становится мерилем благополучия и качества жизни героя. Поэтому Бронза с нетерпением ждал смерти состоятельного человека и не смог сдержать своего гнева при подведении годового итога, когда обнаружил существенную недостачу доходов. В то же время через отношение Якова к своему делу прочитывается и его отношение к жизни. Так, к примеру, изготавливать детские гробы Бронза не любил: если смерть взрослого человека как-то укладывалась в понимание героя, то детская смерть виделась ему противоестественной, поэтому «заказы на детские гробики принимал он очень неохотно и делал их прямо без мерки, с презрением, и всякий раз, получая деньги за работу, говорил: "Признаться, не люблю заниматься чепухой"».

В рассказе постоянно происходит измерение стоимости, пользы, размера, что изображается с привлечением предметной детализации. Так, подсчет упущенных доходов сопровож-

дает книжка убытков и счета, воспоминания о жестоком обращении с женой – горячая вода вместо чая, мысли о несостоявшейся нежности к жене – некупленный платочек и не принесенное со свадьбы угощение. Себя гробовщик использует вместо железного аршина, с помощью которого делает мерки с умерших; он так же привычно «овеществляет» и свою жену, заявляя фельдшеру: «...захворал мой предмет». Таким образом Чехов обозначает важную этическую проблему – подчиненность человека материальному миру.

Обыденное течение жизни, в которой, казалось бы, нет места чувствам, а все подчинено подсчету материальных убытков («Яков никогда не бывал в хорошем расположении духа, так как ему постоянно приходилось терпеть страшные убытки; Мысли об убытках донимали Якова особенно по ночам. Одним словом, куда ни повернись, везде только убытки и больше ничего»), нарушается болезнью Марфы и ее смертью. При соприкосновении со смертью в герое вдруг пробуждается человеческое начало, и сатирическая тональность в его изображении отступает. Поначалу Якова начинают тревожить воспоминания, возвращающие его в прошедшую жизнь, где, как выясняется, не было главного – сострадания, внимания и заботы к ближнему.

Эмоциональный сбой в рассказе намечен после возвращения героя с кладбища, когда «его взяла сильная тоска» [9]. От изготовления «хороших, прочных гробов» [9] постепенно чеховский персонаж переходит к настоящей жизни. Работу подсознания героя и его освобождение от власти увеличения доходов Чехов показывает через несобственно-прямую речь, где наряду с однотональными подробностями (убытки–польза, убытки–утрата) появляются предметные детали. Сетования об упущенных возможностях с попыткой подсчитать несостоявшийся доход («А если бы все вместе – и рыбу ловить, и на скрипке играть, и барки гонять, и гусей бить, то какой получился бы капитал!» [9]) сменяются раздумьями о невозможных потерях в человеческих взаимоотношениях: «... жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку; впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назад – там ничего, кроме убытков и таких

страшных, что даже озноб берет ... Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу» [9].

Чувства героя и его переживания показаны Чеховым через предметный мир. Верба, младенец, река, Марфа – все эти знаки прошлого возникают в его сознании, но уже на фоне смертельной болезни: «Вечером и ночью мерещились ему младенец, верба, рыба, битые гуси, и Марфа, похожая в профиль на птицу, которой хочется пить, и бледное, жалкое лицо Ротшильда, и какие-то морды надвигались со всех сторон и бормотали про убытки. Он ворочался с боку на бок и раз пять вставал с постели, чтобы поиграть на скрипке» [9]. Художественные детали здесь заменяют описание внутреннего состояния персонажа.

Внешняя карикатурность изображения героя соотнесена с его внутренним драматизмом. На пересечении этих взаимоисключающих начал Чехов выстраивает образ персонажа. На уровне предметной детализации этот контраст в рассказе реализован через лейтмотивные образы гроба и скрипки. Если первый образ группирует вокруг себя детали мира материального, вещного, то второй – детали мира духовного, человеческого. Музыкальные инструменты, имеющие непосредственную связь со скрипкой, одушевляются (контрабас в оркестре хрипит, а флейта плачет) и становятся проводниками в мир духовный. Сама скрипка, олицетворяющая собой жизнь, тоже уподоблена человеку. «Она останется сиротой...» [9], – переживает о ней Бронза, узнав о своей неизлечимой болезни.

Скрипка для Якова всегда была средством исцеления и успокоения его души: «он клал рядом с собой на постели скрипку и, когда всякая чепуха лезла в голову, трогал струны, скрипка в темноте издавала звук, и ему становилось легче» [9].

Чем ближе Яков к своей кончине, тем отчетливей становятся его мысли о смысле прожитого: «Думая о пропащей, убыточной жизни, он заиграл, сам не зная что, но вышло жалобно и трогательно, и слезы потекли у него по щекам. И чем крепче он думал, тем печальнее пела скрипка» [9]. Герой озачлен судьбой скрипки: «Не жалко было умирать, но как

только дома он увидел скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко. Скрипку нельзя взять с собою в могилу...» [9]. И гроб, и железный аршин, и книжка с убытками потеряли теперь для него значимость. Об этом говорит отсутствие названных деталей в финале рассказа. Переосмысление жизни привело Якова к миру духовных ценностей, миру скрипки.

Открыв для себя истинные ценности, Яков передает скрипку как символ этого нового знания Ротшильду. Первоначальная ироническая дистанция между автором и героем в финале рассказа существенно сокращается. Герой приближается к автору, когда успеваает произнести: «Скрипку отдайте Ротшильду» [9]. Выбор преемника не случаен. Несмотря на то, что Ротшильд вызывает у Якова неприятие, смешанное с ненавистью и даже презрением, именно он признает талант Якова, откликается на последнюю песню Бронзы: «Ротшильд внимательно слушал, ставши к нему боком и скрестив на груди руки. Испуганное, недоумевающее выражение на его лице мало-помалу сменилось скорбным и страдальческим... И слезы медленно потекли у него по щекам и закапали на зеленый сюртук» [9]. Сближение Ротшильда и Якова является не внешним, а внутренним: способность воспринимать музыку и чувствовать ее объединяет столь разных героев. Печальная песня скрипки и возникшее родство душ есть лирическое свидетельство победы духовного над вещным. Эта мысль находит свое отражение в названии рассказа.

Итак, А.П. Чехов в рассказе «Скрипка Ротшильда», работая в русле гоголевской традиции одушевления предметного и опредмечивания живого, благодаря рельефному изображению предметного мира за счет активного использования художественных деталей, концентрирующих в себе множественные смыслы, передал объемное представление о жизни, свойственное роману.

Литература

1. Кубасов А.В. Семантика нарративной структуры рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» // Филологический класс. 2010. № 24. С. 67–72.
2. Линков В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова. М.: Московский ун-т, 1982. С. 88–89.

3. Громова Л.П. Особенности творческой работы Чехова // В творческой лаборатории А.П. Чехова. Ростов-н/Д: Ростовский университет, 1963. 176 с.

4. Добин Е.С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Советский писатель, 1981. 432 с.

5. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917) // История русской литературы в четырех томах / Гл. ред. Н.И. Пруцков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. С. 177–230.

6. Паперный З.С. Чехов Антон Павлович // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. С. 483–495.

7. Петрова С.А. Интермедийный анализ образов героев в произведениях А.П. Чехова («Контрабас и флейта», «Скрипка Ротшильда») // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С.160–164.

8. Свенцицкая Э.М. Автор – повествователь – герой в малой прозе А.П. Чехова (на материале рассказов «Жалобная книга» и «Скрипка Ротшильда») // Новый филологический вестник. 2010. № 4. С.111–120.

9. Чехов А.П. Скрипка Ротшильда // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/978/p.1/index.html> (Дата обращения: 20.11.2020).

10. Чуковский К.И. О Чехове. Человек и мастер // [Электронный ресурс]. URL: https://modernlib.net/books/chukovskiy_korneyivanovich/ochehove/read (Дата обращения: 20.11.2020).

УДК 821.112.2

М.Е. Коробкина (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Научный руководитель к.ф.н., доц. И.А. Черненко

МЕТАМОРФОЗА ПЕСКА: ОПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ «ПЕСОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА» ГОФМАНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОГНЯ

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

В статье изучается взаимодействие мотивов песка, огня и стекла в «Песочном человеке» Гофмана. Автор по-новому интерпретирует связь образа Песочного человека с безумием главного героя и рассматривает как сюжетобразующий мотив превращения песка в стекло посредством огня.

Ключевые слова: Гофман, Песочный человек, мотив огня, оптические мотивы, подсознательный страх.

The article is devoted to the interaction between sand, fire, and glass motifs in Hoffmann's "The Sandman". The author interprets the connection between the image of the Sandman and madness of the main character in a new way and considers the motif of sand metamorphosis into glass through fire as a plot-forming.

Keywords: Hoffmann, The Sandman, fire motif, optical motifs, subconscious fear.

Новелла Э.Т.А. Гофмана "Der Sandmann" [«Песочный человек»] – произведение, притягивающее внимание читателей и исследователей. Из огромного числа значимых монографий и статей выделим работы, которые анализируют мифологические и оптические мотивы в творчестве Гофмана, уделяя внимание «Песочному человеку». Мифологические «слои» произведений Гофмана рассматриваются в работах Ф.П. Федорова («Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика» [6]) и Е.Н. Корниловой («Мифологическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма» [5]). Роли оптических приборов посвятила работу О.Б. Вайнштейн («Оптические мотивы в творчестве Э.Т.А. Гофмана» [3]), влиянию детского впечатления на судьбу Натанаэля – З. Фрейд («Жуткое» [7]).

Таким образом, мотивы оптики и мифа о Песочном человеке были подробно изучены отечественными и зарубежными учеными, равно как и навязчивый страх главного героя потери глаз. Однако до сих пор, как представляется, уделялось мало внимания трактовке связи между образом сказочного существа, сыплющего, согласно поверьям, песок в глаза детей, и дальнейшим искажением мировосприятия главного героя, посмотревшего сквозь стеклянную линзу подзорной трубы Копполы. В данной статье мы акцентируем эту связь: стекло, как известно, «рождается» из песка при помощи огня, и сюжет новеллы, по нашей гипотезе, строится как отражение огненной метаморфозы песка в стекло.

Итак, миф о Песочном человеке оседает в подсознании Натанаэля, главного героя новеллы, и превращается в его навязчивый страх, найдя свое отражение в образах адвоката

Коппелиуса и итальянского торговца оптическими приборами Коппопы. Очевидно, что в сюжете играет центральную роль западноевропейский миф о Песочном человеке. “*Der Sandmann*”, по словам старой няни сестры Натанаэля, “*wirft ihnen Händevoll Sand in die Augen, daß sie blutig zum Kopf herausspringen*” [«*швыряет детям в глаза пригоршню песка, так что они кровоточат и закатываются вверх*»] (здесь и далее перевод автора статьи). Стоит отметить, что в фольклорной традиции допускается несколько трактовок: Песочный человек может быть добрым героем, который только помогает заигравшимся детям уснуть (такую интерпретацию предложила добрая мать Натанаэля, чтобы успокоить его), а может быть персонажем злым и страшным, каким он и предстал в рассказе наивной старухи. Впечатленный историей няни, маленький мальчик приобрел навязчивый страх перед злым Песочником, а также неосознаваемую, подсознательную боязнь потери глаз [7, с. 269]. Эти эмоции связываются в его душе с образом жуткого гостя его отца: “*Als ich nun diesen Coppelius sah, ging es... in meiner Seele auf, daß ja niemand anders, als er, der Sandmann sein könne*” [«*Как только я увидел этого Коппелиуса... меня осенило, что никто другой и не может быть Песочным человеком*»], который к тому же сам грозился лишить Натанаэля глаз “*glutrote Körner aus der Flamme*” [«*раскаленными углями*»] за то, что мальчик подсмотрел странный ритуал в спальне своего отца. Итак, Натанаэль-ребенок рисовал Песочного человека “*überall... mit Kreide, Kohle*” [«*везде... мелом и углём*»]. Он был одержим страхом смертоносного «песка в глазах», способного лишить его зрения не только в прямом, но и в переносном смысле (слово «глаз» – “*das Auge*” – имеет несколько значений, одно из которых, взятое из немецкого словаря XIX века, по словам А.Г. Аствацатурова, «метафора познания, зеркало души» [1, с. 7]). Таким образом, враждебным элементом для главного героя на данном этапе является песок.

А.В. Карельский называет новеллу «историей болезни» [4, с. 22], поскольку в ней прослеживается развитие навязчивых состояний главного героя и то, как его фобии воздействуют на воспринимаемую им действительность. По этой «истории болезни» мы и проследим метаморфозу песка.

Детский страх преследует Натанаэля во время студенчества, когда его академический «отец» (сюжетный двойник настоящего отца) профессор Спаланцани знакомит его с итальянским торговцем барометров Копполой, которого главный герой отождествляет со страшным адвокатом: “*Coppellius' Figur und Gesichtszüge sind zu tief in mein Innerstes eingepägt*” [«*Фигура и черты лица Коппелиуса слишком глубоко впечатались в мою душу*»]. Адвокат Коппелиус и оптик Коппола сливаются в один образ, берут на себя роль страшного существа лунарной мифологии, которое так укоренилось в сознании Натанаэля, и привносят в его реальный мир действия «демонических сил, приведших его к помешательству и самоубийству» [8, с. 114]. Губительной опасностью, исходящей от врага студента, на этот раз становится “*Coppolas Perspektiv*” [«*подзорная труба Коппола*»], за которую главный герой поистине “*zu teuer bezahlt*” [«*заплатил слишком дорого*»]. Мотив «волшебных стекол», роковым образом изменяющих жизнь героев, часто встречается в произведениях Гофмана («Золотой горшок», «Принцесса Брамбилла» и другие) и даже имеет похожую функцию в еще одной новелле «Ночных этюдов» – «Пустой дом», где Теодор обманывается мистическим зеркалом.

Итак, линзы подзорной трубы Натанаэлю заменяют ему «природный», настоящий «глаз», поистине лишая его зрения (в реальности, а не только в искаженном страхе детском сознании), а затем отнимают и рассудок. Кукла Олимпия в соседнем окне, за которой он через эту трубу подсматривает, кажется ему живым человеком, идеалом женской красоты. Свой оптический инструмент он приносит и на званый ужин Спаланцани, показывающего обществу свою деревянную дочь, и даже в помещении пытается рассмотреть ее не самостоятельно, а посредством подзорной трубы. Искажающее стекло делает взгляд Олимпии “*lebendig*” [«*живым*»] для глаз Натанаэля, и, обманутый подзорной трубой, герой влюбляется в искусственную девушку, иллюзорная прелесть которой вытеснят из его сердца светлый образ Клары, его возлюбленной. Мы можем сказать, что оптический прибор, навязанный Копполой, на самом деле лишает Натанаэля зрения: он становится

слеп к истине (например, об искусственной природе Олимпии). Можно сказать, что посредством стекла сбывается его давний страх, искажается рассудок.

Об оптических мотивах и комплексах в мифологии в контексте произведений Э.Т.А. Гофмана упоминала О.Б. Вайнштейн [3, с. 160]. Ссылаясь на исследования французской поэзии, исследовательница говорила о том, что стекло, будучи продуктом огня, занимает в комплексе оптических символов «межстихийное положение» и является заменой их мифологического архетипа – воды. В данной работе нас особенно интересует мотив метаморфозы песка в стекло, что выводит на первый план связь песка и огня: отождествленный с Песочным человеком (бросающим детям в глаза “*Händevoll Sand*” [«пригоршни песка»] адвокат Коппелиус готов лишить маленького Натанаэля зрения (швырнув ему в глаза “*glutrote Körner aus der Flamme*” [«раскаленные угли»]). Так, песок, лишаящий глаз, из детской страшной сказки реализуется в действительности в форме огня – уничтожающей силы, по определению А.Б. Ботниковой [2]. Вспомним также, что мертвого отца главный герой видит именно “*mit schwarz verbranntem Gesicht*” [«с дочерна обожженным лицом»] и что в роковом бредовом сочинении Натанаэля предстают горящие глаза Клары, до которых дотронулся страшный Коппелиус. В финале же новеллы, когда герой вновь достает подзорную трубу Копполы, чтобы посмотреть на бегущий куст, “*glühten und sprühten Feuerströme durch die rollenden Augen*” [«огненные потоки светились и брызгали из его закатившихся глаз»]. Таким образом, детский страх Натанаэля стать жертвой Песочника – страх потери глаз от песка – в видении героя воплощается с помощью огненных реалий, которые способны погубить его зрение: песок как «уничтожающая сила» обретает воплощение именно в огне.

Если песок и огонь в этой системе занимают место лишь навязчивых страхов искаженного сознания главного героя, то реальной угрозой для него и его рассудка (зрения) становится стекло как продукт этих двух элементов: губительная подзорная труба Копполы искажает мировосприятие Натанаэля, заставляет его видеть в деревянной кукле живую девушку,

автомат воспринимать как реальный предмет воздыхания, забыв о прежней любви, рациональной Кларе, которая все делала для того, чтобы избавить возлюбленного от состояния помутнения.

Безусловно, стекло не раз именовалось исследователями творчества Э.Т.А. Гофмана «продуктом огня». Принимая все, что было сказано авторитетными учеными, мы можем предложить свою интерпретацию взаимодействия этих элементов. На наш взгляд, уникальным в новелле является то, что стекло – это продукт и песка, и огня вместе, причем не только в системе символов новеллы, но по естественнонаучным законам (из школьных курсов нам известно, что стекло получают с помощью плавления песка). Огонь в новелле «Песочный человек» – это форма, в которой реализуется детский страх потери глаз, навязанный историей о мифическом Песочном человеке. Форму огня своим страхам, связанным с песком, Натанаэль придает из детской впечатлительности и романтической природы, благодаря которой он, как никто иной, подвержен вторжению темных сил в свою душу [4, с. 21]. Вместе же, совершая метаморфозу «буквально» по законам естественных наук, песок и огонь как потенциальные враги глаз находят свое воплощение в стекле – оптическом приборе, который уже не в страшных сказках и глубинах подсознания, но по настоящему лишает Натанаэля зрения в прямом и переносном смысле.

В данной работе мы по-новому рассмотрели роль западноевропейского мифа о Песочном человеке в построении сюжета новеллы Гофмана. Образ центрального персонажа этого мифа не просто мотивирует появление у Натанаэля бессознательного страха лишения зрения, но и формирует сюжет, определяя появление в нем стекла как угрозы рассудку. С учетом данного наблюдения можно сделать вывод об особом месте новеллы «Песочный человек» среди произведений Гофмана, использующих мотив стекла (оно выступает как враждебная сила в «Пустом доме» или как «ворота» [3, с. 163] в иной мир романтического двоемирия в «Щелкунчике» и «Принцессе Брамбилле»). В этой новелле акцентирована метаморфоза песка в стекло. Песок в глазах из страшной детской сказки,

ослепляющий огонь из фантазий главного героя превращаются в подлинно уничтожающий глаза материал – стекло (метафора мировосприятия).

Литература

1. Аствацатуров А.Г. Демония бессознательного в новелле Гофмана «Песочный человек» // Вестник института иностранных языков. СПб., 2002. [Электронный ресурс] URL: <https://ifl.ru/docs/kollektiv/astv-peschel.pdf>, дата обращения 5.12.2020).

2. Ботникова А.Б. О формах выражения авторского сознания в романтическом произведении (Э.Т.А. Гофман «Песочный человек») // Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. М. : Аспект Пресс, 2005. С. 53-63.

3. Вайнштейн О.Б. Оптические мотивы в творчестве Э.Т.А. Гофмана // Универсалии русской литературы: сборник статей / науч. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: Научная книга, 2015. Вып. 6. С. 160–167.

4. Карельский А.В. Эрнст Теодор Амадей Гофман // Гофман Э.Т.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 21–22.

5. Корнилова Е.Н. Мифологическое сознание и мифопоэтика западноевропейского романтизма. М.: ИМЛИ, 2001. 448 с.

6. Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. М.: МИК, 2004. 368 с.

7. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 269–272.

8. Храмушина С.И. Религиозно-философская рефлексия в творчестве Э.Т.А. Гофмана: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14 [место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. СПбГУ, 2016. 161 с.

Л.А. Рашидова (г. Санкт-Петербург, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. З.М. Рашидова

**ПУТЬ ПОЭТА И ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА
В КОНТЕКСТЕ ОРФИЧЕСКОГО МИФА
В ЦИКЛЕ «СТИХИ БЛОКУ»
(«КАК СОННЫЙ, КАК ПЬЯНЫЙ...»)
И В СТИХОТВОРЕНИИ «ОРФЕЙ»**

*ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им.А.И.Герцена»*

*ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ)»*

В работе рассматриваются мифологические аспекты цветаевского художественного стиля, осмысливается один из способов творческого диалога Поэта и Культуры. Исследование индивидуальности толкования мифа об Орфее в лирике Цветаевой раскрывает скрытые смыслы темы назначения поэта в её многослойности: смерти и бессмертия поэта, многомерности души поэта, поэта как носителя вечного двоимирия.

Ключевые слова: миф, архетип, дихотомия, реценция.

The work examines the mythological aspects of Tsvetaeva's artistic style, comprehends one of the ways of the creative dialogue of the Poet and Culture. The study of the individuality of the interpretation of the myth of Orpheus in Tsvetaeva's lyrics reveals the hidden meanings of the theme of the poet's appointment in its multi-layered nature: the death and immortality of the poet, the multidimensionality of the poet's soul, the poet as the bearer of the eternal double world.

Keywords: myth, archetype, dichotomy, reception.

В начале XX века мифологизация становится основным аспектом творческого восприятия действительности. «Мифологизм – характерное явление литературы XX века и как художественный прием, и как стоящее за ним мироощущение» [2, с. 295]. Античные мифы воссоздаются в памяти модернистов, приобретая новый смысл.

В лирическом сознании Цветаевой Орфей – архетип Поэта. Она восхищалась великими поэтами современности, была с ними в дружеской переписке и в каждом из своих великих друзей и кумиров она видела Орфея.

Её отец, Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, выдающийся филолог, историк и искусствовед, директор Румянцевского музея и основатель Музея изящных искусств, занимался популяризацией античности. Дом отца Цветаевой «был пронизан духом древней Эллады и великого Рима. Геракл и Ахилл, Ариадна и Дионис, Эвридика и Орфей, Венера и Психея – это были не просто имена, они воспринимались Цветаевой как реальные люди, ожившие сначала в сознании юной девушки, а затем в зрелом творчестве поэта» [3, с. 9].

В контексте мифа об Орфее и Эвридике может быть рассмотрено одно из стихотворений цикла «Стихи к Блоку»: «Как сонный, как пьяный...», в котором Цветаева обожествляет Блока. Святость, страдание, свет – вот понятия, связанные для нее с Блоком:

Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь, навек.
Плачьте о мёртвом ангеле!

Появление цветаевской концепции сближения Блока и Орфея открывается в детском письме Али Эфрон. В разгар работы Цветаевой над посмертными стихами к Блоку, 8 ноября 1921 года Аля писала Е.О. Волошиной: «Мы с Мариной читаем мифологию... А Орфей похож на Блока: жалобный, камни трогающий...».

Блок в стихотворении Цветаевой воплощает идею певца, поэта, божественного ангела, Орфея, который, как известно, был существом из мифа, сыном бога и музыки, хотя и смертным.

Рецепция мифа об Орфее, широко представленная в поэзии М. Цветаевой подчёркивает индивидуальность восприятия и толкования мифа и раскрывает смысловую многослойность: тему смерти и бессмертия поэта, многомерности души поэта, поэта как носителя вечного двоимирия, самоотверженной любви, вечного возвращения, тема другого мира как открытия высшей тайны и тайного знания. В этой связи мифотворчество М. Цветаевой совершенно уникально и неповто-

римо. «Ее мироощущение, сознание и даже поведение мифологизированы настолько, что все воспринимается и оценивается через миф» [5, с. 464].

Стихотворение отсылает сразу к двум античным сюжетам: спуску Орфея в Аид и мифу о смерти певца, растерзанного вакханками и брошенного в реку Гебр. В ряде вариантов мифа голова фракийского героя пророчествовала потом в различных древнегреческих святилищах:

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова? [4, с. 73]

Имя Орфея не называется, но указание на данного мифологического героя мы находим в строках «Вдоль сонного Гебра // Плыла голова...». Гебр – река во Фракии (античное название реки Марицы), впадающей в Эгейское море. Большинство древнегреческих мифографов указывает Фракию в качестве родины Орфея.

М. Цветаева сравнивает Блока с Орфеем. Она размышляет о том, что причиной смерти Блока становится истощение душевное, а не физическое, что он, как и Орфей, не вынес возложенных на него тягот.

«Так плыли: голова и лира...» – эта образная картина возникает в другом стихотворении, написанном позже, что убеждает читателя: Блок – Орфей... Это его голова вечно плывет по Гебру... Блок-Орфей пытался вывести возлюбленную из царства мертвых, его голос рассекал крошечную тьму ада:

Как слабый луч сквозь черный морок адов –
Так голос твой...

А. Блок, с точки зрения М. Цветаевой, Орфей современный, без орфеевской гармонии, но с чрезмерным чувством катастрофы в душе. И если Орфея в конце пути разорвали вакханки, то вся жизнь Блока – жизнь на разрыв... «Удивительно не то, что он умер, – писала Цветаева Ахматовой, – а то, что он жил. Мало земных примет, мало платья... Ничего не оборвалось, – отделилось. Весь он – такое явное торжество духа, такой воочию – дух, что удивительно, как жизнь вообще – допустила?»

Стихотворение «Орфей» («Так плыли: голова и лира...»), (1921), написанное через пять дней после текста «Как сонный, как пьяный...», опирается на тот же античный миф, согласно которому голова Орфея, растерзанного вакханками, и его лира были брошены в реку Гебр, и связано с предыдущим. Образы обоих певцов сливались в сознании Цветаевой. Поначалу стихи об Орфее были без названия: в сборнике, который в сороковом году готовился в Москве, она дала им название «Орфей». В стихотворении Цветаева вновь обращается к упоминанию Гебра («Вдоль обмирающего Гебра»).

Крово-серебряный, серебро-
Кровавый след двойной лия,
Вдоль обмирающего Гебра –
Брат нежный мой, сестра моя!

В нем описывается картина после убийства Орфея, в которой одновременно разделяются и смешиваются понятия «человек» и «поэт». Орфей-человек и Орфей-поэт, как голова и лира, плывут вместе, но в то же время они отделены друг от друга. Несколько раз подчеркивается их разность – в одном стихе упоминается лира, в другом – голова, характерно использование слова «двойной». Они и дополняют друг друга: когда лира говорит «мира!», губы идут за ней: «увы!»

Именно в этом единстве с лирой и живет Орфей, однако его путь как человека закончен, физически он мертв, но путь Орфея-поэта, слава его лиры только начинается. Тема скоротечности человеческого бытия и бессмертия поэтического дара ясно прочитывается в поэтической интерпретации мифа.

Лира не просто инструмент Орфея, она носитель высшей божественной воли. Удивительные возможности лиры Орфея объясняются олицетворением в ней соразмерности в движении звезд: подобно семипланетному небу, она обладает семью струнами. Музыка, способствовавшая всеобщей гармонии на земле, должна была соответствовать и гармонии небес. Лукиан говорит, что в знак глубочайшего преклонения перед искусством Орфея эллины назвали группу звезд «Лирой Орфея» [1, с. 80].

Если голова певца, как обыкновенный человек, сожалеет о потерянной жизни, то лира смиряется с предначертанным. Не лира оказывается инструментом, с помощью которого

Орфей проявляет свой талант, а сам певец становится способом проявления божественной воли через лиру. Земная, человеческая сущность героя показана нам в крови, текущей из отрубленной головы, в то время как за лирой тянется серебряный след. Лира здесь не только символ поэтического дара, она еще и делит страдания с певцом:

Вдаль – зыблущимся изголовьем
Сдвигаемые как венцом –
Не лира ль истекает кровью?
Не волосы ли – серебром?

Однако, несмотря на то что признано родство поэта и лиры («брат» и «сестра»), лира всё же оказывается более возвышенным существом. Поэта («голову») задерживают какие-то земные привязанности, которые лире чужды. Она велит поэту преодолевать их:

Порой, в тоске неутолимой,
Ход замедлялся головы.
Но лира уверяла: мимо!
А губы ей вослед: увы!

Здесь опять появляется дихотомия небесное и земное, причем противопоставление этих понятий в самом поэте, а не поэт противопоставлен земному, как это часто бывает в лирике. Источник же истинного творчества, по М. Цветаевой, – в слиянии божественного и земного начал, в способности человека подняться над своими личными желаниями и страхами, преодолеть все неистинное и ненастоящее и подняться до понимания своего высокого предназначения, особой судьбы и миссии.

Литература

1. Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. Сер. «Античная библиотека». М.: Алетейя, 1995. 328 с.
2. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
3. Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. 816 с.
4. Цветаева М.И. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1988.
5. Шевеленко И.Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 461 с.

*А.Н. Степанова (г. Екатеринбург, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. Л.Г. Бабенко*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПРОСТРАНСТВО – ЭМОЦИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет

В статье рассматривается распространенная в современной поэзии метафорическая модель, основанная на представлении об эмоции как о некоем пространстве. Метафоры, построенные по модели «пространство – эмоция», анализируются с учетом характеристик, участвующих в порождении пространства как метафорического образа эмоции. В связи с вариативностью такой характеристики, как конкретность, выделяются четыре уровня абстрактности пространства в метафоре такого рода. Материалом служат данные поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: метафора, метафорический перенос, пространство, эмоции, современная поэтическая речь

The article is devoted to the study of the widespread metaphorical model, based on the understanding of emotion as a kind of space. The «space – emotion» metaphorical model is analyzed considering the characteristics involved in generating a space as a metaphorical image of emotion. In connection with the variability of such a characteristic as the concreteness, several levels of the space's abstractness are distinguished in a metaphor of this kind. The material of observation is the data of the poetic subcorpus of the Russian National Corpus.

Keywords: metaphor, metaphorical transference, space, emotions, modern poetic speech

Осмысление человеком сложных понятий осуществляется с помощью более простых явлений, в том числе и посредством метафорического переноса. Сознание и внутренний мир человека в целом являются одной из наиболее трудных для осмысления сфер, поэтому они нередко получают метафорическую репрезентацию. В связи с этим многие исследователи отмечают, что вербализация эмоциональных переживаний нередко осуществляется посредством метафор, которые позволяют их конкретизировать (см., например: [1, с. 93–94; 2, с. 92–94]).

В метафоре такого рода сферой-источником может выступать пространство, поскольку это – одна из наиболее понятных человеку сфер, с которой он постоянно так или иначе взаимодействует. По словам Э.В. Будаева, «единственный способ понять время или сознание – это дать ему пространственное измерение через метафору» [3, с. 42]. В данном случае имеется в виду ориентационная метафора, то есть проецирование пространственных отношений на непространственную сферу, но осмысление внутренних переживаний также возможно через создание метафорического образа эмоции как определенного пространства, в большей или меньшей степени конкретного.

Г.Н. Складарская выделяет ряд регулярных метафорических переносов, согласно ее классификации модель метафорического переноса «пространство – эмоция» относится к типу «предмет → психический мир» [4, с. 85-103]. Нам представляется, что метафоры, основанные на осмыслении эмоции через пространство, следует выделить отдельно. Это связано, во-первых, с относительной распространенностью метафор такого рода, а во-вторых, с тем, что пространство является одной из наиболее значимых категорий, существующих в сознании человека.

Основываясь на анализе материала поэтического подкорпуса Национального корпуса языка, можно заключить, что пространство как источник метафорического образа эмоции может быть различным – природным и созданным человеком, открытым и закрытым; наконец, пространство может быть конкретным и определенным (лес, комната, пустыня и т.д.) или обобщенным, неконкретным. Связано это, во-первых, с различным характером репрезентируемых эмоций, а во-вторых – с индивидуальным авторским представлением о них. Наибольшая вариативность характера пространства как метафорического образа эмоции обнаруживается в связи с такой его характеристикой, как абстрактность или конкретность, что позволяет выделить несколько уровней.

Наивысшая степень абстрактности достигается в тех случаях, когда эмоция предстает как аморфное пространство, которое описывается через косвенные признаки, в частности,

через предикаты, характеризующие взаимодействие человека с этим пространством. Предикаты при этом также используются во вторичном, метафорическом значении. Так, в стихотворении И.Ф. Жданова *страданье* представляет собой определенное пространство (поскольку *затеряться* можно только где-то), но оно не конкретизировано и максимально обобщено. Можно лишь предполагать, что это пространство, вероятно, неограниченно и крайне обширно – настолько, что в нем может «затеряться» душа:

*Мне кажется, что плоть моя – часы
чуждой души, затерянной в страданье,
глядящей на себя со стороны...*

(И.Ф. Жданов)

В данном случае метафора, построенная на модели «пространство – эмоция», создает образ сильного и глубокого чувства, настолько масштабного, что оно поглощает человека. Такой образ могут принимать не только отрицательные, но и положительные эмоции (см., например: *искусство дураков теряет в любви*) у Н. Байтова).

Еще один пример такой же степени абстрактности пространства также встречается у И.Ф. Жданова: *тащить меня с молитвенной кошелкой // в свою окаменевшую печаль*. Метафорический образ эмоции здесь неоднозначен: с одной стороны, печаль предстает как пространство, поскольку глагол «тащить» обозначает направленное перемещение объекта относительно конечного пункта. С другой стороны, она ассоциируется с конкретным окаменевшим предметом.

С понижением уровня абстрактности пространство, представляющее эмоцию, несколько конкретизируется и приобретает ряд непосредственных физических характеристик: наличие или отсутствие границ, размеры и т. п. При этом оно все же остается абстрактным. Так, в стихотворении С.В. Кековой *любовь* – определенное пространство, в котором может находиться человек. При этом это пространство ограничено, у него есть края и границы:

*У любви на краю я в пространстве и времени этом
на коленях стою перед словом, цветком и предметом...*

(С.В. Кекова)

В стихотворении Ш.Б. Кенжеева обнаруживается тот же уровень абстракции, но здесь появляется больше пространственных характеристик. Печаль изображается как замкнутое, закрытое пространство, характеризующееся теснотой и небольшими размерами:

*А что до механизма страсти...
= но, впрочем, вру. На сто частей
разорван, жалок и безвластен,=
от просветляющих страстей
я так далёк! Должно быть, слишком=
устал. **Печаль моя тесна.***

(Ш.Б. Кенжеев)

В данном тексте метафора построена на трансформации прецедентного текста. Это позволяет создать совершенно иной образ чувства: если у А.С. Пушкина печаль представляет собой светлое, легкое чувство (*Печаль моя светла...*), то у Ш.Б. Кенжеева она, напротив, как бы давит на лирического субъекта, угнетает его.

Следующая ступень – представление эмоции не как абстрактного, а как реально существующего пространства. При этом оно не конкретизировано и не имеет определенного облика, хотя и существует наряду с реальными пространствами и даже рядом с ними. В стихотворении С.И. Липкина такой образ эмоции создается за счет использования синтаксического параллелизма (*Библиотека рядом, счастье рядом*). Счастье в стихотворении вполне реально и находится на земле точно так же, как, например, библиотека. Счастье, таким образом, предстает как реальное пространство, земное и рукотворное, которое каждый человек может построить для себя:

*Две пенсии, на жизнь почти хватает,
Библиотека рядом, счастье рядом,
Поскольку за основу ты берешь
Концлагерь или гетто.*

(С.И. Липкин)

Такой же характер приобретает в стихотворении Ю.П. Кузнецова такое чувство, как *любовь*. Она представляет собой некое реальное пространство, которое, подобно полям и лесам, можно увидеть *как на ладони*:

*До утра медовая роса
Голубеет на зеленом склоне.
Предо мною горы и леса,
И любовь, и смерть — как на ладони.*
(Ю.П. Кузнецов)

Еще одним способом конкретизации эмоции на данном уровне является сопоставление эмоции с реальным пространством, например: *Между ними и нами не ревность, а ров* (И.Ф. Жданов). В данной случае за счет сопоставления ревность, подобно рву, приобретает характер реальной физической преграды, разделяющей людей.

Конкретизация образа пространства также может осуществляться через приписывание ему черт, характеризующих какое-либо пространство. Так, например, у И.Ф. Жданова эмоция как пространство отличается наличием входа, двери, через которую можно проникнуть в это пространство:

*Боль, как пещера, вырыта в тумане —
в газообразном зеркале летейском,
топлящемся в преддверии страданья.*
(И.Ф. Жданов)

Наибольшую конкретность пространство как метафорический образ эмоции получает в том случае, если переживание соотносится с каким-то определенной территорией – полем, лесом, комнатой и так далее (см., например: *На берегу печали и раздора; В глухой долине смуты и страданья* (Ю.П. Кузнецов); *На пастбище моей вселенской муки* (В. Блаженный); *На каком перекрестке любви...* (С.М. Гандлевский)). Такие метафоры обычно развернуты, а метафорическое сходство эмоции и пространства описывается с помощью различных лексических и грамматических средств. В стихотворении Н. Байтова представлена развернутая метафора такого рода:

*Ты – та, в которой **высыхает**
болотце клюквенной любви.*
(Н. Байтов)

В данном стихотворении создается довольно нестандартный метафорический образ любви как болота. Любовь, обычно характеризующаяся как безграничная и бескрайняя, здесь предстает как ограниченное пространство – *болотце*.

Его размеры невелики, на что указывает диминутив, и при этом постоянно уменьшаются. В связи с этим здесь появляется аспект процессуальности: постепенное угасание чувства метафорически описывается как *высыхание болотца*.

При восприятии метафор подобного рода возникает вопрос о естественном или рукотворном характере пространства, в координатах которого описывается эмоция. Так, например, С.М. Гандлевский представляет тоску как комнату, то есть крайне ограниченное рукотворное пространство. При этом ограниченность подобного пространства вовсе не означает ограниченность, кратковременность, мелкость чувства, а скорее его замкнутость, невозможность найти выход из этого состояния:

*Я знаю умонастроенье это
И сам, кружа по комнате тоски,
Цитирую кого-то: «Больше света»,
Со злостью наступая на шнурки.*

(С.М. Гандлевский)

Такой образ тоски поддерживается предикатом *кружа*, который подчеркивает замкнутый характер пространства, в котором человек не может двигаться иначе, чем по кругу. Дополнительным указанием на реальность и ограниченность этого пространства является строчка *Со злостью наступая на шнурки*. За счет этой детали взаимодействие с метафорическим пространством приобретает характер взаимодействия с пространством реальным.

Конкретное пространство, представляющее собой метафорический образ эмоции, не всегда названо напрямую. В некоторых случаях его можно с высокой точностью восстановить из контекста. Так, в стихотворении Н. Байтова лексема *непроходимый*, обладающая связанной, ограниченной сочетаемостью и обычно употребляющаяся со словом *лес*, позволяет восстановить источник метафорического переноса:

*Я свистнул или взвизгнул иль взвыл,
призвал весь смысл моей непроходимой любви –
он робко хрустнул, сбивчив и зыбл.*

(Н. Байтов)

В данном стихотворении любовь осмысливается через метафору густого, непроходимого леса. Любовь предстает как трудное чувство, причиняющее страдания и, вероятно, не вполне доступное сознанию.

Таким образом, метафоры, построенные по модели «пространство – эмоция», крайне неоднородны и характеризуются различной степенью абстрактности. Представление об эмоции как об определенном пространстве может варьироваться от абстрактного, аморфного до максимально конкретного и определенного. Метафорический образ эмоции, построенный по такой модели, обычно индивидуализирован, за счет чего его можно считать чертой идиостиля конкретного автора.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Урал. ун-т, 1989. 184 с.
3. Будаев Э.В. Метафора в политическом интердискурсе: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 208 с.
4. Складывшая Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М: Гнозис, 2008. 416 с.

УДК 821.161.1

М.А. Титова (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. О.В. Щеголькова

ОБЗОР НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ИДИОСТИЛЬ» ПИСАТЕЛЯ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье приводится обзор различных подходов к пониманию феномена идиостиля. Автор рассматривает понятие идиостиля с точки зрения семантико-стилистического, лингвопоэтического, системно-структурного, коммуникативно-деятельностного и когнитивного подходов, представленных в лингвистике. Рассматриваются различные определения идиостиля, предложенные учеными в рамках

перечисленных направлений. Ставится цель объединить основные черты рассматриваемого понятия и сформулировать общее определение идиостиля. Определение понятия идиостиль приводится в заключительной части статьи. В нем прослеживаются существенные характеристики, выявленные учеными в пяти основных аспектах изучения идиостиля.

Ключевые слова: текст, идиостиль, семантико-стилистический, лингвопоэтический, системно-структурный, коммуникативно-деятельностный, когнитивный подходы, метатропы.

The article provides a review of the different approaches in understanding phenomenon of the ideostyle. As we speak about forming of the ideostyle notion, the author describing five basic approaches, which represented in linguistics: semantic-linguistic, linguopoetic, systemic-structural, communicative-activity and cognitive. The author's emphasis in this article is definition of the ideostyle, which had been proposed by the scientists within the latest listed areas, because the main goal of this article is to reveal the basic traits of the definition and formulate a general concept of the ideostyle. The definition of the ideostyle adducing in the conclusion of the article. Essential characteristics, which the latest scientists learned from the the five basic approaches, can be traced in this definition.

Keywords: text, idiostyle, semantic-stylistic, linguopoetics, system and structural, communicative activity, cognitive approaches, myatrophu.

Анализ языка писателя, исследование его художественных произведений целесообразно проводить через призму идиостиля. Однако в современной лингвистике существует проблема, связанная с пониманием самого феномена идиостиля. Она заключается в отсутствии единой точки зрения на содержание данного термина.

Большинство современных лингвистических работ, где идет речь об идиостиле какого-либо писателя, строятся вокруг исследования языковой личности автора, его системы мировоззрения, которая проецируется на структуру создаваемого им текста, «раскрывающую индивидуально-авторские особенности воплощения художественной идеи» [4, с. 28]. Другими словами, изучение идиостиля конкретной языковой личности осуществляется на основе сравнительного анализа с аналогичными текстовыми проявлениями других языковых личностей и с узусом, что позволяет установить оригинальность и неповторимость рассматриваемой языковой личности. В таком

случае выражением значимых особенностей стиля художника становятся отбор общежанровой формы, приёмы композиции, повествование, использование языковых единиц и др.

В зависимости от того, в русле какого подхода выполнены современные лингвистические работы, содержание рассматриваемого нами термина в них различается. При этом формирование понятия «идиостиль» у многих ученых трактуется как система построения, которая воспроизводится писателями при создании произведений.

В настоящее время выделено пять основных подходов к анализу идиостиля: семантико-стилистический, лингво-поэтический, системно-структурный, коммуникативно-деятельностный и когнитивный. Рассмотрим каждый из этих подходов.

В рамках семантико-стилистического подхода подразумевается, что идиостиль – это система «индивидуально-эстетического использования, которая относится к выбору развития художественных средств вербального значения» и система «эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения различных речевых элементов» [1, с. 85]. Под индивидуально-эстетическим использованием мы понимаем оценку действительности в единстве с мировоззрением человека. А эстетический вкус показывает нам чувства, интеллект и человеческую культуру. В стилистике художественной речи проводилось исследование идиостиля в контексте отдельных элементов художественной системы автора, в первую очередь рассматривались лексические основы, а особое внимание уделялось смысловым формам и структурам. Для такого подхода в исследовании идиостиля характерно: внимание к трансформации слов; к выразительным средствам в идиостиле; к речевым формам, к композиционным приемам. Исходя из такого понимания, акцент при изучении делается на семантическом анализе лексических единиц и их эстетических и стилистических формах реализации у конкретного автора. Отдельное направление в семантико-стилистическом подходе составляет авторская лексикография, в рамках которой создаются словари языка писателей (например: словарь языка А.С. Пушкина, словарь языка И.С. Тургенева, создание Словаря языка Ф.М. Достоевского и многих других). Интересен анализ

словаря писателей, прежде всего анализ ключевых слов, а именно идеологем – семантико-тематических обозначений духовных ценностей. Например, у советского писателя и драматурга Л.М. Леонова ключевыми словами военной публицистики являются: русский (как определение), Россия (Русь), родина, отечество, мать, Москва, человек, жизнь, народ, вера, свобода, память, победа, правда, бессмертье, война, история, смерть, фашизм, Германия.

Лингвопоэтический подход предлагает следующую интерпретацию термина «идиостиль»: идиостиль есть сложная система художественных средств, которые образуют индивидуально-авторскую картину мира поэта. Будучи направленным на лексикоцентризм, лингвопоэтический подход к идиостилю ставит перед собой задачу выявления общих закономерностей в словоупотреблении писателей. Например, ключевой стилистической фигурой в публицистических произведениях Л.М. Леонова является резкое противопоставление понятий, положений, образов, состояний, что обусловлено содержанием его военной публицистики, ее основной темой. Во-первых, писатель противопоставлял гармонию, царившую в природе, социальному злу, которое создала фашистская Германия. Это можно заметить из начальных строк статьи «Наша Москва»: «Русская зима вступает в свои права. Ровный чистый снег ложится на поля... но чужим поганым следом затоптаны нынче дороги к милой столице» [5, с. 83]. Во-вторых, противоположен сам характер войны: захватническая и освободительная.

Одна из представителей лингвопоэтического подхода лингвист, филолог и семиотик Наталья Александровна Фатеева [9, с. 54] рассматривает идиостиль как систему «метатропов». Это понятие нуждается в разъяснении.

С точки зрения исследователя, метатропы представляют собой глубинные функциональные зависимости, которые стоят за определенными языковыми образованиями на всех уровнях текста (уровень абзацевой пространственности, уровень цельнотекстовой протяженности, в него входит формально смысловое и жанровое наполнение), они структурируют модель мира определенного автора [9, с. 55]. Н.А. Фатеева выделяет ситуативные, концептуальные, композиционные

и операциональные метатропы, которые образуют упорядоченную систему и представляют основу идиостиля. Наиболее примечательны композиционные и ситуативные метатропы. Композиционные формируются как устойчивые зависимости, которые способствуют связности больших текстов, обеспечивают его ритм и смысловое членение. Ситуативные метатропы обозначаются как референтивно-мыслительные комплексы, служащие моделью для внутренних речевых ситуаций. Они имеют соответствия в реальной жизненной и воображаемой ситуациях. Среди различных взаимосвязанных текстов одного автора выделяется текст, выступающий в роли метатекста, разъясняющего текста, или автоинтертекста. Иногда эти тексты «составляют текстово-метатекстовую цепочку, интегрируя смыслы друг друга и проясняя поверхностные семантические преобразования каждого из них» [6]. Данные семантические комплексы являются метатропами, или метатекстовыми тропами.

Третий подход – системно-структурный – трактует идиостиль как «особый модус лингвистического конструирования миров», специфическую «функцию, которая соотносит принимающие различные состояния языка с соответствующим определенному состоянию языка возможным миром» [2]. Важную роль в системно-структурном подходе занимает не изучение элементов, а в первую очередь структура и место элементов в ней. Системно-структурный подход основан на включении в единую систему отдельных элементов знаний на основе общности их функций в структуре научной теории. При системно-структурном подходе исследователи выделяют доминанту творческой деятельности автора и определяют ее в качестве основополагающего элемента эволюции идиостиля писателя. Например, А. Веселый поставил себе целью отобразить революцию в различных ее проявлениях. По имеющимся произведениям можно предположить, что главными объектами осмысления автора в революционных преобразованиях становятся установление большевистской власти и борьба с белогвардейскими бандами, дезертирами и другими противниками пролетариата и коммунистической партии. В центральном произведении автора – романе «Россия, кровью умытая» –

помимо несомненного художественного мастерства, проявленного писателем, очень цельной является социальная установка произведения. А. Веселый дает ряд эпизодов из эпохи военного коммунизма и связывает их отдельными персонажами носителями определенных социальных устремленностей.

В рамках системно-структурного подхода можно отметить противопоставление идиолект/идиостиль, которое рассматривается в аспекте «система – «структура/система – текст», а также исходит из противопоставления «язык/стиль». Под идиолектом понимается одно из состояний системы поэтического языка, складывающегося из освоения ее культуры. Идиолект – это суммарное высказывание одного автора за один промежуток времени при использовании языка для общения с собеседником. Идиостиль является в этом случае одновременно и стилем языка/речи на основе структурных противопоставлений между частными системами выражения.

Следующий подход – коммуникативно-деятельностный – приравнивает термин идиостиль к экстралингвистическому понятию «творческая индивидуальность автора» [8, с. 163]. Творческая индивидуальность автора показывает себя не только в отборе материала, выборе проблематики, тематики, но и в выборе средств, организующих диалог с читателем, в приемах композиции, в эмоциональном фоне рассказа, описания, повествования, а также в использовании языковых единиц. В рамках этого подхода идиостиль изучается с позиции того, как конкретная языковая авторская личность организует диалог с читателем, как она направляет его речемыслительную деятельность по определенному пути в зависимости от коммуникативной стратегии текста и интенции создателя. Коммуникативно-деятельностный подход реализуется в многофункциональной сущности стиля языковой личности в тексте как форме коммуникации, а также отражается в коммуникативных и направляющих стратегиях, выборе средств и структур, ориентации на адресата, выборе жанров.

Здесь понимание идиостиля основывается на системе языковой личности Ю.Н. Караулова [3, с. 4]. Под этим термином исследователь понимает способности и характеристики человека, обуславливающие создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые при этом различаются:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубоким проникновением и точностью отражения реального мира;
- в) своеобразной целевой направленностью [3, с. 10].

Согласно точке зрения Ю.Н. Караулова, способы проявления языковой личности, на которую ориентируются лингводидактические описания языка, основывается на трехуровневой организации, складывающийся из «структурно-системного, лингвокогнитивного и мотивационного уровней языковой личности» [3, с. 11].

В последнем из рассматриваемых нами подходов – когнитивном – доминирующими категориями являются так называемый индивидуально-авторский концепт и концептосфера писателя. Полученное в ходе познавательной деятельности сообщение поступает к человеку через различные каналы, но предметом рассмотрения в когнитивном подходе является лишь та часть, которая приобретает отражение в языковых формах.

Представитель данного подхода, российский лингвист В.А. Пищальникова [7, с. 25] рассматривает идиостиль с так называемых психолингвистических позиций. В данном подходе под идиостилем понимается модель речевой деятельности писателя, а также реализация концептуального содержания языковыми средствами.

В рамках когнитивного подхода идиостиль выступает как система средств выражения, которая соотносит внутренний мир писателя (поэтическое мировидение, ментальная область) с художественной действительностью, создаваемую поэтическим языком. Ментальный мир в этом случае обращается к физическому, где физическое должно дать чувственное восприятие, роль которого заключается в физическом восприятии ментального [8, с. 163]. Поэтическое мировидение в творчестве писателя несомненно несет в себе общественно значимые функции. Ментальный мир при этом предстает как индивидуальная поэтическая концептосфера, а доминантным является понятие индивидуально-авторского концепта. Один из ученых, работавших в рамках когнитивного подхода, И.А. Тарасова сопоставляет ассоциативно-смысловое поле с понятием

индивидуального концепта. В этом контексте когнитивное направление интересует порождающая функция ментальных образований. И.А. Тарасова говорит о том, что исследование этого феномена непосредственно должно идти от когнитивных феноменов к их языковой реализации, и сам идиостиль здесь должен пониматься как единство «ментального и языкового – концептов и когнитивных структур и их языкового воплощения» [8, с. 167]. В основе когнитивного подхода лежит убеждение о том, что язык сильно связан с мыслительными, а также познавательными процессами человека.

Таким образом, в рамках когнитивного подхода исследование идиостиля осуществляется сквозь призму первичной коммуникативной деятельности автора. Основными аспектами изучения при этом становятся отдельные концепты, формы репрезентации, системы концептов-доминант и семантические и ассоциативные поля, а особое внимание при этом уделяется «доминантным личностным смыслам» [8, с. 169]. Доминантный принцип формирует смысл произведения в процессе его восприятия действительности и бытия.

В завершение обзора отметим, что обозначенные пять подходов к анализу идиостиля предоставляют исследователю довольно широкий спектр инструментов. Каждый из вышеперечисленных подходов учитывает те или иные характеристики при изучении идиостиля. Вместе с тем само понятие идиостиля писателя – это сложное многоаспектное явление, которое включает в себя стилистические, языковые, психолингвистические, семантические, когнитивные и многие другие параметры, что предполагает в рамках конкретного анализа художественного текста изучения его с различных сторон. При этом наиболее распространенным пониманием термина идиостиль является система принципов моделирования индивидуально авторской картины мира через формирование содержания художественного текста, отбор языковых единиц и образных средств для его выражения, что в свою очередь зависит от особенностей сознания языковой личности и ее представлений о действительности.

Литература

1. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. 613 с.
2. Золян С. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля // АCADEMIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/6901516> (дата обращения: 29.09.20).
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 261 с.
4. Кловак Е.В. Типичные авторские модели как реализация универсального и индивидуального в идиостиле: дис. ... канд. филол. наук: Тверь, 2015. 155 с.
5. Леонов Л.М. Собрание сочинений: В 10 т. Т.10. М.: Худож. литература, 1984. 631 с.
6. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста // [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151218433.pdf> (дата обращения 29.09.20).
7. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул: Алтай. гос. ун-т, 1992. 356 с.
8. Тарасова И.А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник Самарского государственного университета, 2004. 1(31). С. 163-169.
9. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 280 с.

УДК 82-1/29

М.В. Худышева (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. В.Л. Карякина

ЛЕКСИКА ЦВЕТА В ПОЭТИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ А.А. БЛОКА «РОДИНА», «ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ»

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

Статья посвящена исследованию состава и особенностей функционирования колоративов в поэтических циклах А.А. Блока. Комплексный анализ семантики лексем цвета позволяет выявить роль колоративов в лирических циклах, обозначить их специфику и художественные функции.

Ключевые слова: колоратив, лексика, цветообозначение, семантика, лексико-семантическая группа.

The article is devoted to the study of the composition and features of the functioning of colorants in A.A. Block. A comprehensive analysis of the semantics of color lexemes allows us to reveal the role of coloratives in lyric cycles, to designate their specificity and artistic functions.

Keywords: colorative, vocabulary, color designation, semantics, lexico-semantic group.

Колоративы в художественном произведении представляют собой особый пласт языковых единиц, который, с одной стороны, связан с культурными традициями страны, а с другой – раскрывает авторское восприятие окружающего мира. Лексика цвета – это группа слов, выражающая цветовое значение. Лексема цвета – это языковая единица, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветоименованием.

Цель нашего исследования – анализ состава и особенностей функционирования лексики цвета в стихотворных циклах А. Блока «Родина», «Итальянские стихи». В соответствии с целью выделяются задачи, ключевыми из которых являются: поиск и выделение колоративов в стихотворных циклах А. Блока «Родина», «Итальянские стихи»; осуществление классификации собранного материала: выделение микрополей и лексико-семантических групп цветовой лексики в рассматриваемых произведениях; выявление синтагматических и парадигматических отношений между членами ЛСП; определение функции лексики цвета, а также выявление сходства и различия в составе и функционировании колоративов в циклах А. Блока «Родина», «Итальянские стихи».

По словам Льва Владимировича Щербы, цветопись является «одним из существенных элементов стиля писателя, посредством которого выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [5, с. 97].

Поэтический цикл «Родина» продолжает тему России в лирике поэта. В цикл входят стихотворения, написанные Блоком с 1907 года по 1916 год (стихотворения «Россия», «На поле Куликовом», «Сны» и др.). В центре сборника – Россия и ее судьба. Основные образы цикла – это женский образ верной спутницы, жены, хранительницы очага, также это образы дороги, жизни и смерти, памяти и забвения, вопросы

об историческом пути России. Настроение цикла печальное, лирический герой страдает за Родину, но радуется за её грядущее.

Лирический цикл «Итальянские стихи» сложился в 1909 году после поездки писателя в Италию. В этом сборнике стихотворений выражены мысли о прошлом и будущем искусства, о вечном и временном, о поиске человеком своего предназначения. Лирический герой цикла – путешественник, размышляющий о роли искусства, предназначении художника, о русской душе. Он в чужом краю погружен в мысли о родине, России.

Цветобозначения группируются в лексико-семантическое поле – объединение слов различных частей речи, имеющих общий признак (сему). Для колоративов такой семой является сема цвета [2, с. 77].

Согласно результатам проведенного исследования, лирические циклы «Родина», «Итальянские стихи», включают в себя шестьдесят одну лексему, обозначающую цвет. В поэтическом цикле «Родина» использовано сорок одно цветобозначение, а в цикле «Итальянские стихи» – двадцать лексем.

Цветобозначения можно объединить в микрополя на основе доминантных лексем: красный, синий, зеленый, желтый, черный, белый, золотой, серебряный цвет.

В анализируемых поэтических циклах А. Блока преобладают микрополя цвета спектра – красного, цвета ахроматического – черного, не спектрального цвета – золотого.

Колоративы этих микрополей распределены по текстам лирических циклов следующим образом: лексема «красный» и синонимичные ей слова преобладают в лирическом цикле «Родина» и чаще всего используются при описании природы и духовной жизни человека.

При изображении пейзажа поэт использует следующие лексемы цвета: «На поле Куликовом»: «*Закат в крови! / Из сердца кровь струится!*» [1, с. 250]. В стихотворении «Дым от костра струёю сизой»: «*И ель крестом, крестом багряным/ Кладет на даль воздушный крест...*» [1, с. 258].

Еще одно значение цвета связано с его причастностью к божественному, святому: «*Бархат алый алой ризой, / лишь*

свет зари – покрыл меня» [1, с. 258]. Такая метафора использована в стихотворении «Дым от костра струёю сизой». Здесь реализуется сочетание зари с алым цветом, цветом надежды, движения к блаженному и вечному.

Лексема «золотой» является наиболее частотной в цикле «Итальянские стихи» и применяется при описании архитектуры и религиозного миропонимания людей. Божественное значение колоратива выражено метафорами: «*заря златит вершины»* и «*нимбы златятся»* в стихотворении «Успение». Глаголы в форме изъявительного наклонения указывают на вневременной продолжительный характер действия. Эта лексема также использована при описании итальянского собора в стихотворении «Благовещение»: «*И внезапно – красные одежды, / Дрогнули на золоте стены»* [1, с. 118].

Цветобозначения, входящие в микрополе с доминантой «черный» равномерно распределены по обоим стихотворным циклам. Однако если в цикле «Родина» колоративы данного микрополя употребляются при описании беды, постигшей Россию: «*Тучей черной двинулась орда...*» («На поле Куликовом»), «*Кинулась из степи чёрная мгла»* («Русь моя, жизнь моя»), то в цикле «Итальянские стихи» они более характерны для описания вещного мира и художественных образов.

В стихотворении «Венеция» из лирического цикла «Итальянские стихи» колоратив используется при изображении предметов, деталей одежды: «*Чёрный стеклярус / На тёмной шали!*», «*...голова на чёрном блюде»*, «*...сквозь бархат чёрный»* [1, с. 103].

Еще одним критерием классификации цветобозначений в лирических циклах является их частеречная принадлежность, это позволяет выделить разнообразные лексико-семантические группы [4, с. 221].

1. ЛСГ «Колоратив-существительное» представлен в текстах 6 единицами.

В цикле «Родина» употреблено 3 колоратива-существительного из микрополей: «Красный цвет» – *закат в крови*, «Серебряный цвет» – *серебро волны* («На поле Куликовом»), «Розовый цвет» – *нежней румянец* («На железной дороге»).

В лирическом цикле «Итальянские стихи» представлено 3 колоратива, выраженных именем существительным. Это лексемы цвета из микрополя «Золотой цвет» – *золото стены, золото ресниц* («Благовещение»), *позолота догорает* («Равенна»).

2. ЛСГ «Колоратив-прилагательное» представлен в текстах 43 единицами.

В лирическом цикле «Родина» использованы колоремы из микрополей «Белый цвет» – *куст белых роз* («В густой траве пропадешь с головой»), *горючий белый камень, белый конь* («На поле Куликовом»), *белая метель* («Посещение»); «Желтый цвет» – *желтый обрыв* («На поле Куликовом»), *желтые вагоны* («На железной дороге»); «Красный цвет» – *багряный крест, алый круг* («Дым от костра струёю сизой»), *алый бархат* («На железной дороге»); «Чёрный цвет» – *черная мгла, черная ночь* («Русь моя, жизнь моя»), *чёрный уголь* («Новая Америка»); «Золотой цвет» – *золотые годы* («Россия»); «Серый цвет» – *серые избы* («Россия»), «Синий цвет» – *синие вагоны* («На железной дороге»), *синие очи* («Посещение»); «Зелёный цвет» – *в зеленых плакали* («На железной дороге»), *зеленый свет, зеленый луч* («Сны»). Они употреблены в количестве 31 языковой единицы.

В цикле «Итальянские стихи» использованы словоупотребления из микрополей «Золотой цвет» – сон золотистый («Фьезоле»); «Зеленый цвет» – *зеленая даль* («Венеция»); «Черный цвет» – *черный взор* («Равенна»), *черный бархат, черное блюдо, черный стеклярус* («Венеция»); «Красный цвет» – *красный парус, кровавая голова* («Венеция»), *красные одежды* – («Благовещение»); «Желтый цвет» – *желтый платок* («Madonna da Settignano»); «Белый цвет» – *белые цветы* («Успение»).

3. ЛСГ «Колоратив-глагол» представлен в текстах 7 единицами. Так, в лирическом цикле, посвященном России использовано 4 лексемы. Это лексемы микрополей: «Белый цвет» – *соль забелелась* («Новая Америка»); «Красный цвет» – *персты заалели* («Посещение»); «Черный цвет» – *трубы чернеют* («Новая Америка»); «Золотой цвет» – *золотеет славой* («Ветер стих, и слава зарева...»). В поэтическом цикле

«Итальянские стихи» колоративы-глаголы использованы из микрополей «Золотой цвет» – *заря златит, нимбы златятся* («Успение»); «Зеленый цвет» – *саркофаги зеленеют* («Равенна»).

4. ЛСГ «Колоратив – деепричастие» представлен в текстах двумя единицами и включает в себя слова из микрополя «Красный цвет» – *краснея* («Вот девушка, едва развившись...»), «Розовый цвет» – *розовея* («Посещение»).

5. ЛСГ «Колоратив – причастие» представлен в текстах одной единицей и включает в себя слово из микрополя «Красный цвет» – *запылавшие* («Новая Америка»).

На словообразовательном уровне для лирических циклов характерно общее употребление слов в начальной форме, но есть словообразовательные особенности, выраженные: в глаголах с суффиксом прошедшего времени -л- и префиксом за- (*заалели, забелелась*), употребление сложного прилагательного **дымно-синий** в цикле «Родина», прилагательного с суффиксом -ист-: **золотистый** («Итальянские стихи» («Фьезоле»)).

Высокая частотность цветообозначений-прилагательных традиционно типична для ЛСП «Цвет». Именно в адъективных колоративах отражается многообразие оттенков цветов, что позволяет писателю более точно выразить свои мысли, чувство, передать нужное настроение.

Анализ семантики цветообозначений показывает, что использование А.А. Блоком колорем не всегда соответствует общекультурному представлению о цвете.

Так, традиционно красный цвет воспринимается двояко: как цвет крови, и как цвет красоты, жизни. У А.А. Блока колорема наряду с традиционными обретает авторские оттенки значений.

Красный цвет в стихотворении «Благовещение» из цикла «Итальянские стихи» осознается как символ греха, падения: *«И внезапно – красные одежды/Дрогнули на золоте стены»* («Итальянские стихи» («Благовещение»)) [1, с. 118]. Красные одежды архангела – признак отступления от Священного писания, появляется обусловленная контекстом сема страсти, грехопадения [3, с. 75].

Иные оттенки значений приобретает в рассматриваемых циклах и лексема *белый*. Белый цвет традиционно связан с душевной чистотой, связанный с добром, а также с пустотой, тревогой, печалью, трауром. Поэт в цикле «Родина» использует белый в значении «потусторонний». Эта семантика восходит к фольклорным представлениям человека о бытии. В стихотворении «На поле Куликовом» колоратив выполняет функцию определения, используется как постоянный эпитет: «горючий белый камень», «белый конь», в стихотворении «Посещение» – белая метель. Семантика горя, печали, поддерживается использованием сравнительного оборота: «*А Непрядва убралась туманом, / что княжна фатой*» [1, с. 249]. Колоратив выражен образно – туман-белого цвета, фата – белая.

Черный цвет традиционно символизирует цвет беды, печали. В христианстве черный символизирует грех и смирение. Но в лирических циклах Блока данный колоратив интерпретируется иначе.

В русской языковой традиции закреплены негативные смыслы слова чёрный. В цикле стихотворений «Родина» этот цвет поддерживает символику печали, неразрешимой беды, гибели. В «Итальянских стихах» семантика этого цвета преобразуется: черный из смертельного становится таинственным. Здесь чёрный – это цвет, поглощающий другие, таящий в себе могущественные силы. В стихотворении «Вот девушка, едва развившись...» значение таинственности усиливается: «*...Непостижимо черным взглядом / Смотрит мне навстречу*» («Итальянские стихи») [1, с.110]. В данном контексте чёрный взор для поэта – это символ чужого, непостижимого, отличного от родной русской красоты.

Основными функциями колоративов в рассматриваемых текстах являются знаковая, эстетическая и эмотивная функции. Номинативная функция слов цветообозначений выражена не так широко, как остальные. Но всё же она представлена в лирических циклах, например в цикле «Родина» назывную функцию выполняют слова: белое знамя «Я не предал белое знамя», *желтая глина обрыва* «На поле Куликовом», *алый бархат*, *синие вагоны* «На железной дороге»;

в цикле «Итальянские стихи» эту функцию выполняют лексемы: *чёрный бархат, красный парус* «Венеция».

Цветописье в лирике А.А.Блока выступает средством поиска новых поэтических оснований, иных способов восприятия жизненных явлений. Для Блока характерно не просто использование цветowych образов как символических обозначений иномирия, но насыщение цветовой символики новыми мотивами и смыслами, её динамическое развитие в стихотворениях.

Изучение особенностей функционирования колоративов дает возможность понять глубину авторского замысла, проявление его индивидуальных черт, приметы исторической эпохи в тексте.

Литература

1. Блок А.А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 3. Стихотворения и поэмы 1907-1921 гг. / Под общ. ред. В.Н. Орлова и др.. М.: Гослитиздат, 1962. 720 с.

2. Рублева О.Л. Лексикология современного русского языка: Учебное пособие. Владивосток: Тихоокеанский институт дистанционного образования и технологий. Дальневосточный государственный университет, 2004. 250 с.

3. Спивакова Е.М. Особенности употребления лексемы *красный* в лирике А. Блока // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Гуманитарные науки. 2010. №1. С. 73–81.

4. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 416 с.

5. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ И ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

УДК 373.31

*Е.Е. Жирихова (г. Рязань, Россия)
Научный руководитель к.п.н. доц. Е.С. Богданова*

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАЛЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

*ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина»*

В статье приводится описание работы по формированию семейных ценностей у детей младшего школьного возраста в рамках предмета «Русский язык» на основе изучения малых фольклорных жанров.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, младший школьник, развитие речи, обучение русскому языку, малые фольклорные жанры.

The article describes the work on the formation of family values in primary school children in the framework of the subject «Russian language» based on the study of small folklore genres.

Keywords: family, family values, primary school children, speech development, Russian language training, small folklore genres.

Любой уважающий себя педагог, который готов нести свет знания в массы, должен быть знаком с «титанами» своей профессии. Несомненно, значимой фигурой в методике преподавания русского языка и литературного чтения является Григорий Наумович Приступа – рязанский профессор, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки России. С 1966 по 1996 год Г.Н. Приступа работал в Рязанском государственном педагогическом университете, который в настоящее время является Рязанским государственным университетом имени С.А. Есенина.

В начале своего педагогического пути в Рязанском государственном педагогическом университете Григорий Наумович работал в должности доцента, затем профессора, а позже уже заведующего кафедрой методики преподавания русского языка. В декабре 2020 года РГУ имени С.А. Есенина отметил столетие со дня рождения Г.Н. Приступы.

Велик труд этого ученого. Г.Н. Приступа написал более тридцати книг, более 150 научно-методических статей. Среди них труды по развитию речи, методике орфографии, методике преподавания литературного чтения и др. Около 30 статей по самым разнообразным вопросам методики опубликованы в журнале «Русский язык в школе» [1]. Стоит отметить его книгу «Методика уроков русского языка», которая была написана более 50 лет назад, но по сей день является «настойной книгой» для педагогов, методистов и студентов. В ней рассмотрены вопросы теоретических и теоретико-практических методов обучения русскому языку. На обширном фактическом материале представлена типология уроков и система уроков, а также показаны пути повышения их эффективности. Немалую важность при овладении нормами русского языка и формировании представления о связи языка и культуры, традиций своего народа, как отмечал Г.Н. Приступа, имеет межпредметное взаимодействие. Например, это касается уроков русского языка и литературного чтения. Остановимся на данном вопросе и рассмотрим пути формирования представлений о семейных ценностях при изучении малых фольклорных жанров на уроках русского языка с опорой на учение Г.Н. Приступы, который высоко оценивал воспитательный потенциал уроков русского языка.

В современном обществе роль семьи несравнима по своей значимости с другими социальными институтами. Русская пословица напрямую утверждает: «Семья – опора счастья». Счастливая и дружная семья – это тыл, который позволяет жить полноценной жизнью, расти и развиваться. В наши дни словосочетание «семейные традиции и ценности» воспринимается как что-то взаимосвязанное и неразрывное. Для формирования семейных ценностей у младших школьников необходимо уточнить данное понятие.

Семейные ценности – это обычаи, традиции, нормы поведения и взгляды, которые передаются из поколения в поколение [4]. Это основополагающие принципы, на которых строится вся жизнь семьи. Вопросам семьи и брака в своих трудах уделяли внимание многие отечественные ученые (Л.А. Абрамян, С.Т. Агарков, И.С. Бестужев-Лада, В.Н. Дружинин, С.И. Голод, М.С. Мацковский, И.С. Кон, Н.Я. Соловьев). При этом стоит отметить, что в последние годы произошли перемены, которые негативно влияют на стабильность семьи и влекут за собой кризис традиционных устоев. Специалисты в своих работах пишут о данной проблеме и отмечают, что многие семьи перестали выполнять свои социальные функции, произошла утрата семейных ценностей, снижается значимость отцовства и материнства. Дети нередко воспитываются в неполных, неблагополучных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации семьях. И это уже не редкость, а зачастую норма сегодняшнего времени.

В трудах А.Г. Вишневого, Г.Г. Дилигенского, А.Б. Любимовой, М.С. Мацкого, Т.В. Свадьбиной изменения в семейно-брачных отношениях рассматриваются как типичные явления для всех индустриально-развитых стран, которые совершают переход к новому типу цивилизации.

Если обратиться к требованиям Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России, то мы найдем положения, связанные с социализацией и воспитанием, где отражены важнейшие позиции по укреплению и популяризации семейных ценностей и традиций, а также воспитание семейной культуры.

Педагогу, который участвует в формировании семейных ценностей у младших школьников, следует обратить особое внимание на решение следующих задач:

– формирование убеждения младших школьников в ценности семьи, уважения к семейным традициям, свойственным родной культуре;

– отбор материала для усвоения детьми знаний о семейных традициях, обогащение лексикона учащихся словами и речевыми оборотами на тему «Семья»;

– совершенствование просветительской, информационной, воспитательной деятельности, направленной на понимание и принятие младшими школьниками семейных ценностей.

Сказанное показывает, что необходима специальная организация процесса приобщения школьников к семейным ценностям, поскольку социальный опыт, заложенный в культуре, не наследуется человеком через гены, а усваивается в процессе образования [2]. Школа может помочь ученикам осознать важность и ценность семьи для человека, а педагог, в свою очередь, должен культивировать у учеников знания и совокупность представлений о семье. Это в полной мере относится к начальной школе. Младший школьный возраст – это период позитивных преобразований в структуре личности ребенка. Именно в этом возрасте личность наиболее открыта влияниям. Дети, родители и учителя становятся активными участниками поиска решения важнейших задач, направленных на возрождение и укрепление социального института семьи. Данные задачи можно решать на уроках русского языка.

Художественная литература и фольклор – мощные средства воспитания и формирования личности и её отношения к миру и с миром. Изучение устного народного творчества в этом процессе занимает особое место. Создавая художественный мир, русский народ исходил из представления о том, какой должна быть счастливая жизнь на земле. Это представление о лучшей жизни и о хороших людях прошло вековые испытания и выражается в общенародных идеалах. Сказанное в полной мере относится к малым жанрам фольклора – к небольшим по объёму фольклорным произведениям: пословицам, потешкам и т.д.

Развиваясь на протяжении столетий, русский фольклор отразил не только существовавшие формы брака и семьи, но и особенности семейных отношений русского народа. Эти ценности на уроках русского языка учитель демонстрирует на примере русских народных пословиц, поговорок, прибауток, потешек, содержания которых не только выступают как нравственное напутствие, но и служат дидактическим материалом для развития речи младших школьников, средством обогащения их лексического запаса и источником собственной речи.

Русский педагог К.Д. Ушинский отмечал в своих работах, что в начальной школе первыми нужно изучать малые фольклорные жанры [5]. А.М. Горький советовал: «Собирайте наш фольклор, учитесь на нём, обрабатывайте его. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем более глубоко и радостно поймём великое значение творимого нами настоящего» [5].

Все жанры устного народного творчества, являясь средствами народной педагогики, направлены на нравственное воспитание подрастающего поколения, на формирование женственности у девочек и мужественности у мальчиков. Одна из целей изучения малого фольклора на развития речи – привить учащимся определенные оценки явлений действительности, жизненного поведения человека. Это можно реализовать в рамках работы по написанию сочинений-рассуждений на материале пословиц, поговорок и прибауток (например, на такие темы: «В родной семье и каша гуще», «Семьей дорожить – счастливым быть», «Человек без семьи что дерево без плодов»). Работая над ними, дети знакомятся с исконными ролями матери и отца, бабушки и дедушки и узнают о том, что в семьях принято уважать своих близких и помогать им. Знание пословиц и поговорок обогащает детей и их речь, делает их более внимательными к слову, к языку.

Важно научить младшего школьника слушать и вслушиваться в фольклорный сюжет, понимать его содержание, рассуждать и думать над проблемными вопросами. С этой целью на уроках развития речи можно обыгрывать малые формы фольклора, используя красочную наглядность, игрушки и музыкальные инструменты. Учеников, особенно маленьких, надо учить играть.

Упражнение – вид учебной деятельности учащихся, ставящий их перед необходимостью многократного и вариативного применения знаний в различных связях и условиях с целью усовершенствования умений и навыков. В младшей школе мы предлагаем следующие виды упражнений с пословицами и поговорками в рамках работы над развитием речи на уроках русского языка.

Упражнения, приведенные ниже, были разработаны с опорой на классификацию упражнений Григория Наумовича

Приступы [3]. Помня о том, что Г.Н. Приступа выступал за систематическую с последовательную работу по развитию речи на каждом уроке русского языка [3, с. 312], уточним, что предложенные нами упражнения можно применять на уроках изучения лексики, морфологии и синтаксиса.

1. Восстановите пословицы и поговорки, подобрав к ним соответствующие сравнения. Выбери две пословицы и расскажи, как ты их понимаешь. По классификации Г.Н. Приступы, данное упражнение можно отнести к *пропедевтическим*.

❖ <i>В родной семье и каша ...</i>	○ <i>(гуице)</i>
❖ <i>Вся семья вместе, так и ...</i>	○ <i>(душа на месте)</i>
❖ <i>Выбирай жену не в хоро- воде, а в ...</i>	○ <i>(огороде)</i>
❖ <i>Для внука дедушка – ум, а бабушка – ...</i>	○ <i>(душа)</i>
❖ <i>Мать всякому делу...</i>	○ <i>(голова)</i>
❖ <i>Моя семья – моё ...</i>	○ <i>(богатство)</i>
❖ <i>Послушному сыну отцов приказ не ломит ...</i>	○ <i>(спину)</i>

2. Словарно-лексическая и грамматическая работа на материале пословиц. Детям предлагается задание выписать из предложенных пословиц имена существительные, пояснить их значение, назвать многозначные слова и подчеркнуть в них изученные орфограммы. После этой работы учитель просит пояснить смысл пословицы с помощью вопроса: *Чему учит пословица?*

Добро по миру не рекой течёт, а семьёй живёт.

На что и клад, если в семье лад?

Земля без воды мертва, человек без семьи – пустоцвет.

Материнская молитва со дна моря достаёт.

3. Сопоставление частей пословицы. При выполнении этого задания следует обратить внимание учеников на мелодику, красоту и мудрость народного слова, выразительность и строгость формы, благозвучие, ритмику. По классификации Г.Н. Приступы, данное упражнение можно отнести к творческим упражнениям, так как оно развивает мышление, память и формирует умение самостоятельно строить связное высказывание.

<i>В одной суме – да разные де- нежки... В родной семье... Вся семья вместе, так ... Семьей дорожить –... Любящая мать – ... В хорошей семье... Дерево держится корнями, ... Согласную семью... При солнышке тепло, ... Отца с матерью не почита- ешь, ... Семья – ... Семья в куче, ...</i>	<i>и душа на месте в одной семье – да разные де- тушки и каша гуще счастливым быть никого не уважаешь не страшна и туча душа семьи и украшение жизни хорошие дети растут опора счастья при матери добро а человек семьей и горе не берет</i>
--	--

4. Работа с антитезой и сопоставлением. Антитеза – одно из наиболее характерных художественных средств фольклора. Учитель предлагает детям определить, что противопоставляется или сопоставляется в пословицах и почему. Данное упражнение, по классификации Г.Н. Приступы, можно соотнести с закрепительными упражнениями, которые формируют умения школьников использовать теоретические сведения по изученной теме «Художественное средство выразительности – антитеза» в практике. При выполнении упражнения формируется выделять признаки изучаемых языковых явлений.

Человек без семьи, что дерево без плодов.

Не будет добра, коли в семье вражда.

Когда нет семьи, так и дома нет.

Земля без воды мертва, человек без семьи – пустоцвет.

В дружной семье и в холод тепло.

Мать кормит детей, как земля людей.

5. Совершенствования орфоэпической культуры. Пословицы и поговорки являются важным материалом для обучения нормам произношения. Внутренняя рифма созвучия помогает запомнить норму. Можно проговаривать в разном ритме, с разной интонацией, использовать музыкальные инструменты (деревянные ложки, трещотки, барабан и др.) для создания ритма. Согласно классификации Г.Н. Приступы, данное упражнение можно соотнести с повторительно-обобщающим упражнением.

Семья в ку(че), не страшна и ту(ча).
Семья силь(на), когда над ней крыша од(на).
Добро по миру не рекой теч(ёт), а семьёй жив(ёт).
На что и (клад), если в семье (ла).
Намеки да попре(ки) – семейные поро(ки).
Семьей доро(жить) – счастливым (быть).
В семье раз(лад), так и дому не (рад).

6. Написание сочинения-миниатюры по пословице о семье. Данное упражнение относится к творческим упражнениям, по классификации Г.Н. Приступы, так как оно связано с развитием мышления и памяти. В рамках работы ученики самостоятельно строят связное высказывание.

- ❖ *При солнышке тепло, при матери добро.*
- ❖ *Семьей дорожить – счастливым быть.*
- ❖ *Семья сильна, когда над ней крыша одна.*
- ❖ *Человек без семьи, что дерево без плодов.*
- ❖ *Для матери ребенок до ста лет дитёнок.*

Каждое рассмотренное упражнение основано на работе с малыми фольклорными жанрами в рамках урока русского языка. Данные упражнения позволяют ученикам осознанно овладеть семейными ценностями, а также качественно развить свои речевые навыки. Следовательно, фольклор для подрастающего поколения – это ориентир, проверенный временем, уходящий своими корнями в историю народа.

Г.Н. Приступа был выдающей личностью. С течением времени, и особенно с переходом школы на обучение по федеральным образовательным стандартам, в методике русского языка появились и появляются новые идеи и подходы, но идеи профессора Г.Н. Приступы не теряют своей значимости и методической ценности в настоящее время.

Литература

1. Демидова Н.И., Богданова Е.С. Г.Н. Приступа. Человек, учитель, ученый // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А.Есенина. 2015. №3(48). С. 19-27.
2. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта: Наука, 2002. 400 с.
3. Приступа Г.Н. Краткий курс методики русского языка. Рязань: [б. и.], 1975. 379 с.

4. Щекина О.А. Теоретические обоснования формирования семейных ценностей у школьников // Формирование семейных ценностей у детей среднего школьного возраста средствами образовательной деятельности: Методическое пособие. СПб., 2015. С. 6-14.

5. Яковлева И.А. Русский фольклор и его роль в умственном развитии детей // Молодой ученый. 2014. № 10 (69). С. 463-465.

УДК 372.881.161.1

С.А. Мязитова (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.п.н. доц. Г.Н. Тулузакова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

Статья посвящена проблеме преподавания русского языка в условиях пандемии. Рассматривается вопрос использования инновационных технологий при дистанционном обучении. Описаны случаи применения информационно-коммуникационных технологий на уроках русского языка в средней общеобразовательной школе. Основой исследования послужили новейшие методические разработки и Интернет-ресурсы по данной теме. Статья содержит результаты эксперимента, доказывающего справедливость сделанных выводов.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, дистанционное обучение, инновационные технологии, информационно-коммуникационные технологии.

The article is devoted to the problem of teaching Russian in the context of a pandemic. The article considers the use of innovative technologies in distance learning. The article describes the cases of using information and communication technologies in Russian language lessons in secondary schools. The research was based on the latest methodical developments and Internet resources on this topic. The article contains the results of an experiment proving the validity of the conclusions.

Keywords: methodology of teaching Russian, distance learning, innovative technologies, information and communication technologies.

Внедрение федеральных государственных стандартов нового поколения определяет приоритетные цели и задачи, решение которых требует высокого уровня качества образования.

Сегодня общество заинтересовано в учениках с развитыми познавательными потребностями. Для подготовки таких учащихся педагогам необходимо использовать в обучении современные технологии – системные методы создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящие своей задачей оптимизацию форм образования [1; с. 6].

Требования времени подталкивают учителей к использованию современных образовательных технологий. На первый план выходит концепция дистанционного обучения – новая форма образовательного процесса, при которой используются лучшие традиционные и инновационные методы, средства и формы обучения, основанные на компьютерных и телекоммуникационных технологиях [2; с. 17]. Учитывая сложившуюся в мире ситуацию, мы считаем информационно-коммуникационные технологии наиболее актуальными.

Нами произведен анализ новейших исследовательских разработок по данной теме, которые положен в основу создаваемого учебного комплекса с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Апробация учебного комплекса проведена в шестых классах.

Основными формами проведения дистанционных занятий являются веб-занятия и мультимедиа-лекции.

Веб-занятия – это дистанционные уроки, конференции, семинары, деловые игры, лабораторные работы, практикумы и другие формы учебных занятий, проводимые с помощью средств телекоммуникаций и среды Интернет. Для проведения подобного рода занятий используются специальные платформы (например, Zoom или Microsoft Teams), позволяющие устанавливать аудио- и видеосвязь с учениками. Веб-занятия могут быть дополнены мультимедийными приложениями, демонстрирующими те или иные правила русского языка. В 5-6-ых классах учитель сам организует конференции, объясняет учащимся, как пользоваться той или иной онлайн-площадкой. Старшеклассникам можно предоставить возможность самостоятельно организовать тематические конференции, например, на этапе закрепления полученных знаний.

Мультимедиа-лекции – это интерактивные обучающие программы для самостоятельной работы учащихся. Это учебные пособия, в которых теоретический материал благодаря использованию мультимедиа средств структурирован так, что каждый обучающийся может выбрать для себя оптимальную траекторию изучения материала, удобный темп работы над нужной темой и способ её изучения.

В качестве средств обучения при работе в дистанционном формате используются электронные учебники, обучающие образовательные онлайн-площадки, электронные библиотеки, то есть всё, что помогает учащимся осваивать школьную программу не выходя из дома. Приведём несколько примеров.

Образовательная онлайн-площадка *learningapps.org* позволяет создавать интерактивные задания разных уровней сложности: викторины, кроссворды, пазлы, игры. Простой в освоении сервис будет актуальным как для основной школы, так и для среднего звена. Например, для пятых-шестых классов учитель-предметник может создать игру, посвящённую закреплению той или иной темы. Так, нами был создан комплекс упражнений и разноуровневых заданий, позволяющий шестиклассникам усваивать лексические темы, например, «Займованные слова». Десятиклассникам было предложено самостоятельно создать игру, направленную на улучшение качества знаний по пройденным темам.

Благодаря этому сервису учащиеся получают знания не только по русскому языку, но и имеют возможность познакомиться с некоторыми приемами разработки компьютерных игр.

Сайт *childdevelop.ru* даёт учащимся возможность развивать языковые и коммуникативные навыки, тренировать память и ум с помощью выполнения различных заданий. Самым интересным, на наш взгляд, на данном сайте является генератор кроссвордов, который использовался нами в качестве творческого домашнего задания. Такую форму работы можно применять и на этапе контроля полученных знаний. Можно использовать генератор двумя способами: учитель отправляет учащимся ссылку на пустой кроссворд, который нужно заполнить, отвечая на вопросы, приведённые после него, или предлагает школьникам проявить себя и самостоятельно составить

кроссворд. Лучшие кроссворды, созданные учениками, можно рассмотреть на уроке.

Российская образовательная онлайн-платформа Учи.ру разработана профессиональными методистами и специалистами по детскому интерфейсу и учитывает скорость и правильность выполнения заданий, количество ошибок и поведение учеников. Для каждого ребёнка система автоматически подбирает персональные задания и устанавливает необходимый уровень сложности. На наш взгляд, в условиях дистанционного обучения эта платформа – настоящая находка для учителей, учеников и их родителей.

К методам и приёмам организации дистанционных уроков русского языка можно отнести объяснительно-иллюстративный, частично-поисковый, проблемный, исследовательский.

Анализ разных источников показывает, что современным школьникам трудно работать с учебником самостоятельно, поэтому мы считаем целесообразным рекомендовать учителям русского языка и литературы современные образовательные технологии.

Разнообразие современных образовательных технологий позволяет учителю выбрать для работы с учащимися именно те, которые помогут в полной мере реализовать поставленные цели и способствовать развитию обучаемых [3; с. 87].

Во время дистанционного обучения мы пришли к выводу, что 80% учащихся склонны усваивать новую информацию с помощью визуального канала восприятия, поэтому некоторая информация должна преподноситься с помощью визуальных средств, а также в интерактивной форме с использованием современных технических возможностей. Следовательно, информационно-коммуникационные технологии будут иметь положительный эффект.

В последние годы в образовании отдаётся приоритет робототехнике, программированию и прочим современным информационным технологиям. Мы считаем, что учителя русского языка также должны применять информационно-коммуникационные технологии для повышения интереса учащихся к предметам филологического цикла.

Литература

1. Современные педагогические технологии: учебное пособие для студентов-бакалавров, обучающихся по педагогическим направлениям и специальностям / Автор-составитель О.И. Мезенцева; под ред. Е.В. Кузнецовой. Новосибирск: Немо Пресс, 2018. 140 с.
2. Теория и практика дистанционного обучения: учеб. пособие для студ. высш. пед. учебн. заведений / Под ред. Е.С. Полат. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 416 с.
3. Кирилина Л.И. Современные технологии обучения русскому языку как средство повышения качества образования в условиях модернизации и профессиональная компетентность учителя // Современные наукоемкие технологии. №6. М., 2005. С. 82–88.

УДК 372.882

П.Ю. Никанорова (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.п.н. доц. М.Е. Старостина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА САМАРСКОГО КРАЯ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ В 7-8 КЛАССАХ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В данной статье рассматриваются варианты реализации метода проектов на уроках литературы. Представленный алгоритм работы описывает не только деятельность учителя, но и обучающихся. Материал, изложенный в статье, будет полезен для педагогов и студентов.

Ключевые слова: метод проектов, проектная технология, творческий проект, информационный проект, предания Самарского края.

The article describes options for implementing the project method in literature lessons. The paper describes the activities of teachers and students. The material presented in the article will be useful for teachers and students.

Keywords: project method, project technology, creative project, information project, legends of the Samara region.

В настоящее время встает необходимость обращения к опыту народа с целью эстетической оценки произведений фольклора и изучения нравственных ориентиров, заложенных в них. Для эффективности образовательного процесса с целью

формирования общекультурных компетенций об устном народном творчестве Самарского края у обучающихся средних классов необходимо применение инновационных технологий. Их использование при изучении жанров фольклора остается одним из вопросов модернизации подходов в области методики обучения литературе и совершенствования педагогических подходов, приёмов и средств обучения. В связи с этим современный учитель должен владеть компетенциями по организации учебно-воспитательного процесса и реализации инновационных технологий в соответствии с требованиями ФГОС [11], «Законом об образовании в РФ» [12] с целью формирования у обучающихся представлений о фольклоре родного края как основной культурной ценности народа. Такой инновационной технологией является проектная технология.

В настоящее время использование проектной технологии на уроках литературы считается перспективным подходом в реализации учебной дисциплины в школе.

Основоположителем проектной технологии («метода проектов») является американский педагог Джон Дьюи, У. Килпатрик, С.Т. Шацких. Классификация проектов дана Э. Коллингом, Е.С. Полат, Г.К. Селевко и др. Мы опираемся на классификацию Г.К. Селевко, который выделяет следующие типы учебных проектов [6]:

1. Исследовательский. Данный типа проекта предполагает проведение ряда мероприятий, направленных на доказательство актуальности темы, определение проблемы, предмета и объекта исследования, выдвижение гипотез, что по своей структуре напоминает целое научное исследование.

2. Творческий. Он не предполагает проработанной системы шагов, особое внимание уделяется конечному продукту. Это может быть буклет, стенгазета, рисунок или праздник.

3. Информационный. Схож с исследовательским проектом и является его составной частью, преследует аналогичные цели, требует детальной разработки и презентации.

4. Социально-значимый. В этом типе проекта делается акцент на результате деятельности, направленной на интересы какой-либо группы людей. Данный вид проекта предполагает разделение ролей участников, плана действий.

5. Телекоммуникационный проект. Он является разновидностью социально-значимых проектов и подразумевает совместную учебно-познавательную, творческую или игровую деятельность обучающихся-партнёров, которая основана на компьютерной коммуникации.

В силу того что педагогу требуется за ограниченное количество времени получить образовательные результаты, целесообразно использовать на уроке краткосрочные, групповые и монопроекты. В свою очередь, на уроках внеклассного чтения учитель в полной мере может реализовать творческий потенциал обучающихся. В этом ему помогают долгосрочные, групповые, индивидуальные и межпредметные проекты. Проведение занятий в кружке открывает ещё больше возможностей по реализации проектной технологии. Такие проекты могут быть масштабнее в отличие от тех, которые проводятся на уроках литературы или внеклассного чтения, более продолжительными, иметь международный уровень. Каждый тип проекта перспективен и может быть реализован в разных формах обучения. Главное, чтобы обучающиеся были мотивированны и вовлечены в работу над проектом, где они могут проявить инициативность и самостоятельность.

Рассмотренные виды проектов возможно реализовать на уроках литературы, внеклассного чтения и занятиях кружка в процессе изучения фольклора, особенно преданий о Степане Разине в 7-8 классах.

Примерная программа и рабочая программа по литературе под редакцией В.Я. Коровиной [5] рекомендуют к изучению жанр преданий в 7-8 классах. Предания как фольклорный жанр, методику их изучения рассматривали С.Н. Азбелев [1], Н.А. Криничная [4], В.К. Соколова [7], М.Е. Старостина [8, 10] и другие. Опыт использования проектной технологии на уроках литературы и внеклассного чтения по изучению фольклора Самарского края описан в статье М.Е. Старостиной [9], где приведены примеры творческого, издательского, художественно-оформительского и театрализованного проектов.

Мы рассмотрели фольклорный материал и заинтересовались проблемой изучения преданий родного края о Степане Разине. Интерес продиктован тем, что в фольклоре Самарского

края, в частности, в преданиях и легендах, данная историческая личность воспринимается народом по-разному. Он представлен и как герой, и как атаман – предводитель волжской вольницы, и как чародей, и как человек со своими переживаниями и думами – словом, Степан Разин представлен народом как личность неординарная. Фольклорные источники, на которые мы опирались, это сборники «Степан Разин на Волге», составленный собирателем М.А. Емельяновым (1939) [2], «Жемчужины Жигулей» (1978), составленный Степаном Кузьменко [3].

Мы предлагаем изучать предания Самарского края на уроках внеклассного чтения в 7-8 классе в соответствии с рабочей программой под редакцией В.Я. Коровиной [5].

Для системности нами разработан общий алгоритм по реализации проектов в 7-8 классах при изучении преданий Самарского края.

Таблица 1

Алгоритм проекта	Деятельность учителя	Деятельность обучающихся
1. Определение темы проекта	Отбирает возможные темы и предлагает обучающимся; помогает в определении темы проекта.	Обсуждают и принимают решение по выбору темы. Самостоятельно предлагают возможные темы проектов.
2. Формирование творческих групп	Помогает организовать творческие группы.	Самостоятельное распределение по группам, распределяют роли внутри группы.
3. Формулирование целей и задач	Помогает в формулировании целей и задач проекта.	Самостоятельно или с помощью учителя определяют цели и задачи проекта.
4. Формулирование вопросов, на которые нужно ответить; заданий для творческих групп	Направляет обучающихся при формулировании вопросов, на которые будет отвечать проект. Предлагает задания для каждой творческой группы.	Самостоятельно или с помощью учителя принимают решения.

5. Сбор информации	Подсказывает источники, которые соответствуют теме проекта, направляет.	Подбирают источники информации по теме.
6. Исследование	Наблюдает за ходом работы, направляет, косвенно участвует в организации и выполнении проекта, мотивирует учащихся, контролирует ход деятельности, вносит корректировки.	Выполняют работу в соответствии с намеренным планом действий. При необходимости консультируются с учителем.
7. Презентация результатов	Организует презентацию проектов. При необходимости привлекает других учителей, родителей.	Оформляют конечный продукт, презентуют и защищают его.
8. Оценка	Оценивает работу учащихся. Задаёт вопросы, отмечает что получилось лучше всего, а что ещё нуждается в доработке.	Анализируют и оценивают получившиеся результаты, задают вопросы, высказывают свое мнение, критику, а также осуществляют самоанализ.

Цель: познакомить обучающихся 7-8 классов с преданиями о Степане Разине при помощи проектной технологии. В соответствии с рабочей программой по литературе были определены следующие задачи:

Образовательные задачи:

- формировать навыки работы с текстом фольклорного произведения;
- совершенствовать умения работать с иллюстрациями;
- совершенствовать умение составлять характеристику фольклорного героя;

Развивающие задачи:

- обогащать словарь обучающихся;
- развивать познавательную деятельность обучающихся;
- развивать связную речь обучающихся;

Воспитательные задачи:

- воспитывать интерес к фольклорным произведениям Самарского края;

- воспитывать у обучающихся чувство коллективизма, умение работать в команде.

Приведем примеры проектов. В 7 классе мы предлагаем использовать творческий проект: создание стенгазеты «Степан Разин как историческая личность и герой преданий фольклора Самарского края».

Вызывает интерес семиклассников и творческий проект по изданию рукописного или печатного сборника преданий Самарского края о Степане Разине с иллюстрациями самих обучающихся или иллюстрациями из интернет-источников.

Информационный проект «Образ природы в преданиях о Степане Разине» осуществляется в виде презентации на основе анализа преданий.

В 8 классе мы реализуем исследовательский проект «Интерпретация образа Степана Разина в литературе и преданиях», представляющий собой долгосрочную работу (научно-методическая разработка), предполагающую защиту.

Социально-значимый проект в виде сайта «Степан Разин в фольклоре Самарского края» выполняется восьмиклассниками также долгосрочно.

В процессе выполнения проектов у обучающихся формируются личностные, предметные и метапредметные результаты, среди которых наиболее значимыми являются:

1. Личностные [5, с. 7]:

- формирование коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве со сверстниками.

2. Метапредметные [5, с. 7]:

- умение самостоятельно планировать пути достижения целей, в том числе альтернативные, осознанно выбирать наиболее эффективные способы решения учебных и познавательных задач;

- умение определять способы действий в рамках предложенных условий и требований, корректировать свои действия в соответствии с изменяющейся ситуацией;

- владение основами самоконтроля, самооценки, принятия решений и осуществления осознанного выбора в учебной и познавательной деятельности;

- формирование и развитие компетентности в области использования информационно-коммуникационных технологий.

3. Предметные [5, с. 7-8]:

- формулирование собственного отношения к произведениям литературы, их оценка;

- интерпретация изученных литературных произведений.

Таким образом, изучение фольклора Самарского края является важной составляющей в процессе приобщения обучающихся к культуре, традициям своего региона, а также при обучении родному языку. В процессе изучения фольклорных произведений на уроках литературы, в частности преданий, у обучающихся формируются представления о важных исторических событиях родного края. Использование проектной технологии поможет современному педагогу заинтересовать обучающихся, повысить мотивацию к изучению не только фольклора родного края, но и литературы в целом.

Литература

1. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука: Ленингр. отд-е, 1982. 327 с.

2. Емельянов М.А. Степан Разин на Волге: Народное творчество: Художественные произведения: Сборник. Куйбышев: Куйбышевское обл. гос. изд-во, 1939. 160 с.

3. Жемчужины Жигулей: Легенды, сказы, предания / Сост. и авт. вступ. статьи С. Кузменко. Куйбышев: Кн. изд-во, 1978. 150 с.

4. Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Акад. проект: Гаудеамус, 2004. 1005 с.

5. Литература. Примерные рабочие программы: предметная линия учебников под редакцией В.Я. Коровиной. 5–9 классы: учебное пособие для общеобразовательных организаций / В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин, Н.В. Беляева. М.: Просвещение, 2019. 351 с.

6. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. В 2 т. Т. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.

7. Соколова В.К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.

8. Старостина М.Е. Использование литературно-краеведческих материалов при изучении жанра преданий в 7 классе // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т.10. №6-1. С. 81–88.

9. Старостина М.Е. Использование проектной технологии на уроках литературы и внеклассного чтения // Проблемы современного филологического образования: Сборник научных статей. Выпуск XVIII / Отв. ред. В.А. Коханова. М.: МГПУ, Ярославль: Ремдер, 2020. С. 151–157.

10. Старостина М.Е. Фольклор Самарского края как содержание регионального компонента литературного образования в средних классах // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т.12. №3-1. С.49–54.

11. Федеральные государственные образовательные стандарты // [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/> (Дата обращения: 20.12.2020).

12. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения: 20.12.2020).

УДК 372.881.161.1

Е.Ю. Салкеева (г. Павлодар, Казахстан)
Научный руководитель д.ф.н. проф. А.Е. Агманова

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА АССОЦИАЦИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Павлодарский педагогический университет

В данной статье рассматривается применение ассоциативного метода на уроках русского языка и литературы в качестве эффективного способа активизации деятельности учащихся, лучшего усвоения учебного материала. Наблюдения автора основаны на анализе учебной программы по русскому языку и литературе. Информация, содержащаяся в статье, будет полезна в методике преподавания не только русского языка и литературы, но и других предметов школьного курса.

Ключевые слова: ассоциативный метод, инновации, клиповое мышление, творческое мышление, память

This article examines the use of the associative method in the lessons of the Russian language and literature as an effective way to enhance the activities of students in the classroom, better assimilation of educational material. The author's observations are based on an analysis of the

Russian language and literature curriculum. The information contained in the article will be useful in teaching methods not only in the Russian language, literature, but also in other subjects of the school course.

Keywords: associative method, innovation, clip thinking, creative thinking, memory

На данном этапе человечество находится в процессе глобальных перемен, больше не приходится ждать былой предсказуемости: «Мы меняем подходы к обучению, в связи с тем, что в новом столетии под влиянием происходящих процессов и изменений люди не только сталкиваются с необходимостью приспосабливаться к внедрению инновационных технологий, к исчезновению многих традиционных видов деятельности, но и необходимости радикально обновлять себя» [3, с. 21].

В настоящее время количество информации, которую учащийся должен удержать в своей памяти, прямо пропорционально количеству времени, затраченному на ее запоминание, и связано это не только с большей нагрузкой на ученика, но и с новой проблемой – клиповым мышлением, которое препятствует эффективному обучению по всем направлениям и, в частности, обучению русскому языку и литературе.

Клиповое мышление – это восприятие мира через короткие яркие образы, «...которое подразумевает под собой способность индивида воспринимать мир в виде коротких ярких образов, так называемых видеоклипов» [1].

Опасность клипового мышления в том, что у обучающегося возникают сложности с концентрацией, неспособность к анализу, к построению логических цепочек, трудности с определением главного и второстепенного, неспособность сделать вывод, как следствие – низкая успеваемость. Все эти проблемы можно и нужно решать в школе. Как же направить ученика на осознание имеющейся проблемы и помочь ему ее преодолеть? На помощь педагогам приходят инновационные методы преподавания. Среди множества современных методов обучения можно выделить метод ассоциаций. Применение данного метода способствует преодолению учащимися клипового мышления. Суть метода в устанавливающейся между словами или объектами определенной связи, которая помогает

объединить эти слова в единое целое. Особенностью памяти человека является запоминание тех фактов, которые уже как-то связаны между собой. При этом связи, возникающие между словами, предметами, явлениями, могут быть самыми разными, главное – значимость их для человека. Безусловно этот процесс мышления более сложен, чем простое заучивание, но и более эффективен для долговременного хранения информации в памяти.

Ассоциативные образы, формирующиеся в сознании на протяжении жизни учащегося, помогают решать поставленные перед ним учебные задачи. Взаимосвязь образных характеристик различных объектов делает метод ассоциаций основной продуктивной деятельности. Существует определённое требование к образам: они обязательно должны быть связаны каким-то общим признаком.

Ассоциативная связь может быть по: форме, цвету, месту расположения, звуку, действию, вкусу, материалу, назначению, количеству. Формирующееся творческое воображение при использовании метода развивает образно-ассоциативное мышление, и оттачивает мыслительный процесс учащегося. Эффективность данного метода можно проследить и по все более набирающим популярность таким техникам запоминания, как мнемоника или мнемотехника. Но несмотря на это универсальной методики запоминания, которая подошла бы для всех, не существует. Каждый человек накапливает собственный теоретический и практический опыт, придумывает свои оригинальные решения этой проблемы.

Применение данного метода в учебной деятельности активизирует учащихся, снимает страх ошибки, так как ассоциативные связи сугубо индивидуальны, главное, чтобы учитель не навязывал детям своих ассоциаций.

Метод применим на разных стадиях урока от стадии вызова до рефлексии. На стадии вызова можно предложить учащимся подобрать ассоциацию к понятию, явлению, заложенному в тему урока, либо ассоциацию к названию произведения. Основной целью применения метода на стадии вызова будет заинтересованность учащихся, концентрация их внимания

на теме, проблеме изучаемого произведения. В течение некоторого времени учащиеся самостоятельно обдумывают предложенную тему или проблему и записывают свои соображения, все, что первым придет на ум. Затем учащихся можно объединить в пары с целью обмена своими ассоциациями по поводу предложенной темы. После обсуждения дети оглашают свои мнения, а учитель записывает их на доске. После того как все предложения записаны, учитель предлагает выбрать те, которые считают наиболее удачными с точки зрения обсуждаемой проблемы или темы. Результат применения метода – активизация знаний учащихся по изучаемой теме, пробуждение интереса к изучению учебного материала. Например, на уроке литературы в седьмом классе по рассказам А.П. Чехова, учитель ставит перед учащимися задачу подобрать ассоциации к слову «хамелеон» (варианты ответов учащихся: цвет, камуфляж, обман, измена, переменчивость, приспособление, приспособленчество). Применение метода на данном этапе урока способствует не только концентрации внимания детей на осмыслении названия произведения, но и помогает частично раскрыть проблему рассказа. Сущность применения ассоциативного метода на уроках литературы состоит, как указывает в своей работе О.А. Мелишникова, еще и в том, что систематический анализ ассоциативных ответов учащихся дает возможность учителю оценить состояние и динамику социокультурного развития личности и выявить ценностную ориентацию. Именно эта информация, по мнению автора, имеет для учителя главное значение для направленного воспитательного воздействия на учащегося и дает возможность оценить такие свойства личности учащегося, как нравственные установки, историческое мышление, а также уровень сформированности гражданственности, патриотизма и охранения важных национальных традиций [2].

На уроках русского языка при изучении частей речи можно с успехом использовать метод ассоциаций для лучшего понимания свойства части речи, например, при изучении действительных и страдательных причастий в 7 классе можно использовать небольшой мяч: дети, подкидывая мяч, проговаривают, что мяч летящий (сам летит) [4]. Предмет действует сам,

значит, *летающий* – действительное причастие, а мяч, *подкидываемый* кем-то (мяч испытывает на себе чье-то воздействие) будет страдательным причастием. В таком процессе запоминания задействованы различные виды памяти: зрительная, слуховая, речевая и моторная, что является еще более эффективным для понимания, осмысления и запоминания.

Метод ассоциаций можно использовать на уроках развития речи при подготовке к сочинению или изложению. Учащиеся читают или слушают текст (это может быть письменный текст, речь преподавателя, видеоматериал.) или рассматривают иллюстрацию к сочинению, записывая по ходу работы свои ассоциации. Затем происходит обсуждение ряда ассоциаций, предложенных детьми, определяется, на какой образ они возникли, почему. Также можно предложить учащимся упражнение «Связь ассоциаций», которое было предложено Э. Сарабьян в ее руководстве по ораторскому искусству. Она предлагает технику запоминания последовательности не связанных между собой слов [5]. Суть этого упражнения заключена в связи первых двух и последующих слов с помощью ассоциации. Результатом выполнения таких операций станет связь каждого слова в цепи с предыдущим и последующим словами, являясь звеном в цепи ассоциаций.

Такое осмысление текста, иллюстрации поможет не только лучше запомнить, например, текст изложения, но и выполнить анализ иллюстрации по цветовосприятию, настроению.

На этапе рефлексии ученик формирует личностное отношение к своей деятельности на уроке и фиксировать его можно тоже с помощью метода ассоциаций, который эффективно применяют на данном этапе урока многие учителя. Именно благодаря применению метода ассоциаций происходит глубинное осмысление собственных представлений учащегося с учетом вновь приобретенных знаний. Используя данный метод, учитель здесь выступает как сопроводитель рефлексии учащихся, учит анализировать свою деятельность и отличить деятельность от активности, критически относиться не только к идеям одноклассников, но и к своим собственным.

Благодаря использованию ассоциативного метода на уроке создаётся творческая обстановка, дающая возможность обучающимся самостоятельно оценить свой потенциал, что они смогли, что поняли, над чем еще нужно поработать. Это повышает интерес к предмету, изучаемому материалу, развивает способность творчески мыслить, принимать собственные решения.

Таким образом, развивая творческое мышление учащихся, мы учим детей быть креативными, самостоятельными. Ребенок с развитым творческим мышлением способен генерировать новые идеи, действовать нестандартно, и находить выходы из сложных ситуаций. За такими творческими людьми будущее, ведь они способны преобразить мир, внести новые краски и новое видение.

Литература

1. Амиржанова А.Ш., Скрипникова Е.В. Проблема клипового восприятия студентов начальных курсов факультета искусств // Современные проблемы науки и образования. 2019. №2 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28712> (Дата обращения: 14.12.2020).

2. Мелишникова О.А. Использование ассоциативной методики обучения для анализа ценностной ориентации учащихся средней школы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. №4. С.102–106.

3. Об особенностях учебного процесса в организациях образования Республики Казахстан в 2020–2021 учебном году // Инструктивно-методическое письмо. Нур-Султан: НАО им. И. Алтынсарина, 2020. С. 21–22.

4. Русский ассоциативный словарь // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/> (Дата обращения: 14.12.2020).

5. Сарабьян Э. Научитесь говорить так, чтобы вас услышали // 245 простых упражнений по системе Станиславского // [Электронный ресурс]. URL: <https://stanislavsky245.bib.bz> (Дата обращения: 16.12.2020).

А.А. Михайлова, М.В. Худышева (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.п.н. доц. Ю.А. Белкина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ЛЭПБУК НА ИНТЕГРИРОВАННОМ УРОКЕ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет*

Статья посвящена исследованию технологии создания лэпбука на интегрированном уроке. Данная методика реализуется в ходе разработки системы уроков. Идея (использование лэпбука на уроке) была апробирована на международном конкурсе языкового творчества «Прибыль слов».

Ключевые слова: метод, технология, лэпбук, функциональная грамотность, интегрированный урок.

The article is devoted to the study of the technology of creating a laptop in an integrated lesson. This technique is implemented during the development of the lesson system. The idea (using a laptop in the classroom) was tested at the international competition of language creativity "Pribyl' slov".

Keywords: method, technology, laptop, functional literacy, integrated lesson.

В настоящее время подход к образовательному процессу трансформируется. Изменения возникают в ходе постоянной реорганизации потребностей учащихся и их родителей. В ходе обучения детям необходима постоянная смена форм работы на уроке, поэтому преподаватели в своей педагогической деятельности всё чаще начинают использовать интерактивные модели обучения. Таким образом, на смену традиционным технологиям преподавания приходят инновационные.

Инновации в образовании – «процесс совершенствования педагогических технологий, совокупности методов, приемов и средств обучения. В настоящее время инновационная педагогическая деятельность является одним из существенных компонентов образовательной деятельности любого образовательного учреждения» [1, с. 104].

Инновационные технологии возбуждают у учащихся познавательную и творческую активность, а также позволяют

«создавать, применять и преобразовывать знаки и символы, модели и схемы для решения учебных и познавательных задач» [2].

Одной из таких технологий является создание лэпбука. Лэпбук – это интерактивная книга или папка, позволяющая учащемуся наглядным образом представить свои знания. Среди достоинств в работе с ним можно выделить главные: сенсорное развитие учащегося через дидактические игры (важно для учащихся-кинестетиков), художественно-эстетическое развитие школьника (ученики-визуалы), а также в обеспечении игровой, познавательной, исследовательской и творческой активности учащихся.

Лэпбукинг – это одна из технологий, в основе которой лежит метод проекта. Благодаря применению такой формы работы учащиеся вместе с учителем или самостоятельно могут успешно вести исследовательскую деятельность. Особая заслуга технологии состоит в том, что ребенок в игровой форме учится собирать и структурировать информацию.

Наиболее эффективно реализуется данная технология в рамках интегрированного урока. Интегрированный урок – это тип урока, включающий в себя обучение по нескольким предметам или темам одновременно. Данный тип урока помогает в решении важных воспитательных, познавательных и коммуникативных задач, формирует у учащихся целостное восприятие окружающей действительности.

Таким образом, в ходе урока предполагается выстроить межпредметные связи с русским языком и экономикой. Данный подход к организации урока позволяет познакомить учащихся с понятиями, необходимыми школьникам в жизни. Повышение функциональной грамотности учащегося в настоящее время – актуальный вопрос педагогики. Функциональная грамотность – это основа формирования УУД, комплекс навыков и компетенций, необходимых школьнику для жизни в социуме.

Современное пространство активно трансформируется. Ребенок, выйдя из стен школы, должен уметь адаптироваться к изменениям, происходящим в обществе. Именно поэтому интегрированный урок, нацеленный на повышение уровня речевой культуры и функциональной грамотности при использовании

технологии создания лэпбука, способствует укреплению познавательной активности учащихся и формированию у них стойкой мотивации к учению.

В ходе изучения теоретических сведений, связанных с отдельными аспектами совершенствования обучения и воспитания школьников с позиций межпредметных связей и интеграции в обучении, и разработке практического материала мы опирались на труды учёных-методистов М.Р. Львова, В.Г. Горещкого, Н.Н. Светловской, Ю.М. Колягина, Г.Н. Приступы.

Интегрированный урок с применением технологии создания лэпбука организуется по типу урока-исследования. Целью занятия является повышение уровня речевой культуры и финансовой грамотности школьника, посредством создания лэпбука, включающего словарь новых финансовых терминов, истории возникновения денежных единиц. Данный урок предполагается проводить в 6 классе в рамках темы «Исконно русские и заимствованные слова».

Урок-исследование состоит из мотивационного этапа, этапа формулирования проблемы, собственно исследования и рефлексии.

Процесс создания лэпбука происходит именно на этапе «собственно исследования». Целью введения данного средства является создание мощного наглядного справочного инструмента и особой формы организации учебного материала, а также организации партнерской проектной деятельности учащихся либо учителя и учащихся.

В ходе создания лэпбука выделяется несколько этапов:

1 этап: Разделение класса на две группы, в соответствии с интересами учащихся. Основной метод работы первой группы – частично-поисковый, исследовательский, второй группы – демонстрационный, разработка наглядных материалов.

В качестве заданий для каждой группы, необходимых для достижения поставленной цели, мы предлагаем:

<i>1 группа</i>	<i>2 группа</i>
– работа со словарями, поиск заимствованных слов; – выявление истории происхождения слов;	– создание сюжета сказки (<i>идея предлагается учителями, но ученики могут предложить и свою</i>);

– возможные замены данных слов на новые исконно русские.	– обдумывание оформления лэпбука; – создание интересных интерактивных дополнений к тексту.
--	---

Вся информация, которая помещается в лэпбук, находится с помощью учителя. В качестве рефлексии на данном уроке выступает процесс ознакомления с идеями, предложенными в группах и возможные варианты их реализации в интерактивной книге.

Проектная работа – трудоемкий процесс. Именно поэтому планируется проводить два урока, посвященных теме «Исконно русские и заимствованные слова», а также создание интерактивной книги – лэпбука.

В домашних условиях обучающиеся продолжают работать над поставленными задачами. На данном этапе работы в качестве помощников-тьюторов выступают родители. Привлечение родительского сообщества в активную деятельность с ребенком – важное составляющее современного образования. Таким образом, возникает взаимодействие педагог – ребёнок – родитель.

На втором уроке, посвященном данной теме, предполагается:

- выслушивание новых идей, предложенных учащимися, и их реализация;
- доработка макета лэпбука обеими группами под наблюдением учителя-наставника;
- создание интерактивной книги – лэпбука.

В качестве защиты данного проекта предполагается инсценирование сказки с привлечением родителей.

Данная идея использования технологии лэпбук на интегрированном уроке возникла в ходе участия в международном открытом конкурсе языкового творчества «Прибыль слов». Нами была разработана интерактивная книга «Путешествие принцессы Монеточки и её друга Купюра по стране Банколяндии». Герои – принцесса Монеточка и её друг Купюр – оживают в книге. Любой читатель при просмотре может прикоснуться к интерактивным страницам издания. Задача работы – перевод иностранных финансовых терминов на русский язык

и создание авторского словаря – была воплощена в полной мере. Мы предлагаем современному поколению использовать в своей речи не иностранные финансовые термины, а исконно русские. Например, вместо распространенного «банковская карта» говорить: «САК-карта». В лингвистическом комментарии к новому термину содержится объяснение его применения: «Современный человек уже не мыслит свою жизнь без этого удивительного предмета. Банковская карта – это универсальный инструмент. С помощью неё в настоящее время можно расплачиваться не только в магазинах, но и в Интернете. А самое интересное то, что с недавнего времени карта стала использоваться как пропуск на работу или в учебное заведение. Банковская карта стала системой активного контроля как за деньгами, так и владельцем средств (денег)».

Данная разработка послужила основой для созданий интегрированного урока с применением актуальной на сегодняшний день технологии создания лэпбука.

Стремительный бег времени, развитие науки и образования, изменения в экономической и общественной сферах дают плодородную почву для разработки инновационных форм работы с детьми на уроке. Технология создания лэпбука открывает перед педагогами широкие горизонты в реализации не только творческих идей, но и важных педагогических задач. С применением такого метода учащиеся учатся создавать, работать в группе, взаимодействовать со всеми участниками процесса (учителями, родителями, одноклассниками), находить способы решения задач. Поэтому интегрированный урок с применением лэпбука является перспективным вариантом в системе новых технологий обучения.

Литература

1. Махмутова М.В., Давлеткиреева Л.З. Инновационный подход к технологии подготовки ИТ-специалиста в университете // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2013. № 2. С. 103–16.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 03.12.2020).

Л.И. Шаповалова, Н.А. Хоруженко
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
Научный руководитель д.п.н. проф. Л.И. Шаповалова

МОДЕЛИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

В статье дается определение смешанному обучению, рассматриваются основные модели смешанного обучения. Приводятся рекомендации для эффективного применения моделей смешанного обучения в образовательном процессе.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, смешанное обучение, модели смешанного обучения, компоненты смешанного обучения.

This article gives a definition of blended learning, examines the main models of blended learning. Recommendations for the effective use of blended learning models in the educational process are given.

Keywords: information and communication technologies, blended learning, blended learning models, blended learning components.

Для современного этапа образования характерно широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). ИКТ интегрированы в образовательный процесс, позволяют изменять формы педагогической деятельности, оказывая при этом положительное влияние на образовательный процесс. Использование ИКТ в образовательном процессе – неотъемлемая и важная составляющая смешанного обучения. Под смешанным обучением понимается организация образовательного процесса, в рамках которой преподаватель прибегает к очно-заочным формам обучения [7, с. 541]. В основе смешанного обучения находится концепция объединения традиционной образовательной системы с технологиями электронного обучения, базирующихся на новых методических и дидактических возможностях.

Смешанное обучение способствует решению следующих задач:

– расширение образовательного потенциала обучающихся осуществляется за счет гибкости образовательного

процесса, а также за счет темпа освоения образовательной программы;

- повышение мотивации и самостоятельности у обучающихся, рефлексии и самоанализа, что делает образовательный процесс более эффективным;

- видоизменение стиля преподавателя, наблюдается переход от простой трансляции знаний к интерактивному взаимодействию, позволяющему обучающимся самостоятельно конструировать собственные знания;

- самостоятельное определение учебных целей и способов их достижения, при этом учитываются интересы обучающихся, их потребности и способности. Преподаватель выступает в роли помощника обучающегося [3, с. 142].

Как отмечает Т.И. Краснова, обучение, реализуемое в виртуальной среде, развивает у обучающихся учебную автономию, которая способствует переходу к индивидуализации образовательного процесса [4, с. 11]. Кроме того, благодаря технологиям смешанного обучения образовательный контент представляется вне времени и места, он- и оффлайн элемент делает обучение более эффективным и удобным, а образовательный процесс отличается своей интерактивностью и личностно-ориентированным подходом.

Выделяются следующие модели смешанного обучения:

1. Модель «*Face-to-Face Driver*»: в рамках которой большая часть образовательной программы разбирается в школе, преподаватель непосредственно взаимодействует с обучающимися, использование электронного обучения возможно в качестве дополнения к основной образовательной программе.

2. Модель «*Rotation*»: для освоения учебного материала преподаватель чередует способы работы, наблюдается распределение времени между очными занятиями с обучающимися и их индивидуальным онлайн обучением.

3. Модель «*Flex*»: преподаватель использует преимущественно электронный формат обучения, данную модель характеризует наличие индивидуального расписания, обучающиеся выполняют задания в небольших группах, преподаватель организует групповые проекты.

4. Модель «Self-blend» (модель «учебного меню»): данная модель позволяет обучающимся принять участие в дополнительных онлайн-курсах, обучающиеся могут проходить выбранные онлайн-курсы как в учебном заведении, так и вне стен образовательного учреждения. Данные онлайн-курсы являются асинхронными, что позволяет обучающимся выполнять задания курса в любое удобное для них время.

5. Модель «*Enriched-Virtual model*» (виртуально обогащенная модель): данная модель характерна для работы всего образовательного учреждения, обучающимся необязательно ежедневно посещать учебное заведение, данная модель сочетает очный и дистанционный формат занятий [6, с. 61].

Преобладание одной из трех составляющих компонентов смешанного обучения является отличительной чертой каждой представленной модели:

– участники образовательного процесса лично взаимодействуют друг с другом;

– интерактивное взаимодействие с использованием компьютерных технологий и электронных ресурсов;

– самообразование [6, с. 61].

Для того, чтобы смешанное обучения было эффективным, необходимо следовать следующим рекомендациям:

1. Целенаправленность – неотъемлемая составляющая смешанного обучения, преподавателю следует иметь четкое представление о переходах между видами учебной деятельности.

2. Системный подход лежит в основе смешанного обучения, он включает в себя цели и задачи обучения, интересы и потребности обучающихся.

3. Для контроля усвоения образовательной программы преподавателю необходимо разработать систему промежуточного и итогового мониторинга, которая может включать как онлайн тесты, так и проектную деятельность обучающихся.

4. Оптимальное соотношение видов учебной активности обучающихся [5, с. 359].

Одним из главных преимуществ смешанного обучения является создание нелинейной модели обучения, которая не имеет жесткого ограничения во времени, наблюдается

отсутствие авторитарного руководства со стороны преподавателя. Перед преподавателем ставится задача сопровождения деятельности обучающихся, а также создания образовательной среды, способствующей осуществлению успешной учебной деятельности. Смешанная модель обучения позволяет выстроить между преподавателем и обучающимися взаимодействие, базирующееся на принципах сотрудничества и совместных инициатив [2, с. 97]. Смешанная модель обучения ставит перед преподавателем задачу стимулирования интереса обучающихся, повышение мотивации усвоения учебного материала [1, с. 17]. Обучающийся учится понимать механизмы образовательного процесса и самостоятельно ими управлять.

Литература

1. Асадуллина Л.И., Диденко А.В. Средства электронной коммуникации в обучении иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1-2. С. 14–17.
2. Бехтерев А.Н., Логинова А.В. Использование системы дистанционного обучения «MOODLE» при обучении профессионально-иностранному языку // Открытое образование. 2013. №4. С. 91–97.
3. Костина Е.В. Модель смешанного обучения (blended learning) и ее использование в преподавании иностранных языков // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2010 №1(2). С. 141–144.
4. Краснова Т.И. Смешанное обучение: опыт, проблемы, перспективы // В мире научных открытий. 2014. №11. С. 10–26.
5. Логинова А.В. Преимущества использования системы дистанционного обучения “Moodle” при обучении иностранному языку студентов технических специальностей // Вестник науки Сибири. 2011. № 1(1). С. 358–362.
6. Нагаева И.А. Смешанное обучение в современном образовательном процессе: необходимость и возможности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 6. С. 56–67.
7. Banados E. A blended-learning pedagogical model for teaching and learning EFL successfully through an online interactive multimedia environment // CALICO Journal. 2006. №23 (3). P. 533–550.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 811.161.1

М.Д. Бычков (г. Челябинск, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. А.В. Сафонов

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЦЕННОСТНАЯ ДОМИНАНТА В ТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

В статье на примере проявления оппозиции «справедливость / несправедливость» в содержании текстов издания «Деловой квартал» рассматриваются механизмы трансляции общечеловеческой ценностной проблематики в рамках тем, связанных с микро- и макроэкономикой. Аргументируется тезис о том, что в качестве инструментов, обеспечивающих эту трансляцию, выступают контекстуальные факторы, а также содержательные и стилистические особенности высказываний авторов и героев публикаций, расширяющие возможности разных сегментов аудитории соотнести себя с проблематикой текста.

Ключевые слова: медиатекст, экономика, ценности, справедливость, лингвистика.

Using the example of the manifestation of the opposition “justice / injustice” in the content of the texts of the “Delovoy Kvartal” publication, the article examines the mechanisms of broadcasting common human value problems within the framework of topics related to micro- and macroeconomics. The thesis is argued that the contextual factors, as well as the content and stylistic features of the statements of the authors and heroes of publications act as tools providing this broadcast, expanding the possibilities of different segments of the audience to relate themselves to the problems of the text.

Keywords: media text, economics, values, justice, linguistics.

Экономическую тематику в региональных СМИ характеризуют разнонаправленные тенденции, раскрывающие своеобразие лексико-семантических единиц, отражающие смысловые взаимосвязи элементов текста. Данные тенденции глубоко затрагивают аксиологические аспекты публикаций, отражающие ценностные ориентиры, на которых сфокусированы тексты на тему экономики. В рамках нашего исследования мы рассмотрели 30 публикаций в разделе «Мнения» на сайте информационно-аналитического портала «Деловой квартал».

В то же время значимость публикаций экономической направленности заключается в обеспечении эффективного взаимодействия между участниками экономических процессов: государством, бизнесом и населением. В частности, исследованию лексико-семантических аспектов экономической тематики посвящена концепция Н. В. Бондаревой: в ней рассматриваются особенности экономической лексики, характерной для текстов микроэкономической тематики [4, с. 86]. Исследователь описывает три функции экономического дискурса: информативную, оценочную и суггестивную.

Суть информативной функции состоит в том, что тексты масс-медиа сообщают информацию о различных аспектах современной жизни: экономических, социальных, правовых и др. Оценочная функция проявляется в том, что в журналистских текстах в той или иной мере содержится авторская оценка описываемых событий. Суггестивная функция реализуется за счет того, что любой текст онлайн-публицистики содержит явный или скрытый призыв к совершению каких-либо действий, т. е. такие тексты являются одним из способов формирования общественного мнения, убеждения, агитации.

Кроме того, исследователь рассматривает особенности лексики в текстах экономической направленности и функции заголовков. По мнению ученого, предпочтение, как правило, отдается ключевым экономическим терминам широкой семантики и не затрудняющим понимания: национальная экономика, инвестиции, прибыль и др. В русскоязычных экономических медиастатьях с доминирующей информационной функцией фиксируется большое количество заимствований: ликвидность – от англ. liquidity, фьючерсный контракт –

от англ. Futures contract, лизинг – от англ. leasing, каршеринг – от англ. carsharing.

Говоря о лексике онлайн-статей экономической направленности, не стоит забывать о таких лексических единицах, как лексемы-реалии или безэквивалентная лексика. В русскоязычных медиатекстах встречаются такие примеры, как «новые русские», «челночный бизнес». Такие лексические единицы содержат информацию о национальных особенностях экономики той или иной страны в определенный временной период [1, с. 52].

В основу нашего анализа медиатекстов легли лексико-семантические концепты, основной задачей которых является установление способов и средств хранения информации через возможности семантики языка. Базовая характеристика концептов заключается в ценностности, что совпадает с постулатами аксиологии журналистики, рассматривающей тексты журналистов в качестве одного из способов отражения ценностей ее целевой аудитории. Отметим, в рамках лингвокогнитивного подхода исследуются общие закономерности формирования ментальных представлений, от индивидуального сознания к коллективному, от смысла / концепта к его текстовому отражению. В рамках нашего исследования мы выделили несколько ценностных доменов, раскрывающих своеобразие экономической тематики в региональных СМИ: справедливость, честность, чувство патриотизма, приверженность традициям, консерватизм. Мы попытались соотнести эти ценностные домены с особенностями лексики текстов, раскрывающих микроэкономические аспекты.

Так, в ряде публикаций в контексте оценки конъюнктуры рынка проявляется приверженность к традициям и чувство патриотизма. Например, в тексте «Инвесторы выходят из проектов – боятся санкций» [14] отражается стремление граждан к справедливости и желание сохранить свой уклад жизни: «Мне все это напоминает грузинский сценарий – «Революцию Роз». Очень похоже. Но так же не бывает, чтобы все повторялось один в один? Я считаю, однозначно кто-то этим пользуется. Здесь стабильная промышленность, сельское хозяйство. Если сейчас все пустить под откос, можно пограбить и поприватизировать – это же лакомый кусок».

Передача авторского замысла в данном фрагменте осуществляется посредством обращения к историческим событиям и их сравнения с современной ситуацией, а также с помощью апелляции к общечеловеческим ценностям. Кроме того, это способствует формированию положительного образа предпринимательства в сознании широкой аудитории через апелляцию героя интервью к воспоминаниям о событиях, воспринимаемых значительной частью потенциальных читателей как пограние справедливости («пограбить и поприватизировать»). Данный текст демонстрирует ярко выраженную оценочную функцию.

В некоторых случаях проявляется суггестивная функция: автор приводит читателей к мнению, что экономика напрямую зависит от политической ситуации, а смена лидера в текущей обстановке страны может обрушить экономику. Во фрагменте противопоставляется стабильное, но неудовлетворительное политическое положение и неизвестное будущее, которое, безусловно, скажется на повседневном быте людей:

«В Белоруссии действительно не было карантина по коронавирусу. Торговые центры, бары, рестораны – все было открыто. Если бы Лукашенко объявил карантин, экономика Белоруссии точно бы рухнула. И если бы все встало, тогда бы и наступил настоящий кошмар. Такой карантин, как был в России, я считаю чрезмерной мерой. Ничего страшного в Белоруссии не происходило от того, что ограничений не было».

Высказывание содержит слова с ярко выраженной эмоциональной окраской: «экономика [...] рухнула», «настоящий кошмар». Такого рода лексические единицы характерны для речи массовой аудитории. Соответственно, проблематика публикации приближается к интересам / страхам массового читателя. В сочетании с глаголами «пограбить» и «поприватизировать» слова «рухнула» и «настоящий кошмар» создают общее семантическое поле, в котором острое неблагополучие связывается именно с несправедливостью, а протест – с источником этой несправедливости. В данном случае мы видим, как постановка обсуждаемой общественно-политической проблематики в определенный исторический контекст влияет на содержание понятия «справедливость». В качестве справедливых

рассматриваются уже не требования протестующих людей, а тех, кто своими действиями демонстрирует стремление сохранить политическую и экономическую устойчивость.

Противопоставления и сравнения отражают мысль автора об опасности смены власти в стране. Градация усиливает негативный посыл текста: если не прекратить протесты, дальше будет только хуже – экономика страны может прийти к краху. В то же время сослагательное наклонение «если бы» дает почву для предположений и домыслов по теме.

В другом тексте экономику также рассматривают в связке с политикой. «Всем повышают возраст выхода на пенсию и налоги. Но предприниматель, как никто другой, чувствует инфляцию, увеличенный налог НДС и прочие усложнения жизни от "Единой России"» («Политика везде!» Челябинский бизнесмен отвечает коллеге, которому неинтересна Беларусь) [15]. В данном случае оппозиция «справедливость / несправедливость» выражена в двух аспектах. Во-первых, в апелляции к факту повышения пенсионного возраста, которое, по оценкам ряда политологов и социологов, вызвало недовольство большого числа россиян. Здесь мы так же, как и в выше рассмотренном тексте, видим элемент соотнесения проблематики публикации с интересами массового читателя. Во-вторых, в акцентировании внимания на том, что предприниматель гораздо более уязвим, чем даже большинство его совсем не богатых соотечественников. Этот мотив усиливается союзом «но», с которого начинается новое предложение, словесной конструкцией «как никто другой», глаголом «чувствует», лексически противопоставленным стереотипам о предпринимателе как о расчетливом эгоисте.

Как уже отмечалось, мотив поправленной справедливости проявляется в публикациях, затрагивающих микроэкономическую тематику, в контексте влияния коронавируса на экономику страны:

«Ждем волну банкротств. И очень скоро. Что видим? Гражданам нечем платить кредиты. Банки настроены не особенно дружелюбно, прощать должников не хотят. Точнее, не могут, ибо не имеют такой возможности» («Неуклюжие действия государства и банков ставят на колени большую

часть бизнеса в России») [13]. Акцент на массовости («гражданам»), безысходности («нечем платить», «прощать не хотят [...] не могут») усиливается за счет контекста, связанного с эпидемией. Неблагополучие граждан рассматривается автором высказывания не как справедливое следствие их экономической неграмотности, а в качестве результата воздействия непредсказуемых факторов. Статус предпринимателя придает его словам экспертную убедительность, что в контексте оппозиции «справедливость / несправедливость» усиливает эмоциональный фон рассуждений.

Стоит отметить, что экономическая наука исследует феномен человека как субъекта хозяйственной деятельности, а именно: его интересы, потребности, способы их удовлетворения, хозяйственное поведение [5, с. 66]. В рамках экономической теории рассматриваются важнейшие сферы хозяйственной жизни общества: производства, обмена, распределения и потребления. Все эти составляющие затрагивают аксиологическую сторону экономики, рассматривающую ценностно-поведенческие особенности экономических субъектов. Категория справедливости в данном аспекте является одной из ключевых.

Интенциональные концепты одновременно идеоцентричны и антропоцентричны, соответственно, можно говорить об их двойственности: для изданий такого типа, как «Деловой квартал», важен поиск ключевых жизненных закономерностей, объясняющих действительность, однако не менее значимым оказывается и поиск материальных законов существования «обычного», среднестатистического человека.

В целом экономическая журналистика в социокультурном пространстве является одним из ретрансляторов ценностей [3, с. 203]. Обладая мощнейшими средствами распространения и тиражирования информации, она по-прежнему обладает влиянием, сопоставимым с тем, к которому в воспроизводстве и передаче материальных и нематериальных ценностей прибегают социальные институты. На примере публикаций издания «Деловой квартал» мы видим, что даже сосредоточенность на четко очерченной тематике дает авторам возможность обращения к общечеловеческим ценностям. Это позволяет

увидеть взаимосвязи самых разных сегментов социокультурного пространства – от искусства как сосредоточия мировоззренческих проблем бытия человека до таких, казалось бы, сугубо прикладных сфер деятельности, как экономика и финансы.

Литература

1. Амиров В. М. Особенности аргументации в публикациях деловых изданий (на примере материалов газеты «Коммерсант») // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 51–56.

2. Антропова В. В., Грошева А. В., Загидуллина М. В. Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности в медиатизированном обществе: коллектив. монография. Челябинск: Челябинский госуниверситет, 2018. 340 с.

3. Бакиева И. А. Разница между микро и макроэкономикой // Мировая наука. 019. № 4(25). С. 202–205.

4. Бондарева Н. В. Экономическая лексика в онлайн статьях социально-экономической направленности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 85–92.

5. Волкова Е. В. Азы экономики, познавательный аспект // Аллея науки. 2019. № 1 (28). С. 64–67.

6. Демина И. Н. Экономика и журналистика: точки соприкосновения // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 5. С. 68–79.

7. Каяк А. «Корень проблемы – не Путин и не алкоголизм. Корень проблем – у нас в головах» [Электронный ресурс]. URL: <https://ekb.dk.ru/news/237140392> (дата обращения: 09.12.2020).

8. Кулев В. С. Деловая пресса России: состояние и перспективы // Вестник Московского университета. 1999. № 3. С. 48–59.

9. Литвиненко А. А. Методология микроэкономического анализа // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2016. № 5 (27). С. 82–85.

10. Мингинос В. П. Экономическая журналистика в России (в оценках публицистики и науки) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 191–199.

11. Селезнева О. «Ваши клиенты вовсе не холодные. Неудобные – да. Недобрые. Категоричные. Но не холодные» [Электронный ресурс]. URL: <https://ekb.dk.ru/news/237139741> (дата обращения: 09.12.2020).

12. Селезнева О. «Россия сегодня: чиновникам – пенсии, народу – дожитие» – Владимир Фролов [Электронный ресурс]. URL: <https://ekb.dk.ru/news/237139595> (дата обращения: 09.12.2020).

13. Тарханова Е. «Неуклюжие действия государства и банков ставят на колени большую часть бизнеса в России» [Электронный ресурс]. URL: <https://ekb.dk.ru/news/237140796> (дата обращения: 09.12.2020).

14. Хлебникова А. «Инвесторы выходят из проектов – боятся санкций». Колонка из протестующей Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <https://ekb.dk.ru/news/237139858> (дата обращения: 09.12.2020).

15. Шамбуров О. «Политика везде!» Челябинский бизнесмен отвечает коллеге, которому неинтересна Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://chel.dk.ru/news/237139924>, свободный (дата обращения: 09.12.2020).

УДК 82.09:908

А.А. Ветрова (г. Самара, Россия)

Научный руководитель к.ф.н. доц. О.В. Щеголькова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ГОРОДА САМАРЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛА «ДРУГОЙ ГОРОД»

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В статье рассматривается вопрос о репрезентации средствами массовой информации образов пространства и особенностях формирования «самарского текста» в интернет-издании «Другой город». Основываясь на теории «городского текста» в художественной литературе, автор анализирует публикации интернет-издания «Другой город» и выявляет структурные и содержательные аспекты «провинциального текста» в интерпретации журналистов. В заключение статьи автор говорит том, как нарратив влияет на формирование у читателей образа Самары.

Ключевые слова: образ города, городской текст, нарратив, локус.

The article discusses the question of media representation by urban Internet publications, the image of the city in the modern world. Using the analysis of the urban medium in fiction, the author examines publications about Samara in the Internet edition "Another city". Thus, certain narratives are analyzed and traced that are applied specifically to the Samara environment. In conclusion of the article, the author talks about how the narrative influences the formation of the image of Samara among readers.

Keywords: city image, urban direction, narrative, locus.

В современном мире влияние средств массовой информации сказывается на жизни каждого человека. Благодаря развитию информационных технологий: телевидение, сети Интернет, радио и газет в настоящее время становятся доминирующим источником информации. В связи с этим можно говорить, что СМИ формируют образы действительности для подавляющего числа людей. Таким образом, медиа влияют на мнения и настроения в обществе. Поэтому одно из важных направлений в изучении массмедиа – это формируемые ими образы. В том числе интерес представляют и образы пространства.

Способы изображения пространства как городского, так и сельского активно разрабатывала художественная литература.

Воплощение города как отдельного живого организма в литературе исследовали Н.П. Анциферов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров. Их труды вместе с другими работами исследователей составили отдельное направление научной мысли – теорию городского текста.

Так, Н.П. Анциферов писал: «Город – для изучения самый конкретный культурно-исторический организм. Душа его может легко раскрыться нам» [1, с. 29].

В.Н. Топоров говорит о городском тексте, как о «зеркале города», через которое совершается переход «материальной реальности в духовные ценности» [3, с. 7]. Текст способен обучить читателя выходить за пределы его прочтения и его понимания.

Ю.М. Лотман, рассуждая о городе, рассматривает его как механизм, «постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно. В этом отношении город, как и культура, — механизм, противостоящий времени» [2, с. 283].

Таким образом, учёные и исследователи понятия «городского текста» в литературе предоставили базу и инструментарий, который можно использовать в рассмотрении образа города в текстах массмедиа.

Для анализа особенностей «самарского текста» в журналистских публикациях мы взяли материалы интернет-журнала

«Другой город». Издание появилось в 2013 году, оно является общественно-политическим и в основном рассчитано на аудиторию из Самары или Самарской области. На сайте издания представлены аналитические статьи, а также материалы, затрагивающие тему истории Самары и проблему утраты городом исконного облика. Эти тексты воссоздают утраченные реалии самарского пространства. Многие материалы «Другого города» посвящены конкретным улицам и локусам города Самары. В рамках данной статьи мы остановились на публикациях журнала, затрагивающих историю улиц: Юрия Гагарина, Дыбенко и Мориса Тореза.

Тексты публикаций имеют сходное строение – каждый материал начинается с обозначения года появления улицы, ее прежнего названия, упоминания объектов, которые находились в окружении, протяжённости. Большая часть журналистского текста обычно посвящена советскому периоду. После идёт рассказ о строениях, находившихся на данной улице.

Далее обычно говорится о том, в каком году начал курсировать общественный транспорт, о дорожном покрытии улиц, о том, какая застройка велась в определённый период, как появлялись жилые дома, школы, торговые центры, здания администрации, стадионы.

Улица Мориса Тореза ранее именовалась Садовым проездом. Этот локус был далеко от центра города, об этом свидетельствует следующее предложение: «Примерно до нынешней улицы Революционной тогда тянулась безжизненная равнина, которую сменяли садовые и дачные участки» [6]. На данной улице было не так много построек, старейшая – это корпус школы № 37, возведённый в 1936 году, а кроме него важной культурной реалией данного пространства является стадион «Заря». Он был построен в 1950-ых годах, хотя запланирован в 1937-ом, о культурно-историческом значении объекта упоминается в приведенном примере: «На “Заре” проводились матчи не только уровня первенства города или области, но и поединки дублирующего состава “Крыльев Советов”» [6].

Большое развитие улице Мориса Тореза принесло строительство микрорайона ДОСААФ, в тексте это описывается такими словами, как: «настоящая революция», «граница

нового жилого массива» «обогадилась массой хрущевок», что говорит о достаточно масштабной стройке, которая позитивно оценивается автором публикации, о чем свидетельствует используемая им положительно окрашенная лексика. Но тут же пишется и о Черновских садах: «которые также были принесены в жертву», «жилищное строительство негативно сказалось на экологии» [6]. В этом фрагменте возникает устойчивая тема «самарского текста» в интернет-журнале – утрата исторического облика города, что в приведенном примере подчеркивается устойчивым словосочетанием и оценочным наречием.

На данной улице пытались развить инфраструктуру, были кафе «Комета», ателье «Эра» и телеателье, но авторская оценка событий дается в негативном ключе: «как и положено, новые микрорайоны на протяжении десятилетий после постройки страдали от неблагоустроенности» [6]. Такой план восприятия задается начальным словосочетанием данного предложения, что формирует в сознании читателя не только представление о масштабах и темпах строительства города, но и ставит перед ним социальную проблему отношения городских властей и рядовых жителей, свидетельствуя о неспособности первых предоставить все условия для жизни населению.

Другое городское пространство – улица Гагарина или дорога в село Черновку связывала областную столицу с посёлком Безымянка. Об исторических изменениях локуса сообщают следующие сведения: жилая застройка начала появляться только в конце 1930-ых годов – это был частный сектор. После этих застроек были малочисленные «сталинки» или парадные дома завода «Металлист». Всё изменилось в 1950-60-ые с освоением блочного типа строения, *«за несколько лет нечётная сторона улицы Гагарина от Тухачевского до Революционной кардинально изменила свой облик»* [4].

На улице появляются и культурные объекты: широкоформатный кинотеатр «Весна», ресторан «Руслан» и ЦУМ «Самара». Постепенно улица становится всё более загруженной, при этом рассказ об изменениях инфраструктуры пространства дается автором с использованием оценки: *«Именно этот городской нерв было решено заменить метрополитеном,*

полностью игнорировав при этом вариант прокладки метро в сторону куда более населенных номерных микрорайонов» [4]. В приведенном примере сочетание «городской нерв», показывает читателю густую плотность населения и дорожного движения на этой улице. Далее оценочность становится более заметной: строительство метро «на несколько лет изменило пейзаж улицы Гагарина не в лучшую сторону...» [4]. В данном случае оценочное прилагательное «не в лучшую» описывает неудобства жизни в период строительства. Но далее явственно звучит проблема социального взаимодействия: после того, как линию сдали в эксплуатацию, отрезок улицы всё равно был «непроезжим...Этот «недострой» можно было видеть из окон дирекции Самарского метрополитена» [4]. Подобная проблематика здесь задается негативно окрашенной лексикой, которой автор сопровождает сообщение о нерасторопности уборки после строительства метрополитена.

Следующее из рассматриваемых нами городских пространств – улица Дыбенко – до 1967 года называлась Разгрузочная, в тексте это указание сопровождается ремаркой: «носила невзрачное название» [5]. Применяя качественное прилагательное, автор говорит о трансформации не только названия, но и самого облика улицы в последующем. На Дыбенко в разное время были построены школы и детские сады, роддом. В перечислении важен сам выбор объектов, выявляющий их социальную ценность. Особое внимание автор заостряет на старейших сооружениях, которыми считаются два частных дома, 1940-го года постройки, они «пока еще держатся под натиском новостроек» [5]. Существительное «натиск», не только дает прямую авторскую оценку происходящей в настоящее время плотной застройке, но и ставит перед читателем сквозную для публикаций интернет-журнала проблему утраты городом исконного облика в результате неразумного хозяйствования.

Помимо вербальных форм воспроизведения утраченных исторических реалий «самарский городской текст» в материалах издания формируется и невербальными средствами. К публикациям прикреплены фотографии, представлены снимки карт, редкие кадры улиц, домов, других построек, вырезки

из газетных статей советского времени. Всё это даёт максимально полную картину того, каким был облик определенной улицы в исторической перспективе, а также формирует представление о том, как в целом развивалась областная столица.

Вместе с тем материалы данного издания затрагивают и социальные проблемы современности – плотная застройка, исчезновение рекреационно-экологических зон, доминирование высотного строительства – всё это нарушает гармоничный вид города.

Таким образом, публикации интернет-журнала «Другой город» создают многоаспектный «самарский текст», и не только формируют в сознании читателя реалии старой и новой Самары, но и создают нарратив об истории города, расширяя спектр исторических сведений современного человека.

Литература

1. Анциферов Н. П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина/ Сост. М.Б. Вербловская. СПб.: Лениздат. 1991. 335 с.

2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

3. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб: «Искусство–СПб, 2003. 616 с.

4. Артёмов А. Улица Гагарина: парадные хрущевки космического Куйбышева // [Электронный ресурс]. URL: https://drugoigorod.ru/gagarin_street/ (дата обращения: 9.12.2020).

5. Артёмов А. Улица Дыбенко: утерянный Пятак и место для «Самара Арены» // [Электронный ресурс] URL: https://drugoigorod.ru/dybenko_street/ (дата обращения: 10.12.2020).

6. Артёмов А. Улица Мориса Тореза: стадион «Заря», экспериментальная школа и утраченные озера // [Электронный ресурс] URL: https://drugoigorod.ru/maurice_thorez/ (дата обращения: 10.12.2020).

*Е.В. Мамонова (г. Самара, Россия)
Научный руководитель к.ф.н. доц. Т.В. Болдырева*

СТРУКТУРА ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА В САМАРСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

В работе рассматриваются составные части журналистского текста в интернет-СМИ. Приводятся примеры из практики самарских СМИ, таких как онлайн-журнал «Другой город» и портал 63.ru, обосновываются их подходы к структуре текста.

Ключевые слова: новые медиа, заголовок, подзаголовок, лид, бэкграунд, основная часть статьи, концовка статьи

The article deals with considers components of journalistic text in in online publications of Samara. We give examples from regional publications. The article substantiates their approaches to the composition of the text.

Keywords: new media, heading, subtitle, lead, background, main body of text, end of article.

В настоящее время среди российских СМИ все большую популярность набирают интернет-издания. Они развиваются под влиянием процессов глобализации и новых информационных технологий. В отличие от традиционных медиа, для интернет-СМИ присущи интерактивность, гипертекстуальность, мультимедийность. Одновременно с этим у журналистов, которые работают только на онлайн платформе, возникают вопросы, как привлечь читателя, создать уникальный текст, способный выдержать конкуренцию среди других источников свободном доступе. Уже не нужно думать, как заставить человека купить журнал или газету. В интернете большинство СМИ предоставляют пользователю бесплатный контент, особенно если речь идет об издании, у которого нет аналогов в прессе, на радио и телевидении. Первая задача любого журналиста и редактора интернет-СМИ – заставить пользователя прийти на медийную платформу, дочитать текст до конца и желательно вернуться за новым контентом. Ради этого в ход

идут разные приемы: от создания приложений специально для чтения со смартфона до хитростей в сфере SEO-продвижения.

В настоящей статье речь пойдет о классической стороне журналистской деятельности – выстраивании структуры текста в новых медиа, которая не только позволяет доступно сообщить информацию в соответствии с требованиями к классическому журналистскому тексту, но и удержать интерес, вовлечь пользователя в процесс коммуникации, совершить в сети действия, необходимые для успешного функционирования интернет-издания.

В основе традиционного журналистского текста лежит социальный факт. Важнейшими структурными элементами журналистского текста являются заголовок, лид, основная часть статьи, концовка. Их дополняет бэкграунд. Одна из самых важных функций заголовка – информативность, чтобы человек понял, о чем идет речь, и перешел на саму статью. Следом за заголовком следует лид или подзаголовок. Лид – это вводная часть статьи, первый абзац текста. Так, заголовок очерчивает рамки ситуации, анализируемой в статье, а лид уточняет верификацию и вводит читателя в содержание текста [6, с. 123]. Далее можно уже перейти к основной части текста. В ней описываются подробности: как, почему, зачем, комментарии, кому выгодно, что из этого следует. До или после основной части статьи идет бэкграунд – это фоновые события, контекст происходящего [5, с. 60], предшествующая новости история. Концовка статьи имеет свойство включать в себя наименее важную информацию [1, с. 125].

Рассмотрим тексты городского портала b3.ru, который зарегистрирован как СМИ. Он входит в крупнейшую сеть городских порталов, включающую 44 городских сайта по всей стране. По данным «Яндекс.Метрика», каждый регион за сутки в среднем собирает на своем сайте 1,9 млн посетителей [4]. Тематика издания представлена 29 рубриками: авто, бизнес, весна, город, дороги и транспорт, еда, животные, здоровье, зима, криминал, культура, лето, мой дом, наука, недвижимость, образование, он и она, осень, политика и т.д.

В каждой рубрике можно обнаружить тексты, написанные в разнообразных жанрах. Преобладающим жанром является

новостная заметка. Портал пишет новости по следующей стандартной схеме: заголовок, который подробно объясняет, о чем будет заметка, затем короткий подзаголовок, поясняющий заголовок, затем идет иллюстрация, которую автор публикации обязательно подписывает. Он должен отражать текст статьи. Далее читатель видит текст самой новости, основную часть, комментарий ведомства, дополнение к новости, которое должно вести на похожие статьи портала по гиперссылке. Если в новости речь идет о событии, которое имеет продолжение, то журналисты немного меняют схему написания текста. Сначала в заметке или статье может идти бэкграунд с гиперссылками на тексты по теме, напоминающий вкратце читателю, что произошло, затем только официальный комментарий уполномоченного лица или ведомства на эту тему.

Что касается интервью с героем, редколлегия портала особое внимание уделяет иллюстрациям и снимают видеоконтент. В структуру текста входит заголовок, в который часто вынесена цитата героя, а затем даются пояснения в подзаголовке, о чем будет материал. В лиде может даваться развернутая справка, что за человек герой интервью, его фото, затем уже идут вопросы журналиста и ответы на них. Иногда интервью представлено в форме рассказа с комментариями героя публикации, то есть по ответам интервьюируемого строится повествование.

Когда в городе происходят громкие события, редакция может вести онлайн-репортаж с места происшествия или мероприятия. Строится он по классическому сценарию: заголовок, подзаголовок, лид. Затем идут события в хронологической последовательности. Для примера возьмем репортаж об обрушении дома в Самаре. Журналист собрал ключевые моменты произошедшего: видео с места события, информацию о размещении жильцов, комментарии от главы района, от следователей, ГУ МЧС, новость о перекрытом движении и версия местных жителей об обрушении здания [2]. Если репортер находится в гуще событий, то информация может обновляться по мере поступления от него новых сведений, даже несколько раз в час. Менее горячие темы могут обновляться реже.

Как видим, структура журналистского текста на портале меняется в зависимости от жанра, но неизменным остаются заголовки, подзаголовки. Лид иногда может меняться местами с бэкграундом. Так происходит потому, что журналисту для того, чтобы сообщить информацию, необходимо ввести в курс дела читателя. Автор текста всегда должен думать о том, что читатель видит текст впервые и может быть незнаком с темой сообщения. К заголовку и лиду предъявляются требования по количеству знаков. Они прописаны в административной форме для текстов. Что касается алгоритмов интернет-среды, новость должна быть не короче 65 и не длиннее 110 знаков. К подзаголовкам отношение более лояльное, у каждой редакции своя форма написания подзаголовков.

Рассмотрим иное популярное самарское издание – «Другой город». Он позиционируется как интернет-журнал. В нем нет криминальных новостей, заметки в основном касаются жизни города Самары: что в нем происходит, причины явлений, историй и людей. Рубрики журнала делятся на шесть категорий: новости, истории, здоровая жизнь, отдых, рубрики и коронавирус. Последняя появилась только в 2020 году в связи с большим информационным потоком, связанным с пандемией, здесь публикуются все тексты, которые касаются актуальной темы. Что касается структуры новостей, они строятся по следующей схеме: заголовок, который будет понятен читателю, лид, в котором отражена главная мысль новости, бэкграунд, комментарий, отсылка к похожей новости. Здесь можно отметить, что бэкграунд, комментарий причастного лица или уполномоченного и отсылка могут меняться местами.

Отличительной чертой журнала является его историческая составляющая. Журналисты рассказывают читателям о городе Самаре в своих спецпроектах. В качестве примера рассмотрим структуру текстов в материале «Город золотой» [4]. В начале идет подзаголовок, в котором автор определяет проблему (что не так с городом?), затем в лиде поясняет, как будет идти «разбор полетов», еще раз уточняется проблема – застройка дворов в старом городе. Затем идет предыстория возникшей проблемы, настоящее состояние, ответ на вопрос

(«Выживет ли старый город?»), позиция властей. В каждой главе статьи есть отсылки к другим статьям. В конце статьи есть вывод: «Убивая «ветхие» и «неценные» здания, мы бесследно стираем ее [старую Самару – *авт.*] с физического и ментального пространства, лишаем себя возможности путешествовать во времени внутри города».

Интервью в издании строится по следующей структуре: заголовок (короткий, более присущий печатным изданиям), подзаголовок, в котором читателю объясняют, что это за герой и что он из себя представляет, затем идет интервью в классическом формате вопрос-ответ.

Как видим, структура текста совершенно разных по типу самарских изданий имеет сходство. Редакторы отбирают новости самостоятельно, ориентируясь на свою аудиторию. Но посыл в текстах разный. В 63.ru делается акцент на сенсационность, то есть у редакции есть мнение, основанное на опыте, что будут читать. В «Другом городе» основная повестка – это культурные мероприятия, история города, сохранение культурных ценностей.

Но и здесь есть исключения. В 2020 году к 75-летию праздника Победы в 63.ru появился исторический проект «Фронтной инстаграм». Редакция собирала истории и архивные фотографии ветеранов и каждый понедельник их публиковала на сайте. Интерес к такому проекту объясняется тем, что правительство выделило грант на подобные интернет-проекты. Таким образом, если история города Самары для «Другого города» является концепцией, то для 63.ru такие публикации являются средством для получения прибыли и способом разнообразить контент.

Можно сделать вывод, что успех 63.ru обусловлен тем, что редакция удовлетворяет потребность пользователей в оперативной информации. Частота обновлений на таких сайтах ведется на минуты в режиме breaking news [3, с. 61]. В 63.ru есть форма авторской колонки. Блогосфера очень активно развивалась с 2000 года, поэтому журналистам портала пришлось всерьез заняться своим собственным блогом из-за конкуренции с непрофессионалами в этой отрасли. На сайте в рубрике «Мнения» журналисты 63.ru высказывают свою точку зрения

на разные события. В «Другом городе» есть статьи с мнениями профессионалов в какой-либо области.

Структура самарских изданий играет роль для удобства читателя. Она может быть совершенно одинаковой у двух разных изданий, но очень важен посыл текстов. В 63.ru мы наблюдаем обилие мультимедийной информации: видео, много фотографий, но все объясняется. В «Другом городе» можно тоже заметить обилие снимков, но отсутствует видео. 63.ru пытается сделать свое издание единственным источником новостей для жителя Самары, там публикуют все самое актуальное, «Другой город» ориентирован на иную аудиторию, которая интересуется историей и культурой, мероприятиями.

Литература

1. Колесниченко А.В. Прикладная журналистика: учебное пособие. М.: МГУ, 2008. 321 с.

2. Ламзина А. «Додумались копать под аварийным фундаментом»: жильцы об обрушении дома на Галактионовской // [Электронный ресурс]. URL: https://63.ru/text/incidents/2020/09/05/69457135/#post_1599318025 (дата обращения: 11.12.2020).

3. Лукина М.М. Трансформации журналистского текста в условиях интернет-среды // Новые журналистские технологии Медиакит [Электронный ресурс]. URL: <https://mediakit.63.ru/samara> (дата обращения: 10.12.2020).

4. Редакция. Город золотой // [Электронный ресурс]. URL: <https://drugoigorod.ru/history-poselen-problem/> (дата обращения: 12.12.2020).

5. Современный медиатекст: учебное пособие /отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.

6. Хэчжэнь Ф. Структура «Заголовок-подзаголовок-лид-текст»: распределение информации // Известия ВГПУ. Филологические науки. Волгоград, 2017. С. 125–127.

Э.Н. Серга (г. Мурманск, Россия)
Научный руководитель д.ф.н. проф. О.Н. Иванищева

**МАЛЕНЬКАЯ ПРОБЛЕМА –
БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
(ОСВЕЩЕНИЕ В СМИ ВЫБРОСОВ
ДИОКСИДА СЕРЫ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»*

В статье рассмотрена специфика представления экологической темы регионального масштаба независимыми СМИ и медиа, лояльными корпорации «Норникель». Используются методы сплошной выборки и функционально-ролевой анализ текстов СМИ. Утверждается, что публикации независимых медиа акцентируют свое внимание на трансграничном аспекте проблемы, связь с общероссийскими экологическими катастрофами прослеживается слабо, а роль СМИ в освещении экологической темы регионального уровня представлена информационной и организационной функциями. Статья будет полезна при анализе региональных медиарынков.

Ключевые слова: экологическая журналистика, независимые СМИ, лояльные медиа.

The article examines the specifics of environmental topics on a regional scale by independent and loyal media to Nor Nickel Corporation. Methods of continuous sampling and functional-role analysis of media texts are used. It is stated that the publications of independent media focus on the transboundary aspect of the problem, the connection with all-Russian environmental disasters is poorly traced, and the role of the media in the coverage of the environmental theme of the regional level is represented by informational and organizational functions. The article will be useful in the analysis of regional media markets.

Keywords: environmental journalism, independent media, loyal media.

25 января 2019 года произошел залповый выброс двуокиси серы из труб плавильного цеха Кольской горно-металлургической компании (Кольская ГМК), дочерней «Горно-металлургической компании «Норильский никель» («Норникель»), в поселке Никель (Мурманская область). Событие соотносимо с экологическим событием отнюдь не регионального значения,

имеющее огромное значение в жизни населения не только Мурманской области, но и соседней Норвегии, последствия которого касаются здоровья людей, проживающих на этих территориях.

Диоксид серы (SO₂) – одна из основных причин высокой заболеваемости и смертности во всем мире, связанных с загрязнением воздуха (по данным ВОЗ). Предельно допустимая концентрация (ПДК) диоксида серы, мг/м в рабочей зоне – 10, максимальная разовая в атмосфере населенных пунктов – 0,5, среднесуточная – 0,05 [15]. Согласно данным ФГБУ «Мурманское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» в течение 2019-2020 годов в поселке Никель постоянно наблюдались метеоусловия, способствующие накоплению загрязняющих веществ в приземном слое атмосферы. Максимальная разовая концентрация диоксида серы в атмосферном воздухе поселка Никель с 01.08.2019 по 01.12.2020 колебалась от 1,1 ПДК (27.11.2020; 16.12.2019; 08.09.2019; 23.08.2019) до 9,9 ПДК (03.04.2020) [16]. В некоторые периоды ПДК существенно менялась в течение 3 дней: 4,2 (09.08.2019), 2,0 (10.08.2019), 4,9 (11.08.2019).

На фоне катастрофы в Норильске 29 мая 2020 года, имеющей огромный резонанс на общественном и политическом уровне, события в поселке Никель 25 января 2019 года не вызвали такой озабоченности. А. Золотков, руководитель общественной экологической организации «Беллона» по Мурманской области, отметил по этому поводу: «Сейчас в Норильск слетелось много руководства – «Норникель», Росприроднадзор, Ростехнадзор, МЧС и др. Будут рапорты, оценки ситуации и победные репортажи. Сильно будут грозить кулаками в сторону «Норникеля» как полновластного владельца этой территории. Не хочу заниматься предсказаниями, достаточно просто посмотреть на поведение компании и контролирующих органов. Для примера возьмём залповые, почти аварийные, выбросы двуоксида серы в Никеле или в Мончегорске (Мурманская область). Кто-нибудь из контролирующих органов – областное минприроды или Росприроднадзор – хоть пальцем пошевелил? Или страшно сказать – провёл расследование и наказал виновных? Ничего этого не было и, скорее всего,

не будет. На четвереньках стоят природоохранные и контролирующие органы перед такими монстрами промышленности. Они у нас градообразующие и системообразующие! Их нельзя трогать и, тем более, наказывать» [8].

Актуальность данной работы обусловлена не только важностью экологической проблематики на современном уровне развития мирового сообщества, но и нарастающей потребностью смотреть на экологические вызовы с позиции отдельной страны и региона в частности. Интерес к проблемам экологии на уровне политических элит нарастает с каждым днем. По мнению аналитиков, Президент Российской Федерации В. Путин стал чаще заниматься проблемами, которые пугают губернаторов, но волнуют россиян – это вопросы экологической обстановки, которые жители нашей страны ставят на пятое место по важности после социально-экономических проблем (рост цен, рост безработицы, бедность, недоступность медобслуживания) [6].

Материалом являются десять публикаций в январе 2019 года – декабре 2020 года о выбросах диоксида серы из труб плавильного цеха Кольской горно-металлургической компании (Кольская ГМК), дочерней «Горно-металлургической компании «Норильский никель» («Норникель»)), в поселке Никель (Мурманская область), а также пресс-релизы на сайте корпорации «Норникель».

Источниками исследования являются сайты независимых (в том числе специализированных) СМИ: www.hibiny.com, bellona.ru, www.forbes.ru, novayagazeta.ru, ru.globalvoices.org, www.sovross.ru, rusnord.ru. Кроме того, к анализу привлекались материалы сайтов СМИ, лояльных корпорации «Норникель»: tv21.ru, kn51.ru. Были проанализированы также материалы сайтов региональных СМИ по тематике «Норникель»: федерально-региональные (АиФ на Мурмане, Комсомольская правда на Мурмане) и региональные (Мурманский вестник, Вечерний Мурманск; а также интернет-издания Северпост, Би-порт, Nord News).

Региональные экологические проблемы, обусловленные деятельностью крупных корпораций, освещаются в большинстве случаев с одной позиции, характеризующей мероприятия

корпорации в положительном ключе, в результате чего функции качественной, независимой журналистики реализуются в неполной степени.

Приоритетами экополитики являются обеспечение достаточного уровня прочности экологической безопасности, достойного качества жизни обществ и институализация «зеленой» экономики. Под экологической политикой корпорации понимается стратегия ее взаимодействий с другими социальными и политическими акторами, действующими в сфере окружающей среды, в первую очередь, с государственными структурами, организациями экологического движения, местными сообществами, общинами коренных малочисленных народов Российского Севера. Добывающие корпорации функционируют на территории Российского Севера и Сибири, создавая экологические риски для удаленных от региональных центров местных сообществ. В связи с недостаточной сформированностью российской государственной экологической политики отношения между корпорациями, специализирующихся на добычи нефти, газа и минеральных ресурсов, и государством в литературе отмечается, что государство и крупные корпорации имеют схожие экономические интересы, что означает их совпадение их приоритетов в экологической политике. Но отношения эти непростые, иногда доходящие до конфликтов в сфере управления охраной окружающей среды. Поводом к одному из первых конфликтов послужил иск Кольской горно-металлургической компании в Верховный суд против платы за загрязнение [1, с. 158–160].

С 1990-х годов в Российской Федерации отмечалась тенденция к децентрализации (регионализации) федеральной экологической политики, поэтому экологическое управление с этого времени развивалось прежде всего на региональном уровне [13, с. 109–110]. Это сказалось на экологической политике ресурсодобывающих холдингов. В связи с этим были сформулированы в том числе следующие приоритеты по отношению к природоохранной деятельности: технологии предотвращения загрязнений должны быть экономически выгодны; необходимо разработать новые федеральные законы и нормы охраны окружающей среды, которые должны стать

обязательными для регионов, так как региональные и местные власти используют различные способы давления на компании для того, чтобы заставить их платить за загрязнения даже в том случае, если платежи запрещены на государственном уровне; природоохранные нормы должны быть жесткими в густонаселенной Европейской России и гораздо более мягкими для регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока для стимулирования их экономического развития [1, с. 162]. Последнее положение особенно спорно для Кольского полуострова, где рядом с норвежско-российской границей расположены предприятия «Норильского Никеля».

Таким образом, вопросы экологии все больше становятся предметом обсуждения общественности. Недостаток информации о государственных и частных инициативах влияет на формирование повестки дня и требуют активного участия такого важного инструмента развития демократии, как журналистика.

В основном публикации, освещающие событие 25 января 2019 года в поселке Никель Мурманской области, больше акцентируют свое внимание на трансграничном аспекте проблемы, чем на значимости события в российском регионе.

Рассмотрим тематические доминанты журналистских публикаций. Статьи, написанные непосредственно по данному инфоповоду, представлены только в независимых СМИ. Их можно разделить на 3 группы.

Первая группа статей – это статьи представителей «Беллоны». В статье «Мнение: Металлург Никеля дали комментарий по выбросу двуокиси серы 25 января» от 6 февраля 2019 года (автор А. Золотков) выделяются следующие тематические блоки: оперативность, озабоченность, неоднократность. Квинтэссенция статьи выражена следующей мыслью: «Уважаемые металлурги могут продолжать дымить на близлежащий российский населенный пункт такими концентрациями. А объясняться будут только при резкой смене направления ветра, когда загрязненные диоксидом серы воздушные массы окажутся на норвежской стороне, и появятся «министры» – актуализирует позицию автора, которая состоит в том, что экология важна тогда, когда она затрагивает чьи-то интересы [9].

7 февраля 2019 года на сайте www.hibiny.com выходит такая же по содержанию статья А. Золоткова, но с другим названием «Кольская ГМК прокомментировала залповый выброс двуокиси серы в Никеле» [7].

Основная тематическая доминанта первой группы журналистских публикаций – это обвинения Кольской ГМК в экологической проблеме на Севере.

Вторая группа публикаций представлена работами Т. Брицкой в «Новой газете». Так, в ее статье ««Перестаньте травить людей». Норвежцы считают предприятия российского Заполярья источником экологической угрозы» от 27 февраля 2019 года [3] тематической доминантой является уже реакция соседней норвежской коммуны на выбросы диоксида серы, что отражено в заголовке статьи и в лиде: «В конце января все жители приграничной норвежской коммуны Сер-Варангер получили тревожные СМС от муниципалитета: людей просили не выходить на улицы без лишней надобности и не гулять в долине Пасвик. Причина – высокая концентрация диоксида серы в атмосфере». Т. Брицкая – спецкор в Заполярье «Новой газеты», коренная жительница г. Мурманска. Ее не назовешь «сочувствующей» сильным мира сего. Она строит композицию своей статьи на противопоставлении Норвегии и России, Киркенеса и Никеля, черного и белого: «В чистом Киркенесе – столице коммуны, где снег всегда ослепительно бел, а в воздухе носится разве что запах свежесваренного кофе» и «Не потому ли, проезжая Никель, видишь лунный пейзаж в неизменных черно-бурых тонах?». Противопоставление Кольского полуострова и соседней Северной Норвегии – своеобразное клише, стереотип в сознании жителей Мурманской области. От города Мурманска до норвежского Киркенеса 4 часа езды на микроавтобусе, есть безвизовый режим, многие жители Никеля годами ездят в Киркенес по выходным делать покупки. Образом «Норвегия – Россия: дружба противоположностей» никого на Кольском Севере не удивишь. Еще большее от этого звучат слова журналистки о том, что мы привыкли, что о нас никто не заботится, смирились с этим, а жители маленькой Норвегии – нет: «В отличие от жителей Сер-Варангера никельчане никаких предупреждающих СМС

не получают и давно привыкли к своей доле. А вот в Киркенесе привыкать отказываются». Различно не только отношение к предупреждению о выбросах, но и реакция соответствующих органов: в России «чиновники посоветовали (жителям. – Э.С.) <...> купить противогазы», а в Норвегии «бойкотировать продукцию компании BASF, которая в Финляндии производит батареи для столь популярных в Норвегии электрокаров». Кстати, покупать противогазы российские чиновники советуют гражданам не в первый раз (см. статью Т. Брицкой «Купите противогазы!»). Такой совет чиновники дали жителям города, которых травят диоксидом серы» от 6 апреля 2018 года [4].

В статье А. Киреевой, председателя Баренц Пресс, «Как «Норильский Никель» Норвегии гадит» от 25 января 2019 года [12], которую можно отнести к третьей группе публикаций, акцент практически полностью перенесен на реакцию на выбросы со стороны норвежской стороны, судя уже по заголовку и лиду: «Сегодня, 25 января, система оповещения приграничной с Россией норвежской коммуны Сёр-Варангер предупредила жителей с сердечно сосудистыми заболеваниями воздержаться от прогулок по причине высокой концентрации диоксида серы, которую ветер приносит из поселка Никель». А. Киреева цитирует мнение норвежских специалистов, которые называют ситуацию неприемлемой: «Последовательное снижение годовых выбросов – это одно, а вот превышение максимально допустимых концентраций в 10 раз, как это случилось на этой неделе в Никеле, – совсем другое. Это серьезная региональная проблема, которая затрагивает жителей приграничных районов и России и Норвегии».

В лояльных (в другой терминологии – корпоративных) «Норникелю» СМИ (Kn51.ru, ТВ21) происшествие 25 января 2019 года не представлено. В интернет-издании Kn51.ru последняя публикация на ключевое слово «выбросы» от 16 марта 2019 года называется «Почему белочкам нельзя есть миндаль и хлеб?», в которой в том числе сообщается: «Количество белка увеличилось, это связано и с искусственным кормлением, и с отсутствием хищников, и с тем, что за последние десятилетия улучшилась экологическая ситуация. Выбросы, которые

были в советский период, аккумуляровались в почве, в растениях и десятки лет сохранялись. Но со временем они выводятся, и животные это чувствуют, их численность восстанавливается» [11].

А ТВ 21 в сюжете от 7 февраля 2019 года рассказали о выбросе угольной пыли в Кандалакше [5].

Что касается пресс-службы Норникеля, то в ее пресс-релизе от 4 февраля 2019 года «Изменение режима работы Кольской ГМК при неблагоприятных метеоусловиях» [10] искусно переставлены местами причина и следствие. В начале пресс-релиза сообщается, что «в конце января в ряде районов Мурманской области наблюдались метеоусловия, способствовавшие накоплению загрязняющих веществ в приземном слое атмосферы. Такие метеоусловия неблагоприятны для рассеивания примесей, в связи с чем ФГБУ «Мурманское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» направляло в адрес промышленных предприятий региона предупреждения для принятия решений о сокращении выбросов». Несколькими абзацами ниже добавлено, что «в частности, 25 января, после получения извещения о НМУ (неблагоприятные метеоусловия – Э.С.), в плавильном цехе пос. Никель последовательно вводились ограничения технологического режима вплоть до прекращения подачи серосодержащего сырья (брикетов медно-никелевого концентрата) в печи. В них поддерживалась только минимальная температура, достаточная для того, чтобы не застыл уже находящийся в печи расплав. Также была приостановлена работа конверторов, в которых штейн преобразуется в фэйнштейн (конечная продукция плавцеха)».

Необходимо отметить, что федерально-региональные СМИ (АиФ на Мурмане, Комсомольская правда на Мурмане) и региональные медиа (Мурманский вестник, Вечерний Мурманск; а также интернет-издания: Северпост, Би-порт, Nord News) на рассматриваемый в статье экологический инфоповод практически не отреагировали. Это неудивительно, так как государственные СМИ можно поставить в один ряд с корпоративными по степени их лояльности по отношению к крупным корпорациям. На это неоднократно указывали известные

российские экожурналисты. Так, А. Федоров, председатель Ассоциации журналистов-экологов, в интервью 2020 года утверждает: «Они (государственные СМИ – Э.С.) не заинтересованы в этом (в освещении экологических проблем – Э.С.). Более того, в год экологии (2017) ни одно государственное СМИ не сделало специализированной рубрики или программы на тему защиты природы. Действительно, было много публикаций, благодаря которым граждане стали более информированными о нынешнем состоянии среды, но в целом проблема игнорируется» [2].

Нами была обнаружена лишь одна информационная заметка в городской газете «Вечерний Мурманск» от 26 января 2019 года «Приграничных жителей Норвегии напугали поселком в Мурманской области» [14]. Информация о выбросе появилась оперативно, на следующий день после происшествия, и отражает официальную точку зрения: «вчера, 25 января, жителей норвежской коммуны Сёр-Варангер попросили воздержаться от прогулок из-за высокой концентрации в воздухе диоксида серы (SO₂)»; «представители компании, владеющей производством в поселке, заявили применении ограничивающих режимов, как и должно происходить при получении информации о неблагоприятных метеоусловиях»; «в данный момент превышения ПДК нет». Заканчивает заметка оптимистичным заявлением о том, что «в то же время представители экологического объединения отмечают общее снижение количества выбросов с предприятия в долгосрочных наблюдениях».

В целом публикации на тему выбросов диоксида серы в Мурманской области 25 января 2019 года относятся к блоку, анализирующему взаимодействие политики, экономики и экологии. Публикации немногочисленны даже в независимых СМИ, что объясняется региональной суженностью проблемы. Публикации независимых медиа акцентируют свое внимание на трансграничном аспекте проблемы, связь с общероссийскими экологическими катастрофами прослеживается слабо. Роль СМИ в освещении экологической темы регионального уровня представлена информационной и организационной функциями. Последнюю в этом аспекте следует понимать как функцию организации общественности на решение важных

вопросов современности. Что касается информирования общественности о событиях в поселке Никель, то необходимо отметить прием утаивания информации, что характерно для СМИ, лояльных корпорации «Норникель».

Литература

1. Аксенова О.В. Экологическая политика крупных российских корпораций: формирование общей и местной стратегии // Политическая наука. 2010. № 2. С. 158–176.

2. Бабошин Д. Двоякодышащая Россия: наша главная экологическая проблема // Журналист. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://jrnlst.ru/aleksandr-fedorov> (Дата обращения: 29.11.2020).

3. Брицкая Т. «Перестаньте травить людей». Норвежцы считают предприятия российского Заполярья источником экологической угрозы. 27 февраля 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/02/27/79717> (Дата обращения: 01.12.2020).

4. Брицкая Т. «Купите противогазы!» Такой совет чиновники дали жителям города, которых травят диоксидом серы. 06 апреля 2018 // [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/04/06> (Дата обращения: 04.12.2020).

5. Выбросом угольной пыли в Кандалакше заинтересовались Мурманские следователи. 07 февраля 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tv21.ru/news/2019/02/07> (Дата обращения: 08.12.2020).

6. Дианов С. Путин лично занялся решением проблемы, пугающей губернаторов. 27 ноября 2020 // [Электронный ресурс]. URL: <https://amp.ura.news/articles/1036281522> (Дата обращения: 04.12.2020).

7. Золотков А. Кольская ГМК прокомментировала залповый выброс двуокиси серы в Никеле. 07 февраля 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hibiny.com/news/archive/185041> (Дата обращения: 01.12.2020).

8. Золотков А. На восстановление окружающей среды после разлива в Норильске уйдет минимум 10 лет. 05 июня 2020 // [Электронный ресурс]. URL: <https://bellona.ru/2020/06/05> (Дата обращения: 03.12.2020).

9. Золотков А. Мнение: Металлург Никеля дали комментарий по выбросу двуокиси серы 25 января. 06 февраля 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://bellona.ru/2019/02/06> (Дата обращения: 02.12.2020).

10. Изменение режима работы Кольской ГМК при неблагоприятных метеоусловиях. Пресс-релиз. 04 февраля 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news> (Дата обращения: 02.12.2020).

11. Калинина Л. Почему белочкам нельзя есть миндаль и хлеб? 16 марта 2019 // [Электронный ресурс]. URL: https://kn51.ru/news/society/facts_and_events/2019/3/16 (Дата обращения: 05.12.2020).

12. Киреева А. Как «Норильский Никель» Норвегии гадит. 25 января 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <http://rusnord.ru/escopic/43355> (Дата обращения: 02.12.2020).

13. Марар О.И. Реальность и перспективы экологической политики современной России // Социология власти. 2011. №6. С. 108–115.

14. Приграничных жителей Норвегии напугали поселком в Мурманской области. 26 января 2019 // [Электронный ресурс]. URL: <https://vmnews.ru/novosti/2019/01/26> (Дата обращения: 03.12.2020).

15. Справочник химика 21. Химия и химическая технология // [Электронный ресурс]. URL: <https://chem21.info/info/772725/> (Дата обращения: 02.12.2020).

16. ФГБУ «Мурманское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.kolgimet.ru/monitoring-zagrjaznenija-okruzhajushchei-sredy> (Дата обращения: 02.12.2020).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-------------------	---

Актуальные вопросы русистики

<i>Болгова Е.В.</i> Зоонимичные прозвища в современном речевом употреблении.....	6
<i>Емельянова К.Ю.</i> Модели псевдоэквивалентности сложносокращённых слов.....	13
<i>Завадская Ю.О.</i> <i>Всё повторяется дважды, а иногда и трижды:</i> о функциях повтора в русском устном монологе.....	19
<i>Колосовская Т.Л.</i> <i>Кто – кого?</i> – о компонентах синтаксической фраземы < <i>p – n₁ отдыхает</i> > в русском устном дискурсе.....	31
<i>Прутова А.С.</i> Лексикографический портрет слова «страх»	42
<i>Самоварнова А.С.</i> Образное моделирование концепта «зрение»: антропоморфная метафора.....	49
<i>Сунь Сяоли.</i> Особенности употребления слова <i>самый</i> в сочетании с разными частями речи в русском устном дискурсе.....	54
<i>Сутурина Т.А.</i> Способы образования окказионализмов в современной русской поэзии.....	62
<i>Чекина А.А.</i> <i>Тра-та-та, ля-ля-ля, тэ-тэ-тэ,</i> или Об амплификации в живой речи	67

Языковая личность

в парадигме филологических и культурологических знаний

<i>Аникин А.А.</i> Диалектная лексика охоты (на материале одного из говоров Ульяновской области).....	77
<i>Иванов И.Э.</i> Функции претеритных форм в сочинениях инока Авраамия	86
<i>Какорина Д.А.</i> Японские заимствования в субкультуре аниме.....	96

<i>Ломакин А.В.</i> Космическая тема в стихах куйбышевских поэтов периода «оттепели».....	100
<i>Маслова М.Д.</i> Создание корпуса диалектных текстов как способ сохранения наследия русской деревни.....	106
<i>Обухова Е.А.</i> Источники возникновения этнофолизмов, называющих народы Красноярского края.....	111
<i>Чернышева Ю.С.</i> К вопросу о мотивах русских рекрутских частушек Прикамья.....	116

Художественный текст как феномен культуры

<i>Болдырева Т.В., Погромская Н.А.</i> Образ города Тольятти в пьесах Вадима Леванова, Юрия Клавдиева, Михаила и Вячеслава Дурненковых.....	123
<i>Гаврилова П.Ю.</i> Жанровые элементы притчи в романе Ж. Сарамато «Слепота».....	129
<i>Груничева М.Д.</i> Амбивалентное пространство Крым а в романе И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых».....	137
<i>Губина В.В.</i> Предметная детализация в рассказе А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда».....	142
<i>Коробкина М.Е.</i> Метаморфоза песка: оптические мотивы «Песочного человека» Гофмана сквозь призму огня.....	148
<i>Рашидова Л.А.</i> Путь поэта и путь человека в контексте орфического мифа в цикле «Стихи Блоку» («Как сонный, как пьяный...») и в стихотворении «Орфей»	155
<i>Степанова А.Н.</i> Метафорическая модель «пространство – эмоция» в современной поэтической речи	160
<i>Титова М.А.</i> Обзор научных подходов к изучению понятия «идиостиль» писателя	166
<i>Худышева М.В.</i> Лексика цвета в поэтических циклах А.А. Блока «Родина», «Итальянские стихи».....	174

Вопросы воспитания и языкового развития в педагогическом образовании

<i>Жирихова Е.Е.</i> Пути формирования представлений о семейных ценностях	
--	--

при изучении малых фольклорных жанров на уроках русского языка.....	182
<i>Мязитова С.А.</i> Использование информационно-коммуникационных технологий на уроках русского языка в условиях дистанционного обучения.....	190
<i>Никанорова П.Ю.</i> Использование проектной технологии при изучении фольклора Самарского края о Степане Разине в 7-8 классах.....	194
<i>Салкеева Е.Ю.</i> Применение метода ассоциаций в обучении русскому языку и литературе.....	201
<i>Михайлова А.А. , Худышева М.В.</i> Использование инновационной технологии лэпбук на интегрированном уроке	207
<i>Шаповалова Л.И. , Хоруженко Н.А.</i> Модели смешанного обучения.....	212

**Функционирование языковых единиц
в современном информационном пространстве**

<i>Бычков М.Д.</i> Справедливость как ценностная доминанта в текстах экономической тематики региональных СМИ.....	216
<i>Ветрова А.А.</i> Репрезентация образа города Самары в публикациях интернет-журнала «Другой город».....	223
<i>Мамонова Е.В.</i> Структура журналистского текста в самарских интернет-СМИ.....	229
<i>Серга Э.Н.</i> Маленькая проблема – большие последствия (освещение в СМИ выбросов диоксида серы в Мурманской области).....	235

